

М.П. БОЙЧАК

Р.Н. ЛЯКИНА

ИХ ПУТЬ В МЕДИЦИНУ НАЧИНАЛСЯ С КИЕВО-МОГИЛЯНСКОЙ АКАДЕМИИ

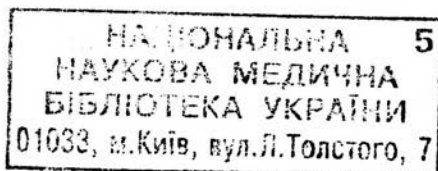
Киев – 2011

М.П. БОЙЧАК, Р.Н. ЛЯКИНА

**ИХ ПУТЬ В МЕДИЦИНУ НАЧИНАЛСЯ
С КИЕВО-МОГИЛЯНСКОЙ АКАДЕМИИ**

Афина Паллада (богиня мудрости) — патронесса
Киево-Могилянской академии (Гравюра К. Щирского)

ИХ ПУТЬ В МЕДИЦИНУ
НАЧИНАЛСЯ
С КИЕВО-МОГИЛЯНСКОЙ
АКАДЕМИИ

Уважаемая Раиса Мвенюк!

В этот первый день весны 2012 - выражаем
Вам и всем сотрудникам библиотеки свои
искреннюю благодарность за помощь в
работе над этой книгой, и, вообще, за
Вашу подвижническую деятельность на благо род-
ной нашей страны и продвижения наших
медицинских кадров.

Киев - 2011

С чувством глубокого почтения,
1.03.2012. от авторов (Бойчук)

1. История медицины
2. Академии и институты/история

УДК 378.4(477-25).093:61]"1700/1817"

ББК 74.58(4Укр-2К)

Б 77

Б 917 61/5

Бойчак М.П., Лякина Р.Н.

Б77 Их путь в медицину начинался с Киево-Могилянской академии // М.П. Бойчак, Р.М. Лякина. — К.: Мединформ, 2011. — С. 329.

ISBN 978-966-409-096-1

Авторы монографии «Их путь в медицину начинался с Киево-Могилянской академии» на материале малоизвестных архивных документов и литературных источников рассказывают о студентах Киево-Могилянской академии, которые в течение XVIII столетия и до закрытия ее в 1817 г., посвятили себя медицине.

Впервые вводятся в научный оборот свыше 260 фамилий воспитанников академии, ставших врачами. Приводятся интересные сведения из жизни Киево-Могилянской академии, истории подготовки медицинских кадров в Московской и Санкт-Петербургских госпитальных школах.

Книга может стать полезной для историков Украины и России, историков медицины и педагогики, студентов старших курсов (медики, историки, журналисты, педагоги) высших учебных заведений, для всех, кто ищет что-то новое в нашем прошлом.

УДК 378.4(477-25).093:61]"1700/1817"

ББК 74.58(4Укр-2К)

БЛАГОДАРНОСТЬ

Авторы книги выражают искреннюю благодарность сотрудникам государственного Исторического архива Украины (Киев), Государственного архива Киевской области, Государственного архива г. Киева, Национальной научной медицинской библиотеки, Государственной научной архитектурно-строительной библиотеки имени В.Г. Заболотного, Национальной Исторической библиотеки Украины за их безотказную творческую помощь.

Особую благодарность мы выражаем сотрудникам Института Рукописей Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского Ольге Петровне Степченко, Елене Павловне Шевчук и Ларисе Анатольевне Борисовой за высококвалифицированную помощь в поисках необходимых исторических документов.

Слова благодарности сотрудникам Главного военного клинического госпиталя МО Украины: Татьяне Владимировне Бутенко, Татьяне Викторовне Коршуновой, Ольге Васильевне Добровольской за помощь в подборе необходимой литературы; Александре Ивановне Рудницкой и Сергею Николаевичу Голово за помощь по компьютерному набору текста; Дмитрию Константиновичу Шитко за подготовку иллюстраций.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ – «КРАТКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗВЕСТИЕ О КИЕВСКОЙ АКАДЕМИИ»¹

История Киево-Могилянской академии навсегда останется ни с чем несравнимой, непревзойденной, незабываемой и постоянно изучаемой страницей культурной жизни Украины.

Свою работу мы посвятили студентам Академии, которые в течение XVIII столетия и до ее закрытия в 1817 г., получив в ней прекрасное образование, поступали в госпитальные школы, училища, академии Москвы и Санкт-Петербурга для получения врачебной профессии и пополнения рядов национальных кадров.

Эту тему до нас давно и успешно поднимали историки медицины – Н.И. Петров, Я.А. Чистович, Л.Ф. Змеев, В. Плющ, Б.Н. Палкин, Н.К. Бородий, П. Пундий, отечественные авторы более 80 статей в энциклопедическом издании «Киево-Могилянська академія в іменах. XVII–XVIII ст.». И, тем не менее, архивы Киева хранят сведения еще о многих, незаслуженно забытых студентах Киево-Могилянской академии, посвятивших себя наиболее востребованной в те времена и гуманной профессии лекаря.

Мы не рассчитывали на полное исследование всех фондов киевских архивов по данной теме, но то, что нам удалось найти,

¹ «Краткое историческое известие о Киевской Академии» – наименование работы ректора Киево-Могилянской академии И.Я. Фальковского

заслуживает внимания, поскольку еще раз подтверждает, что Киево-Могилянская академия до конца своей истории оставалась лучшим и надежным учебным заведением, готовившим своих студентов для дальнейшей учебы в медицинских школах XVIII–XIX вв.

К сожалению, в историко-медицинской литературе (как в прежней, так и в современной) недостаточно полно представлена роль Киево-Могилянской академии в подготовке медицинских кадров. Даже объемные юбилейные издания, посвященные 300-летию Главного военного клинического госпиталя имени академика Н.Н. Бурденко и 200-летию Российской Военно-медицинской академии очень скромно освещают этот вопрос. А это как раз те учреждения, где в основном готовились медицинские кадры в XVIII – начале XIX ст. А одним из источников пополнения их учениками служила Киево-Могилянская академия.

Становление и развитие Киевской академии – кузницы национальных кадров для формирования в Украине административных, судебных, культурных учреждений и войска Запорожского было тесно связано с героической, а подчас и трагической борьбой народа за независимость от засилия Речи Посполитой и католической церкви. Однако одним мечом утвердить независимость государства невозможно – понадобилась духовная сила, которую могла воспитать только школа. И такая школа при многосторонней поддержке передовых киевлян, объединившихся в Братство для защиты национальных интересов, была создана на Подоле в Богоявленском монастыре, которому в 1615 г. поборница православной церкви Галшка Гугулевичевна подарила свой плац – надел земли.

Вот как рассказал об этом судьбоносном для будущей Академии событии ее ректор – выдающийся ученый конца XVIII века – начала XIX века Иван Якимович Фальковский (1762–1823) в своем труде «Краткое историческое известие о Киевской академии», хранящемся в Институте рукописей Национальной библиотеки им. В.И. Вернадского [1]:

Барельеф на стене здания Киево-Могиланской академии, посвященный Галишке Гугулевичевне (скульптор Луцак В.)

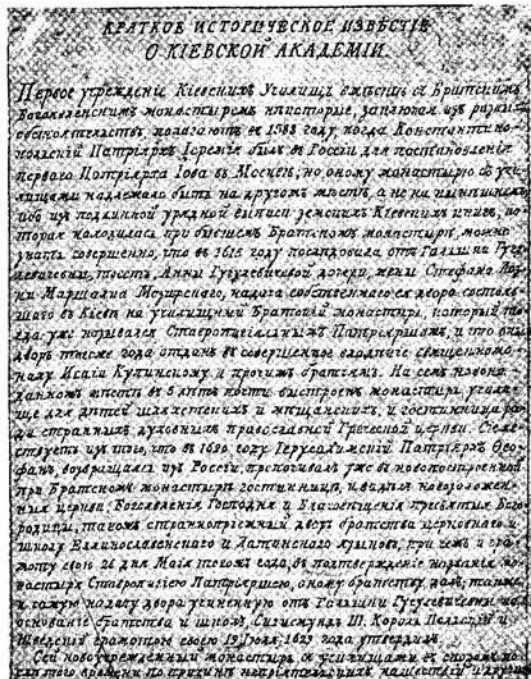
«Из подлинной урядовой выписи земских Киевских книг, которая находилась при бывшем Братском монастыре, можна знать совершенно, что в 1615 г. последовала от Галишки Гугулевичевны, то есть Анны Гугулевичевой, дочери жены Стефана Лозки Маршалка Мозирского, надатка собственного ея двора состоявшегося в Киеве на училищный Братский монастырь, который тогда уже назывался Ставропигияльным Патриаршим и что оный двор того же года отдан в совершенное владение священномонаху Исаии Купинскому и прочим братьям. На сем новонаданном месте в 5 лет почти выстроен Мона-

стырь, училище для детей шляхетским и мещанским и гостинница ради странных духовных православной Греческой церкви. Сие явствует из того, что в 1620 году Иерусалимский Патриарх Феофан, возвращаясь от России, припочивал уже в новопостроенной при Братском монастыре гостиннице, и видел новозаложенные церкви, Богоявления Господня и Благовещения пресвятыя Богородицы, також странноприемный двор братства церковного и школу Еллинославенского и Латинского языков, причем и грамоту свою 26 дня Мая того ж года, Ставропигию Патриаршею, оному братскому монастырю дал; також и саму наддачу двора учиненную от Галишки Гугулевичевны на основание братства и школ, Сигизмунд III Король Польский и Шведский грамотою своею 19 июля 1629 года утвердил. Сей новоутвержденный монастырь с училищами

в скором после того времени по причине неприятельских нашествий и других злоключений был разорен, но в 1622 г. Петр Канашевич-Сагайдачный войск Запорожских гетман дом братский обновил и церковь вновь соорудил».

Галишка Гугулевичевна
 Галишка Гугулевичевна
 1615

Собственная подпись Галишки Гугулевичевны (1615 г.)

Фрагмент рукописи И. Фальковского
 «Краткое историческое известие о Киевской Академии» (XVIII в.)

Гетман Петр Сагайдачный

Елисей Плетенецкий —
архимандрит Киевской
Печерской Лавры (XVII в.)

Школу братского монастыря решило поддержать все войско Запорожское, а Братский монастырь со всем его имуществом защищать от врагов. Умирая от тяжелого ранения, полученного в Хотинском сражении, Петр Сагайдачный завещал часть своего состояния в пользу Киевской Братской школы. Похоронили гетмана 10 апреля 1622 года на территории Киево-Братского училищного монастыря *«с великим плачем Запорожского войска и всех людей православных»*.

К моменту создания Братской школы Киев из обыкновенной пограничной крепости, забывшей к XVI веку свое прежнее национальное культурное значение, возвращался к новой жизни: оживлялась торговля, увеличивалось население. В городе собрался целый ряд просвещенных и деятельных людей — игумен Печерского монастыря Елисей Плетенецкий — вдохновитель создания Братства и открытия типографии; Иов (Иван) Борецкий, немедленно выехавший во Львов за книгами для будущей школы; исследователь церковной истории Захарий Копыстинский и другие. После патриотического поступка киевлянки Галшки Гугулевичевны Братство начало

активно подготавливать открытие школы. Печерская типография отложила всякую работу и срочно напечатала «Часослов» — тогдашнюю первую учебную книгу [2].

Быстрому росту Киевской Братской школы способствовало то, что у ее истоков стояли выдающиеся ученые того времени, передававшие свои богатые знания и уважение к православной вере своим ученикам. Первым ректором школы был Иов (Иван) Борецкий (1560—1631), считавший, что только путем просвещения и целенаправленного воспитания можно помочь украинскому народу в борьбе за независимость и духовное освобождение.

С 1619 по 1620 г. Братскую школу возглавил Мелетий (Максим) Смотрицкий (1575—1633), получивший прекрасное образование сначала в Острожской школе, а потом в Виленской академии и университетах во Вроцлаве, Лейпциге, Виттенберге и Нюрнберге. Написав в 1618—1619 гг. «Грамматику славенския», М. Смотрицкий прославился как родоначальник славянской филологии.

Третьим ректором Киевской Братской школы был (1621—1624) Кассиан Сакович (1578—1647) — автор трудов по философии и поэтике, предназначавшихся для братских школ. В основу учебной программы в Киевской Братской школе были положены языки — славянский, греческий, латинский, польский, также наука диалектика, которую познавали, изучая греческих философов — Платона, Аристотеля, Вергилия, Овидия, Цицерона, на

*Иов (Иван) Борецкий —
Ректор Братской школы,
Митрополит Киевский*

уроках поэтики и риторики. Так ученики Братской школы общались к достижениям мировой культуры. Специально для Киевской Братской школы К. Сакович написал два философских учебника: «Аристотелевские проблемы, или вопрос о природе человека» (1620) и «Трактат о душе» (1625). Они написаны в форме вопросов и ответов, которые ученик должен запомнить и заучить. Если поэтика, риторика, философия изучались в высших классах, то начиналось познание наук с нижних классов, в которых поступившие ученики изучали грамматику, арифметику, нотное пение, латынь, славянский, украинский книжный, польский и греческий языки. Ученики были обязаны новый урок пересказывать не только своим товарищам по классу, но и членам семьи, вернувшись из школы [3].

В 1631 г. в помещении Троицкой церкви больничного монастыря Печерской лавры архимандрит Петр Могила открыл в Киеве еще одну школу, в которой ученые, приглашенные из Львова, Исайя Трофимович-Козловский и Сильвестр Косов приступи-

*Петр Могила —
Митрополит Киевский, Галицкий и
всей Руси (1574–1647)*

*Герб Митрополита
Петра Могилы (XVII в.)*

ли к обучению юношей «свободным наукам», дающим «корни знаний». К таким наукам относились грамматика, риторика, диалектика, арифметика, геометрия, музыка, астрономия, теология.

Однако эта школа уже в 1632 г. была объединена по настоянию киевского Братства и с благословения Митрополита Иова (Ивана) Борецкого со школой на Подоле в Богоявленском монастыре. Опекуном и наставником нового учебного заведения — Коллегии, стал Петр Могила.

На свои средства Митрополит Петр Могила выстроил для занятий новое здание и бурсу для размещения приезжих бедных учеников, провел на территорию Братского монастыря деревянные трубы водопровода с киевских гор [4].

Для материального поддержания Коллегии Петр Могила дал ей на три года из Лаврских вотчин волость Винницкую, село Гнедин и две деревни — Процев и Ревное. Будучи опекуном и Покровителем нового учебного заведения, он учредил в нем весь порядок классов до философии и богословия, завел библиотеку и типографию. За эти благодеяния Коллегия, а потом и Академия (с 1701 г.) стала называться Киево-Могилянской [5].

Учебный год в Коллегии начался 1 сентября 1632 г. Это была школа более высокого уровня преподавания, созданная по образцу европейских академий. Однако она не была закрытым учебным заведением только для богатых и знатных. Коллегия сохранила главные принципы Братской школы — всесословности, внимания к национальным языкам (славянскому и украинскому), к истории и культурному наследию Украины.

Это было первое высшее учебное заведение, готовившее национальные кадры для административного управления. Митрополит Петр Могила до конца своей жизни (1647) опекал Коллегию, печатая в Лавре для нее учебники, направляя в Коллегию лучших учителей, а перед смертью завещал ей все свое имущество, средства и ценности — библиотеку, дома, дворовые места на Подоле, половину скота и инвентаря со своего хутора, село Поздняковку, 80 тысяч золотых, серебряную посуду, свою одежду митрополита и митру,

украшенную семейными драгоценными камнями, крест и даже ткани на одежду студентам, прося беречь Коллегию...

Первыми ректорами и преподавателями Коллегиума были — Тарасий Земка (1632), Исая Трофимович-Козловский (1632—1638), Сафроний Почаский (1638—1640), Леонтий Бронкевич (1640). Все они были ближайшими помощниками Петра Могилы в деле распространения и совершенствования просвещения в Украине.

В середине XVII в. последним ректором при жизни Петра Могилы служил в Коллегии — Иннокентий Гизель (1646—1650), получивший образование в Замойской академии, в Пруссии и Англии. Помимо философии и богословия он знал блестяще историю и право. В своей педагогической деятельности И. Гизель широко использовал наследие философов и историков от античности до раннего Ренессанса. Он первый ознакомил своих учеников с учением Коперника [6, 7].

Большую роль в истории Киево-Могилянского коллегиума в период Национально-освободительной войны украинского народа под руководством Богдана Хмельницкого сыграл ректор Лазарь Баранович (1650—1657). Его долгая жизнь (1620—1693) будет постоянно связанной с Коллегиумом, начиная с юношеских лет, когда Петр Могила обратил внимание на талантливого своего ученика и направил его совершенствовать знания для будущей педагогической деятельности в Вилленскую академию и до сана Киевского митрополита и первой духовной особы в Гетманщине. Во время военных действий Лазарь Баранович прилагал немало усилий, чтобы защитить Коллегиум от разорения. Не оставлял он заботы о Коллегиуме и тогда, когда стал епископом Черниговским и Новгород-Северским [8].

Мы привели имена далеко не всех ректоров и высокообразованных педагогов Братской школы и Коллегиума, которые своей деятельностью заложили основы лучшего учебного заведения Восточной Европы — Киево-Могилянской академии.

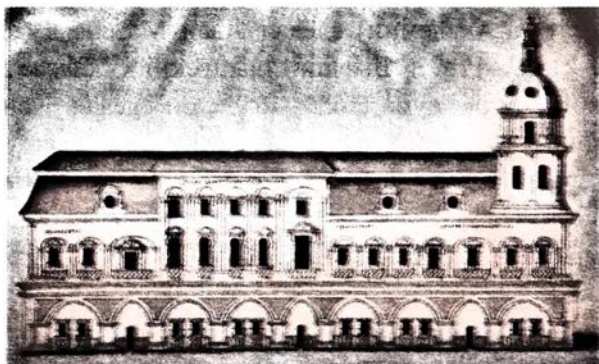
Бесценный вклад в прославление Киевского Коллегиума в Украине и далеко за ее пределами (задолго до присвоения ему

Петром I статуса Академии) сделал Иван Мазепа в годы своего гетманства (1687–1709). Бывший выпускник класса риторики Могилиянского Коллегиума (1650–1657), он сделал очень многое, чтобы улучшить условия учебы и быта учеников. Ежегодно из гетманской скарбницы на нужды академии выделялось по тысяче золотых. В конце XVII в. Гетман передал Киевской академии и Братскому монастырю для улучшения его материального положения — три села, местечко Стайки, 16 дворов со строениями в Киеве. Не забывал Мазепа и о пополнении академической библиотеки редкими книгами [9]. Деревянные постройки Братской школы (потом Коллегиума), все сооружения Богоявленского (Братского) монастыря стараниями И. Мазепы были заменены каменными. Проект учебного корпуса с просторными классами разработал московский архитектор И. Старцев (1693–1696). К 1701 г. корпус для занятий был отстроен, появился на гравюрах того времени у художников И. Щирского и И. Мигуры. Для улучшения быта учащихся и на стипендии гетман передал тысячу золотых. Все каменное строительство обошлось Ивану Мазепе в 200 тысяч золотых. Проект второго этажа этого корпуса и Благовещенской церкви будет осуществлен лишь спустя несколько десятилетий усилиями Киевского митрополита Рафаила Заборовского (1736–1740) и архитектора И. Шеделя [10].

*Каменный одноэтажный учебный корпус,
построенный на средства гетмана Мазепы (1701)*

Так Братская школа и Коллегиум в течение XVII столетия закладывали основу для расцвета Киево-Могилиянской академии в последующие десятилетия ее истории. Они подготовили сотни талантливых выпускников, сказавших свое слово в политической, экономической и культурной жизни Украины. Они умели

Реконструкция учебного корпуса Киево-Могилянской академии с Благовещенской церковью (1736) (арх. И.Г. Шедель)

Киево-Братский училищный монастырь (XVIII в.)

держат в руках оружие, развивать науку, искусство, книгопечатание, совершенствовать духовную жизнь общества.

Не только Ириней Фальковский в XVIII в., но и историки позднейшего времени отмечали тот факт, что Петр Могила мечтал добиться для Могилянского Коллегиума статуса высшей школы и иметь об этом официальный государственный документ. Однако правящие круги Польши видели в нем оплот защиты украинского православия, духовности и формирования национального самосознания украинцев.

*Студенты Киево-Могилянской
академии (XVIII в.)*

*Печать Киево-Могилянской
Академии (XVIII в.)*

Даже королю Владиславу IV, относившемуся со всем уважением к Петру Могиле, не удалось этого сделать, хотя он выдал ему привилегии о присвоении Коллегиуму прав высшей школы — Академии, которые отказались утвердить своими печатями великий коронный канцлер Жадзик и епископ Холмский Хома Замойский.

Стремления Петра Могилы осуществил, почти четверть века спустя, воспитанник Могилянского Коллегиума гетман Иван Выговский 16 сентября 1657 г. при подписании Гадяцкого договора с Речью Посполитой о вхождении Украины в федеративное государство Польши на правах «княжества Руського». Именно в этот договор был внесен пункт о приравнении Киевской академии к академии Краковской, обеспечивая ее такими же привилегиями. Так, с этого времени Киево-Могилянская академия получила официальный статус высшей школы. Этот договор был ратифицирован в мае 1659 г. в присутствии короля Яна Казимира на Великом Варшавском сейме.

В декабре 1670 г. права Киевской академии были подтверждены польским королем Михалом Корибутом Вишневецким, а 26 сентября 1701 г. царской грамотой Петра I.

Глава 1

ПЕТРОВСКИЕ РЕФОРМЫ В МЕДИЦИНЕ. СТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В РОССИИ

Чтобы быть объективными, отбрасывая все политические пристрастия в становлении отечественной медицины, следует признать, что большую роль сыграл в этом деле создатель российской империи Петр I. Реформирование феодального российского общества было делом всей его жизни. Образцом для подражания в проведении своих преобразований царь избрал буржуазные страны Западной Европы. Реформы Петра I затронули все сферы жизни России, в том числе и медицину.

Желая усвоить все лучшее, что есть на Западе, Петр I в марте 1697 г. предпринимает 16-месячное путешествие по Европе под именем Петра Михайлова. Будучи даже по тому времени человеком мало образованным, но чрезвычайно любознательным и стремившимся познать все необычное и загадочное, царь интересовался многочисленными вопросами: строительством флота, развитием горного дела, техники, науки, искусства и медицины. Знакомясь с многовековым опытом европейских народов, Петр I на ходу постигал «свои университеты». Наделенный от природы большой целеустремленностью, имея хорошую память, тонкую наблюдательность и особый дар понимания, за что бы он не брался, он делал все так, как будто это очередное дело было его

главным и единственным занятием. Этот талант — войти в суть каждого дела и отдаваться ему вполне — был, несомненно, одной из основных черт Петра I, объясняющим и секрет его успеха. Известный российский историк П.Н. Миллюков (1859—1943) писал: «До конца жизни он так же искусно выбивал ба-
рабанную дробь, дей-
ствовал топором на
корабле, дергал
зубы, готовя
фейерверки, говорил
на голландском с
моряками» [11].

Петр I (художник В. Крюков)

В Европу Петр I выехал весной 1697 г. в составе Великого посольства, целью которого был поиск союзников в войне с Турцией. Великими послами были назначены генерал Ф. Лефорт, боярин Ф. Головин и думный дьяк П. Вѣзницѣн. При послах состояло около сотни волонтеров и дворян, отобранных для изучения корабельного искусства. Сам же Петр I под видом простого дворянина находился в многочисленной свите. Это позволило ему избежать длительных и утомительных для него приемов и церемоний. Освободившееся время он использовал для занятий, не соответствовавших обязанностям коронованной особы [12].

Фредерик Рюйш (1638–1731)

Немало времени уделял царь и для изучения медицинского дела. Больше всего полезного для себя в этой науке он получил в Голландии. Здесь на него самое сильное влияние оказало знакомство с одним из наиболее известных медиков Европы, голландским врачом Фредериком Рюйшем (1638–1731), работавшим в Амстердаме и читавшим гильдии хирургов лекции по анатомии и гинекологии, имея звание судебного медика и профессора ботаники [13].

Ф. Рюйш был учеником и последователем знаменитого анатома и хирурга, профессора Лейденского университета Николаса Тюльпа (Тюльпиуса). Ему принадлежат работы по сравнительной анатомии человека и животных. Известна картина Рембрандта, хранящаяся в музее Гааги «Урок анатомии доктора Тюльпиуса». Тюльп стал автором одного из символов медицины: горящий факел и девиз «Светя другим сгораю» [14]. Копии картины в последующие годы украшали стены медицинских факультетов Европы и нашей страны.

Анатомический театр Ф. Рюйша находился в здании Весов на площади Ниуве Маркт в Амстердаме. В нем висела знаменитая картина художника Яна ван Нека «Анатомия профессора Фредерика Рюйша» (1683), на которой анатом был изображен над трупом мертворожденного ребенка еще с плацентой и пуповиной, а мальчик в углу (предположительно сын Ф. Рюйша) держал детский скелет.

Как практикующий врач, Ф. Рюйш возглавлял акушерскую службу Амстердама. Ему принадлежала созданная им самим обширная анатомическая коллекция. Рюйш проводил научные ис-

Урок анатомии доктора Тюльпиуса (художник Рембрандт)

следования на трупах, занимался их бальзамированием, изучал особенности кровообращения и строения сосудов с помощью разработанной им методики — заполнения их окрашенным жидким воском. А с помощью личинок некоторых насекомых, питающихся мягкими тканями органов и оставляющих нетронутыми более твердые для них сосудистые оболочки, он добивался того, что контрастировались и сохранялись даже мельчайшие сосуды (например, артерии надкостницы слуховых косточек).

Используя метод наполнения сосудов, Рюйш сделал множество анатомических открытий. Перечислим только некоторые: доказал наличие клапанов в лимфатических сосудах, описал бронхиальные артерии, центральную артерию сетчатки, круговую мышцу дна матки и др. Ряд этих анатомических структур названы его именем. На примере щитовидной железы он показал возможность секреторной деятельности органов человеческого тела.

Ф. Рюйш собирал редкие анатомические экспонаты детей и новорожденных, а также препарированные фрагменты детского тела — руки, ноги, головы (более 600 единиц), создав большую

Урок анатомии Ф. Рюйша (1683). Амстердам (художник Ян ван Нек)

коллекцию различных уродств, из которых он делал аллегорические композиции, сочетая различные части детского скелета, высушенных и покрытых лаком кровеносных сосудов, почечных камней, различных органов, (например — руки ребенка, держащей сердце взрослого человека и т.д.). Все это разрушало привычное представление о смерти и создавало иллюзию многообразия и трансформативности мира [15]. Известна история посещения Петром кабинета Рюйша, где он увидел забальзамированный труп ребенка. Качество изготовления было таким совершенным, что труп улыбался как живой, а потрясенный царь не утерпел и поцеловал его.

Петр I начал учиться у Рюйша с осени 1697 г., слушая его лекции, посещая анатомический музей, участвуя при патолого-анатомических вскрытиях и хирургических операциях.

В 1698 г. доктору Рюйшу, «который казал анатомию», Петром I были поднесены в дар соболя [16].

В Голландии Петр I знакомится еще с одним известным врачом, ботаником и химиком, обладателем анатомического театра Германом Бургава¹, на лекции которого в Лейденский университет съез-

¹ **Герман Бурхаве** (Бургава) (1668–1738) – голландский врач, ботаник и химик, доктор философии, действительный член Парижской Академии Наук, член Лон-

Герман Бургаве (1668–1738)

немецкий физиолог Галлер, основоположник военной гигиены англичанин Прингль, основатель венской медицинской школы Ван Свитен, Н. Бидлоо, Л. Блюментрост и др. По трудам Г. Бургаве ве-

жались врачи со всей Европы. Их посещали не только медики, но и крупнейшие политические деятели, как российский царь.

Авторитет у Г. Бургаве в то время был очень велик. Еще в 1730 г. ему было предложено место архиатра в России, но ученый отказался и остался в Голландии [17]. Затем эта должность была предложена его ученику Н. Бидлоо, и тот согласился.

Среди учеников Г. Бургаве были: французский врач-материалист Ламетри,

донского Королевского общества, получил образование в Лейденском университете. После его окончания был оставлен преподавать теоретическую медицину, а со временем руководил кафедрами медицины, ботаники, химии и дважды избирался ректором (1714, 1730 гг.). Г. Бурхаве был блестящим лектором и врачом, учившим учеников проводить тщательное обследование у постели больного с целью поиска правильного диагноза. Под его руководством клиника стяжала мировую славу, куда стремились попасть для совершенствования своего образования врачи из разных стран, в том числе и из России. В своих научных трудах Г. Бурхаве классифицировал и описал болезни, предложив способы их лечения. Он ввел в практику усовершенствованный термометр и использовал лупу. После смерти Г. Бурхаве его личный архив с трудами по медицине, химии, переписку с учеными привез в Россию его племянник – А. Бургаве-Каау, который хранится в фундаментальной библиотеке Военно-Медицинской библиотеки им. С.М. Кирова. В 1968 г. в связи с 300-летним юбилеем со дня рождения великого ученого в Лейдене состоялась Международная конференция [18].

лась подготовка врачей во всей Европе. В России по заказу Медицинской канцелярии его работы были опубликованы на латинском языке и по ним занимались ученики госпитальных школ [19].

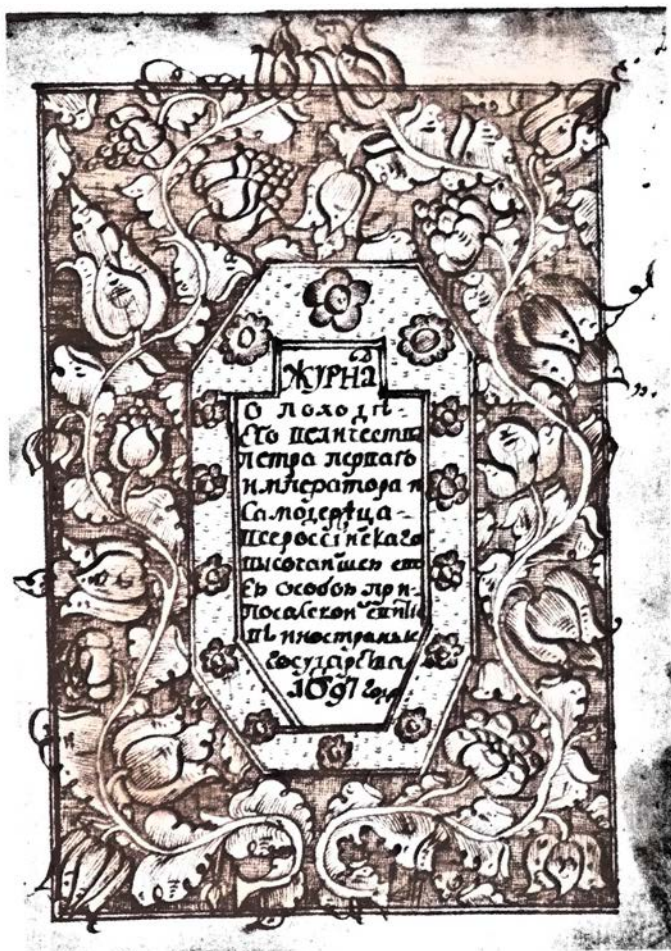
Известно, что Петр I встречался в Голландии с Антони Левенгуком во время своего первого путешествия по Европе. А. Левенгук (1632–1723) не был врачом и не имел даже естественнонаучного образования, но увлекался широко распространенными в то время в Голландии искусством шлифовки линз, достигнув в этом деле высочайшего мастерства. Изобретя свой микроскоп, он начал многочисленные исследования различных биологических объектов, описав эритроциты, сперматозоиды, бактерии, простейшие инфузории, строение хрусталика, зуба, мышц, движение крови в капиллярах и др.

Встретившись с Левенгуком в его родном городе Дельфосе в 1698 г., Петр I навсегда проникся интересом к микроскопическим исследованиям. Не исключено, что к Левенгуку его направил Рюйш, занимавшийся изучением кровеносных сосудов и не без оснований считавшим, что сосуды играют важнейшую роль в строении различных органов человеческого тела. Об интересе Петра к микроскопическим исследованиям кровообращения свидетельствует сохранившийся в императорской библиотеке рукописный перевод анатомического атласа Готфрида Бидлоо, содержащий описание капилляров [20].

Заканчивая перечисление медицинских интересов Петра во время Великого Посольства, хотелось бы привести фрагмент объемного архивного документа — «Журнал похода Его Величества Петра Первого императора самодержца Всероссийского высочайшею своею особою при посольской свите в иностранные государства 1697 года», переписанный в 1773 г. и хранящийся в Институте рукописей Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского [21].

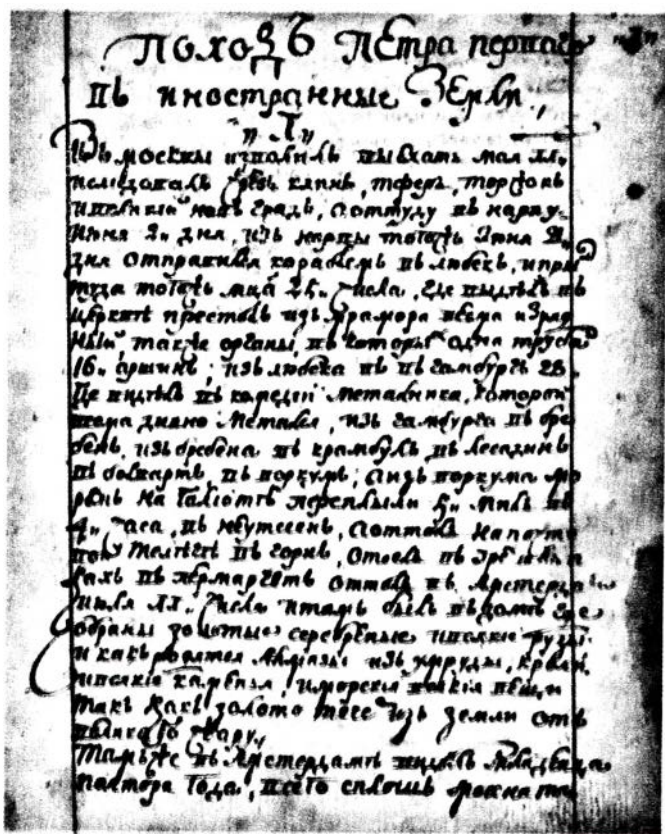
Опубликованных подробных сведений об этом документе мы не нашли, поэтому считаем, что он представляет интерес для историков, и всех, кто изучает жизнь и деятельность Петра I. В «Журнале похода Его Величества» уточняется: во-первых — маршрут Великого

посольства, во-вторых — описание самого путешествия, особенно пребывания Петра в Венеции, Риме, у Папы Римского. В большинстве литературных источников, описывающих это путешествие, о посещении Венеции и Рима либо вообще речь не идет, либо лишь кратко упоминается, что Петр должен был посетить эти города.

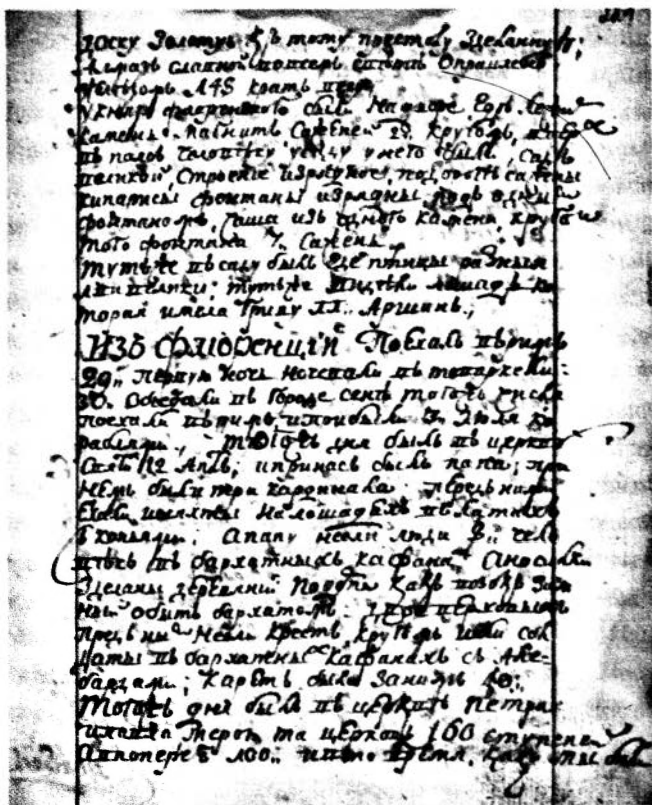

Заглавный лист
«Журнала о походе Его Величества Петра Первого...»

Авторитетный историк Н.И. Костомаров так описывает маршрут Петра I во время его первого путешествия по Европе: Рига—Либава—Кенигсберг—Голландия (Саардам, Амстердам, Лейден)—Лондон—Голландия—Вена. Конец путешествия он завершает следующим образом: «Петр из Вены хотел ехать в Венецию, она своим значением морской державы сильно привлекала Петра, но тут пришло к нему известие о бунте стрельцов. Петр 19 июня поспешил в Россию» [22].

Фрагменты рукописного журнала
о походе Петра I в иностранные земли

Современный историк Е.В. Анисимов также пишет: «Есть версия, что из Вены Петр выезжал в Венецию. В венецианских архивах сохранились сведения тайной полиции о том, что какая-то группа неизвестных русских на один день приезжала в Венецию и осматривала город. Возможно, что среди них был и сам Петр, желавший взглянуть на это чудо в Венецианской лагуне. Но в Вене он оставался недолго. Планы путешествия пришлось свернуть: из России было получено известие о мятеже стрелецких полков...» [23].

К. Рыжов в книге «Все монархи мира» также пишет о планах, которые не сбылись: «Оставался последний потенциальный союзник — Венецианская республика, туда Петр собирался ехать из Вены. Но тут пришло к нему известие о бунте стрельцов. 19 июля царь отправился в Россию» [24].

Выехав из Москвы 11 мая 1697 г. и добравшись до Амстердама 11 июля Петр I записал в «Журнале», что *«видел у доктора¹ кости, жилы и мозг человеческий и 50 телес младенческих в спиртах, от многих мест нетленны, глаза целы и тело мягко, паки видел человеческую кожу выделану толще бараньей. Кожа, которая у человека на мозгу имеется, вся в жилах и косточки маленькие, будто молоточки. Там же в спиртах имеются рыбы многие, и птицы разные. Зело дивны крокодилы, змеи с носами и долгими головами, пауки превеликие, бабочки и другое»* [25]. *«Там же в Амстердаме был в таком доме, где сидят сумасшедшие люди, которые совершенно без ума и всякому чулан, а некоторые не дерутся, то ходят и по двору, а с двора не пускают и берегут их»* [26]. *«В Амстердаме был у жидов у церкви и смотрел как урезавают младенца и тою кровью и вином мажет у младенца уста...»*

«Там же в Амстердаме видел птицу превеликую без крыл и без перьев.., еще видел морского зайца, у которого одна затылочная кость полторы сажени... также рыбы морские с крыльями, которые летать могут». «Аще видел зрительную трубу, через которую смотреть на месяц и на звезды. Мерой та труба 9 сажен».

1 апреля следующего года Петр I поехал из Амстердама в Италию [27]. По дороге навестил загородный двор князя Оранского, который поразил царя своей роскошью — прекрасной архитектурой и садом с фонтанами. У курфюрста бранденбургского было не менее впечатляюще — он в свои рощи *«напустил зверей, оленей, лосей и выставил скульптуры»*. По дороге Петр I поинтересовался *«горячими колодезями»*, вода в которых была такова, *«что не можно руки сдержать»*. В городе Асбурге его внимание привлекла аптека с большой коллекцией натуральных вещей: руд золотых и серебряных и разных камней. Там же ему показали *«многие деревья благовонные, которые подлежат лекарству»*. Запомнился царю и необычный интерьер аптеки — ее стены

¹ Здесь речь шла о посещении Петром I кабинета голландского анатома Фредерика Рюйша.

были увешаны головами турок (врагов нации), которые получили по 26 и более ран палашами. Эта «выставка привлекала внимание народа и воспитывала патриотические чувства» [28].

Затем была Венеция: «*поехали в Венецию июля в 6 день рекою прокопанною. В Венеции видел карнавал...*». «*1 августа праздник был в Венеции и я был в девичьем монастыре. Музыка играла на всех инструментах разных...*». «*Августа 27 дня был в церкви Св. Захария. Музыка грала венецианского князя, которых было 40*». В греческой церкви Петр I присутствовал на философском диспуте. «*...В Венеции был у сенатора во дворе и видел у него много натуральных вещей: рука человеческая одна, несколько была в море и окаменела, знать в середине кость, а около — камень десны человеческие окаменелы. Также окаменелы и зубы знать. У него же видел о двух головах и о 4-х ногах курицу*».

Венеция с ее беломраморными дворцами, собором Св. Марка и церквями произвела сильнейшее впечатление на будущего основателя Петербурга. Где бы не проезжал Петр, он старался посещать монастыри, не только чтобы узнать о их благодеяниях, но и ознакомиться с библиотеками, которые размещались в красивейших залах, стены которых «*были наполнены разными книгами в шкафах без дверей*», а посередине стояли длинные столы с глобусами и разными инструментами. Отношение к книгам, как к сокровищу, Петр I увидел и по дороге в Рим, проезжая через Болонью, Флоренцию и другие города с иезуитскими монастырями и их книгохранилищами — центрами науки. Рим с его величественным собором Св. Петра и Павла был с большим интересом подробно осмотрен русским царем. Его восхищали шедевры скульпторов и художников, украсивших его. Побывал Петр и в папских палатах на встрече с папой и кардиналом [29].

Из записей в «Журнале похода Его Величества Петра Первого императора и самодержца Всероссийского» узнаем: «*Как приехали в Рим того же дня от папы приехал боярин его и сказал, что папа изволил прислать, куда вам надлежит ехать надобно, и посадя в карету возил по городу и показывал все, что надлежит... «В палатах папиных был, с которых многие оббиты камками и бархатом,*

ще там же палат 1225 все убраны... В том же доме на 60 человек всегда готовы латы и ружье также. Тут же библиотека превеликая, сажень 12, 5 палат кругом все наполнены книгами».

«У кардинала были в доме. Такого богатства нигде не видал. Дом превеликий, палат буде со ста, спальных его палат 8, все в золоте сплошь. Посреди двух палат фонтаны серебряные и разные».

«У Гишпанского посла на дворе был и видел 4 кареты. Цена им 4005 червонцев...». «В саду был у князя Бурмеза. Сад великой — 5 верст. Кругом в саду палаты превеликие и убраны картинами изрядными из мраморов разных...».

«Приехали 4 июля в Ляду, в ней главная Академия, где учатся разных наук. Город великой» [30].

От внимательного царского ока не укрылись подробности быта населения разных слоев общества: в какие кафтаны одеты мужчины, каковы прически, платья и головные уборы женщин, каковы одеяния, обувь и стрижка голов у монахов и т.д. Все было не так, как у него на родине. *«Из Венеции поехали к Москве на Амстердам 18 октября наняли коляску, дали от персоны по 8 червонцев...» 24 февраля приехали в столицу курляндского герцога Митаву. Того же числа приехали в Ригу, а оттоль в Москву» [31].*

Великое посольство, поехавшее в Европу (1697), стремилось решить несколько задач: укрепить союз против Турции, привлечь к нему помимо Венеции и Австрии еще и Голландию и Англию с их флотом; подписать договор с Данией и Польшей о взаимопомощи в войне со Швецией за берега Балтики; одновременно знакомиться с лучшими мастерами и специалистами в различных отраслях знаний и приглашать на службу в Россию опытных моряков, артиллеристов, ремесленников, аптекарей и лекарей. В свите находилась и группа подростков, которых царь оставлял учиться морскому делу и кораблестроению [32]. Результаты дипломатических переговоров, конечно, не фиксировались в «Журнале похода его Императорского Величества...», но то, что долго общались с голландцами, англичанами, датчанами,

итальянцами, посетили Венецию, Рим и другие нужные города в документе (1697–1699) отражено.

В поездке по Голландии и Англии Петра I сопровождал врач, ученый и дипломат, доктор медицины Петр Васильевич Посников. Это была, как отмечал академик Н.А. Оборин в книге «Н.Л. Бидлоо. Наставление по хирургии» (М., 1979. – С. 377–378), незаурядная личность. После окончания московской Славяно-греко-латинской академии и Падуанского университета с дипломом доктора медицины (1694), был оставлен на некоторое время царем за рубежом, чтобы изучить работу европейских академий. Возвращаясь в Россию, он закупил и отправил на родину «лекарственные вещи» на семи торговых кораблях.

Во время очередного путешествия по Европе (1716–1717), уже в качестве официального лица, Петр I также уделял внимание медицинским вопросам. В Париже он посетил известный Инвалидный дом, анатомический театр французского анатома Ж.Г. Дювернэ и присутствовал на операции знаменитого в то время английского окулиста по удалению катаракты Уоллеса. Операция 60-летнему инвалиду производилась в гостинице, где проживал Петр I. Н.И. Костомаров следующим образом описал ход операции: *«Сначала, когда окулист запустил иглу в глаз больного, царь невольно отвернул голову, но любопытство взяло над ним верх, и он смотрел до конца на операцию, а потом поднес к глазам инвалида свою руку и с удовольствием заметил, что тот увидел ее, тогда как до операции не мог ничего видеть. Похваливши окулиста, царь обещал прислать к нему ученика, чтобы тот мог приобрести подобное искусство под руководством такого великого оператора»* [33].

Во время своего второго путешествия по Европе Петр I приобрел несколько микроскопов для Кунсткамеры. В своей дворцовой мастерской он также пытался смастерить микроскоп самостоятельно [34].

По рекомендации Петра I микроскопические исследования стали проводиться в Московской и Петербургских госпитальных школах.

Возвратившись в 1698 г. в Россию, Петр учредил в Москве в 1699 г. лекции по анатомии с демонстрациями на трупах и начинает создавать собственную коллекцию анатомических экспонатов. Часть экспонатов были куплены в Голландии. Первое время коллекция хранилась в Москве, затем была перевезена в Петербург и размещена в Летнем дворце Петра.

Австрийский дипломат Иоганн Георг Корб, бывший тогда в Москве, вспоминал об этих лекциях: *«Медик Цоппот начал Анатомические упражнения в присутствии Царя и многих бояр, которых побудил к этому царский приказ, хотя такие упражнения и были им противны»* [35].

Приехав в 1702 г. по приглашению Петра I в Москву, Н. Бидлоо уже в 1705 г. создал в Москве анатомический театр, где проводил вскрытия и вел занятия с врачами [36]. А в 1707 г. он возглавил только что открытый Московский госпиталь и Госпитальную школу при нем.

Во время второго путешествия в Европу Петр I за 30 тыс. гульденов (10 тысяч рублей) выкупил у Рюйша всю его коллекцию, о чем Рюйш жалел, думая что продешевил. Тогда же Петр купил за 10 тыс. гульденов зоологическую коллекцию амстердамского натуралиста и аптекаря Альберта Себы.

С целью сохранения и демонстрации коллекций в 1718 г. было заложено специальное здание Кунсткамеры в Санкт-Петербурге на стрелке Васильевского острова. Ее посещение было бесплатным, более того, посетителей даже задобривали, угощали кофе, закусками и венгерским вином.

Патологические (некрофилистические) пристрастия Петра I к анатомическим препаратам проявились не только в Голландии (целовал бальзамированный труп ребенка), но и в Петербурге — рассказывают, как он целовал в Кунсткамере отрубленную голову красавицы Марии Гамильтон¹ [37].

¹ **Мария Гамильтон** — происходила из ветви шотландского рода Гамильтонов, основатель которой Томас Гамильтон приехал в Россию при Иване Грозном. Мария Гамильтон появилась при дворе Петра I в 1713 г. и, пользуясь своей красотой,

Здание Кунсткамеры в Санкт-Петербурге

Основанная Петром I Кунсткамера стала примером анатомического музея при отсутствии анатомических исследований в стране. И только в 1722 г. соответствующим его указом анатомическому вскрытию законодательно подвергались умершие в госпиталях. Правда еще до этого в «Воинском артикуле» (1714) Петр I предписывал приглашать врачей при разрешении судом вопросов, требующих врачебных знаний, а «Великий устав» (1716 г.) требовал от врачей протоколировать обстоятельства смерти, *«дабы подлинно узнать, отчего оная приключилась»*. С этого времени берет свое начало история патологической анатомии и судебной медицины и в этом вопросе Россия опередила даже большинство европейских стран [39]. А первым русским врачом-

стала его любовницей, затем любовницей его денщика И. Орлова. Была обвинена в том, что умертвляла рожденных своих детей, воровала у царицы деньги и драгоценные вещи. 25 марта 1719 г. ее казнили. На казни присутствовал Петр I. Когда палач отрубил голову, Петр подошел к плахе, поднял скатившуюся в грязь голову и, перекрестившись, поцеловал мертвые губы. Отрубленная голова М. Гамильтон еще два века хранилась в Кунсткамере [38].

анатомом следует считать сына дьяка Посольского приказа Петра Посникова (1676—1716), посланного в 1692 г. в Падуанский университет с целью совершенствования.

Имеются сведения, что Петр I принимал участие в хирургических операциях и вскрытиях умерших. Автор «Истории деяний Петра Великого» И.И. Голиков писал, что Петр *«приказывал себя уведомлять, если в госпитале или где-нибудь в другом месте надлежало анатомировать тело или делать какую-нибудь хирургическую операцию, и когда только время позволяло, редко пропускал такой случай, чтобы не присутствовать при оном, и часто даже помогал операциям. Со временем приобрел он в том столько навыку, что весьма искусно умел анатомировать тело, пускать кровь, вырывал зубы и делал то с великою охотою»* [40].

Не меньше, чем анатомирование трупов, Петра I интересовало их бальзамирование. Необычный интерес он проявлял к виду святых мощей и их сохранности. Так, во время посещения новгородского собора св. Софии он интересовался причинами нетленности хранящихся в соборе мощей. В 1709 г., будучи в Киеве, Петр I отправлял своего лейб-медика Арескина для экспертизы захоронений Киево-Печерской Лавры [41].

Из клинической медицины царь особое внимание уделял удалению зубов. Многие авторы, описывающие пребывание Петра в Голландии, отмечают это его медицинское пристрастие. Видимо в этой области он достиг высокого мастерства, так как в последующем в России часто практиковал удаление зубов, хотя в некоторых случаях применял его в качестве наказания. Рассказывают, что в Кунсткамере хранился целый мешок зубов, удаленных самим государем.

Российский император верил в целебные свойства минеральных вод, неоднократно прибегал к лечению на курортах, как в России (Олонецкие воды), так и за рубежом — в Бадене (1698, 1708), Карлсбаде (1711, 1712), Бад-Пирмонте (1716). Покидая курорт Спа (в Бельгии), где он лечился летом 1717 г. местными водами, Петр I приказал сопровождавшему его доктору Эрскину выдать городским властям следующее свидетельство: «Я, ниже-

подписавшийся, тайный советник и главный врач Его Величества императора Российского, свидетельствую сим, что Его Величество, отправившись в Сна, страдал потерю аппетита от ослабления желудочных фибр, имел опухоль ног, желчные колики и бледность лица. Пользуясь водами Сна, Его Величество взял на себя труд отправляться к источнику Жеронстер, отдаленному на $\frac{3}{4}$ мили от города, зная, что воды полезнее на месте. Хотя Его Величество пользовался в прежнее время водами в других местах, но нигде не нашел таких, которые бы ему принесли столько пользы, как воды Сна» Р. Арескин. Июля 24 дня, 1717 г. [42].

По распоряжению Петра I в Олонецком крае, Липецке, Старой Руссе были открыты водолечебницы, в которых гражданское население и военнотружашие получали процедуры. Эти водолечебницы действуют до сих пор.

По приказу Петра I была построена и стала работать инструментальная мастерская для производства медицинского оборудования, ее называли «инструментальной избой», а ныне это один из самых крупных заводов медицинского инструментария.

Учитывая высокую заболеваемость и смертность населения и необходимость иметь для государства и армии людские резервы, был введен учет демографических явлений, в том числе рождаемости и смертности (в церквях в приходских книгах).

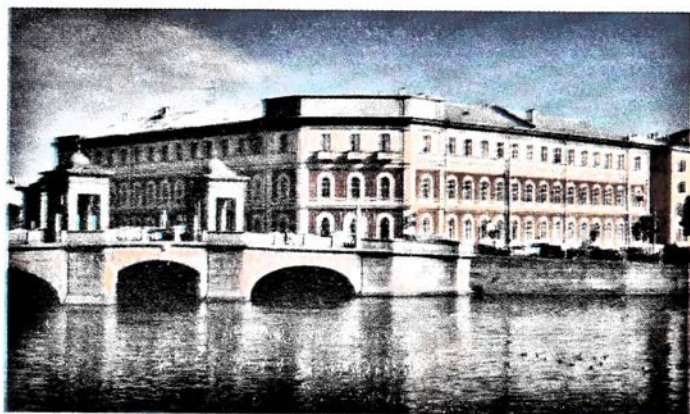
С учетом высокого числа подкидышей, незаконнотрожденных, их заболеваемости и смертности, в Москве, Петербурге, а затем и в других городах были открыты так называемые воспитательные дома и при них палаты для рождения; здесь же в акушерских школах шла подготовка повивальных бабок [43].

Вероятно, еще со времени первого путешествия по Западной Европе, слушая лекции Ф. Рюйша, Петра I привлекали вопросы наследственности. Он интересовался жизнью карликов, собирал их в Москве и Петербурге, организовывал их свадьбы, интересовался их потомством.

К вопросу о наследственности как науке, можно отнести и его страсть к терапевтическим «экспонатам», которые он приказал

свозить со всей России. В отличие от бытовавшего в то время в народе мнения, что все уроды исходят от дьявола, Петр I же считал, что они появляются *«от повреждения внутреннего, от страха и мнения матерняго во время бремени, как тому есть примеры: чего испугается мать, такие знаки на дитяти бывают; также, когда ушибется или больна будет, и проч.»* [44].

В деле развития медицины важную роль отводил Петр I строительству военных госпиталей. Первым, как и полагалось, был построен госпиталь в Москве. Его он поручил строить голландскому врачу Николаю Бидлоо. В 1707 г. госпиталь был открыт, работа его была организована по образцу лучших европейских госпиталей, и при нем стала работать госпитальная школа на 50 учеников.

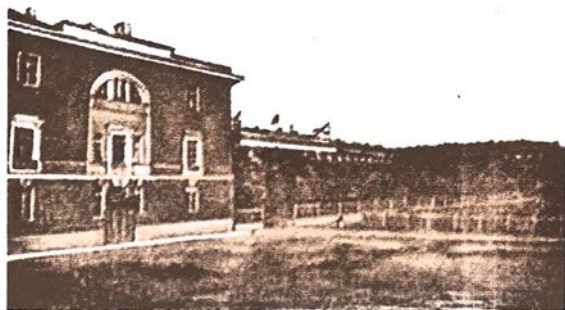

Санкт-Петербургский адмиралтейский госпиталь

Первое здание госпиталя по проекту Н. Бидлоо представляло собой *«...деревянную теплую постройку в два этажа, незатейливого голландского стиля; с маленькими... окнами. Вся постройка имела удлиненную форму и состояла из нескольких срубов, связанных между собою...»*. К общему зданию госпиталя примыкал анатомический театр, служивший одновременно и аудиторией. Только в 1756 г. на месте деревянного госпиталя, неоднократно горев-

шего, был выстроен каменный «Корпус на набережной», сохранившийся до наших дней [45].

В последующие годы началось бурное строительство военных госпиталей: Санкт-Петербургский сухопутный, Санкт-Петербургский адмиралтейский, Кронштадтский, Казанский, Ревельский, Астраханский, Тавровский. Всего за время царствования Петра I было открыто 10 военных госпиталей [46].

Кронштадтский госпиталь

Санкт-Петербургский сухопутный госпиталь

Кроме того, было построено 500 лазаретов, более 20 аптек (в Москве — 8, в Санкт-Петербурге — 3), осваивались для лечения

минеральные источники — карельские и олонечские воды, терские «теплицы св. Петра» на Северном Кавказе, полуостровские «железные» воды в Санкт-Петербурге.

В 1715 г. Петр I присутствовал при торжественной закладке зданий Генерального Сухопутного и Адмиралтейского госпиталей в новой столице России — Санкт-Петербурге (с 1712 г.). Эти госпитали по плану должны были стать одними из наиболее внушительных архитектурных ансамблей Санкт-Петербурга. Петр поручил строительство госпиталей архитектору Доменико Трезини, проектировавшего и другие важные здания города. Царь собственноручно вносил изменения в его чертежи [47]. Эти госпитали были открыты в 1718 г.

При них и в Кронштадтском госпитале были основаны, как в Москве, госпитальные школы по подготовке 10 подлекарей и 20 учеников в каждом [48].

Вскоре после переезда правительственных учреждений в новую столицу — город моряков, солдат и госпиталей, в ней был заложен Аптекарский огород (на Аптекарском острове) для выращивания отечественных лекарственных растений [49]. На Украине такой большой аптекарский огород был в Лубнах, снабжавший гетманские полки лекарствами.

Не забывал Петр о посещении в Амстердаме (1697) больницы, в которой содержали душевнобольных в нормальных условиях. По возвращении на родину он поручил таких людей также лечить в «Московской гошпитали». В 1723 г. (23 сентября) появился императорский Указ о «даровании душевнобольным государственной помощи». Так в государстве было положено начало общей и военной психиатрии [50].

В царствование Петра I началось реформирование управления медициной, заложившее основы государственной медицины в России. Его указы, регламентировавшие медицинскую деятельность, имели в своей основе западноевропейские правила и традиции. В апреле 1722 г. Петр I издает «Регламент об управлении адмиралтейства и верфи», в котором несколько слов посвящалось «Регламенту о

госпиталях и о должностях определенных при них комиссаров, докторов, писарей и прочих». Положения этого регламента распространялись также на сухопутные госпитали [51].

Интересна история реформирования центральных органов управления медициной в России. Первым центральным ее органом был «Аптекарский приказ», образованный во второй половине XVI столетия. Мнения историков о точной дате его создания расходятся — 1560, 1581, 1595 гг. Руководство им осуществлялось первоначально знатными боярами, а с 1716 г. лейб-медиком Петра I Р. Эрскиным, ставшим главным начальником всей медицинской службы государства (архиатром).

На переднем плане здание «Аптекарского приказа» в Москве

Дальнейшие реформы в управлении медициной России привели к переименованию «Аптекарского приказа» в канцелярию главной аптеки, а затем в Московскую медицинскую контору. В новой столице государства — Санкт-Петербурге была создана Аптекарская канцелярия (1707), реорганизованная в ходе оче-

редных преобразований в Медицинскую канцелярию. Доктор Р. Эрскин, будучи архиатром, до своей смерти в декабре 1718 г. руководил в течение двух лет одновременно обоими учреждениями: в Москве — «Аптекарским приказом», а в Санкт-Петербурге Аптекарской канцелярией (1716 — 1718). В 1716 г. им была написана медицинская часть Петровского «Устава воинского», посвященная военно-медицинской организации, предусматривавшей, чтобы в каждой дивизии был один доктор, один штаб-лекарь, а в каждом полку — лекарь. Рота тоже должна была иметь подлекаря или цирюльника, которого обязан был контролировать и учить лекарь, *«чтоб со тщением ходили за больными и ранеными»*. Иван Лаврентьевич Блюментрост¹ разработал проект создания нового государственного органа России — Медицинской канцелярии, введенной в действие указом Сената 14 августа 1721 г. В указе говорилось: *«Гошпиталям и аптекам, что ныне в Москве и в других местах обретаются и впредь обретаться будут, при том обретающимся докторам, так же и другим слушателям и ученикам быть в смотреии и управлении в той Медицинской канцелярии, а содержать оные, откуда напредь сего содержаны были»* [53].

¹ Говоря о реформах медицинской части, нельзя не отметить в этом деле семью видных врачей Блюментростов, работавших в России в конце XVII и начале XVIII вв.

Отец — Блюментрост Лаврентий Алферович (1619–1705 гг.) — известный немецкий врач, приглашенный в качестве лейб-медика ко двору царя Алексей Михайловича (1668 г.). Медицинское образование получил в Гельмштедте, Лейпциге и Йене. Доктор медицины (1648 г.).

Старший сын — Блюментрост Иван Лаврентьевич (1676–1756 гг.). Родился в Москве. Медицинское образование получил в Кенигсберге и Галле. Доктор медицины (1702 г.). Был военным врачом, лейб-медиком. С 1721 по 1730 гг. возглавлял Медицинскую канцелярию, затем впал в немилость (после смерти Петра I) и был отстранен от должности.

Младший сын — Блюментрост Лаврентий Лаврентьевич (1692–1755 гг.). Родился в Москве, медицине обучался в Галле, Оксфорде и Лейдене у знаменитого Г. Бургаве. Лейб-медик Петра I, сопровождал его в путешествии по Европе. Автор проекта (совместно с Шумахером) Санкт-Петербургской академии наук и первый ее президент (1725–1733 гг.). После 1738 г. — старший доктор Московского госпиталя и директор Московской госпитальной школы до своей смерти [52].

Петр I много внимания уделял укомплектованию и подготовке медицинских кадров. В первый год своей поездки за границу Он призвал на русскую службу 57 врачей, среди которых преобладали немцы, французы (по 14 человек) и голландцы (12). К концу петровского правления в России уже работало 150 зарубежных докторов [54]. Среди них были такие известные доктора, как голландец Николай Бидлоо и шотландец Роберт Эрскин (в России известный как Арескин). Первый основал московский военный госпиталь и госпитальную школу в нем, второй — ставший лейб-медиком.

С целью совершенствования врачей Петр I стал практиковать их учебу за границей. Если до него ездили в Европу на учебу врачи время от времени, то он сделал такую практику регулярной. Так, в мае 1719 г. велено было 30 учеников московской Госпитальной школы отослать к доктору Л.Л. Блюментросту для отправки их за границу с целью изучения медицины [55].

В организованной в 1724 г. «Академии наук и всяческих искусств» в России, кроме прочих дисциплин преподавалась анатомия. Первым президентом был избран лейб-медик Петра I Л.Л. Блюментрост [56]. Известно, что воспитанник Киево-Могилянской академии Ф. Прокопович, имевший хорошие отношения с Петром I, был одним из инициаторов открытия Академии.

Приглашенные ученые-иностранцы печатали там свои медицинские работы. Так, Даниил Бернулли опубликовал сочинения «О движении мышц» и «О зрительном нерве», Леонард Эйлер — работу по гемодинамике, Дювернуа и Вейтбрехт — ряд анатомических работ [57].

В Москве планировалось открыть также университет с медицинским факультетом. Однако это невозможно было сделать, так как в петровской России не было еще среднеучебных заведений: гимназий и семинарий [58].

Несмотря на отсталость отечественной медицины от европейской в целом, следует отметить, что благодаря прозорливости Петра I, лучшее в европейской медицине переносилось на

российскую почву. Не секрет, что многие европейские университеты вели схоластическое, чисто книжное преподавание медицины. Взяв за основу опыт Лейденского университета, Петр I и его сподвижники организовали обучение будущих врачей у постели больного. Таким образом, задача подготовки врачей в XVIII веке была в России разрешена оригинальным самобытным путем: был создан новый вид учебных заведений — госпитальные школы на базе крупных военных госпиталей.

В результате петровских преобразований, в России вместо монастырской, народной медицины появились зачатки государственной медицины, медицины, зависимой от власти, контролируемой властью и ею обеспечивающей. Подготовка медицинских кадров, строительство лечебных учреждений, государственное регулирование оказания медицинской помощи, становление и развитие военной медицины в этих и других вопросах здравоохранения петровская Россия намного опередила даже развитые страны Европы. Процесс «европеизации» медицины оказался настолько мощным, что даже после Петра I, несмотря на то, что преемники не разделяли его медицинских пристрастий, он по инерции продолжался и оказался необратимым.

Глава 2

МОСКОВСКАЯ ГОСПИТАЛЬНАЯ ШКОЛА Н.Л. БИДЛОО (1707–1735) И ЕЕ ПЕРВЫЕ УЧЕНИКИ – ВОСПИТАННИКИ КИЕВСКОЙ АКАДЕМИИ

В фонде документов Монастырского приказа Российского Государственного архива древних актов хранится Указ царя Петра I от 25 мая 1706 г., требовавший построить «гофшпиталь», которому быть *«за Яузой рекой против Немецкой слободы, в пристойном месте, для лечения болящих людей... А у того лечения быть доктору Николаю Бидлоо, да двум лекарям из иноземцев и из русских, изо всяких чинов людей, набрать для аптекарской науки 50 человек, а на строение и на покупку лекарств, и на всякие к тому делу принадлежащая вещи, и доктору, и лекарям и ученикам на жалованье деньги держать из сборов Монастырского приказа»* [59]. Так в России было основано первое государственное стационарное лечебное и учебное учреждение — ныне Главный военный клинический госпиталь имени академика Н.Н. Бурденко.

Николай Бидлоо — сын аптекаря и ученого-ботаника Ламберта Бидлоо и племянник известного голландского анатома Готфрида Бидлоо (1649–1713), автора анатомического атласа и, как установлено только сейчас, в 1685 г. открывшего соединение панкреатического и общего желчного протоков с формированием

*Николай Бидлоо (1707–1735) –
основатель Московского военного
госпиталя*

ампулы и большого дуоденального соска. Это открытие оказалось незамеченным современниками и в историю первооткрывателем вошел не он, а Абрахам Фатер, повторно описавший их только в 1728 г. и получивших название фатерова соска [60].

Следует отметить, что в нашей историко-медицинской литературе, в том числе в таких известных работах, как монографии В.М. Рихтера и А.Н. Алелекова, укоренилось мнение, что Николай Бидлоо был сыном Готфрида Бидлоо, брата Ламберта. Усилиями

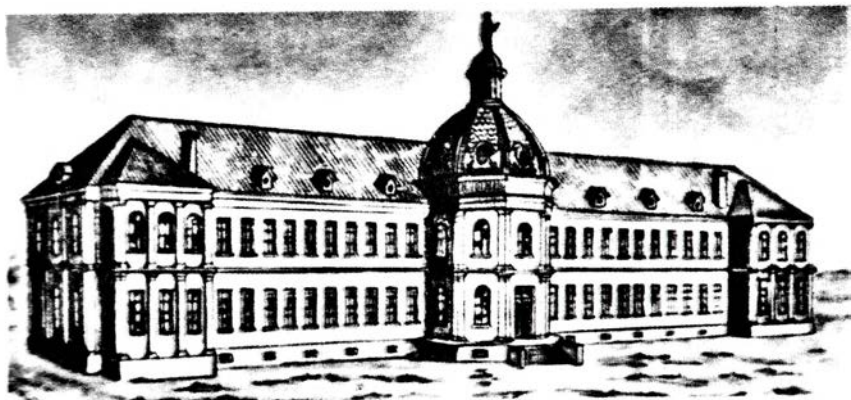
Н.А. Оборина эта ошибка полуторавековой давности была исправлена и доказано, что Н.Л. Бидлоо – сын Ламберта Бидлоо [61].

Н.А. Обориным исправлено также ошибочное мнение, что Н. Бидлоо был учеником выдающегося лейденского профессора Г. Бургаве, который стал профессором лейденской академии в 1701 г., когда Н.Л. Бидлоо уже находился в Амстердаме. Его учителями были профессора К. Фрелинкур, П. Готтон, Я. Морт, Готфрид Бидлоо. В 1697 г. он защитил диссертацию на степень доктора медицины «О задержке менструаций». После защиты диссертации Н. Бидлоо около пяти лет работал в Амстердаме, где посвятил себя практической врачебной деятельности [61].

В 1702 г. Бидлоо был законтрактован на службу в качестве лейб-медика Петра I с обязательством проработать в России 6 лет; за это ему была установлена плата в 2500 голландских гульденов (500 рублей серебром) в год. В 1703 г. Бидлоо прибыл в Москву. Не обладая крепким здоровьем, он тяготился своей

службой, которая обязывала сопровождать царя в его непрерывных поездках. Отказавшись от должности лейб-медика, Бидлоо получил в 1706 г. задание Петра I — построить и возглавить госпиталь с лекарской школой при нем для подготовки 50 учеников. Госпиталь был сооружен в 1707 г. по проекту самого Бидлоо.

21 ноября 1707 г. Николай Ламбертович Бидлоо приступил к работе в построенном госпитале, приняв первых больных. Высокообразованный и энергичный голландец, открыв госпиталь, одновременно создал в нем первую в России Госпитальную школу для подготовки врачей из «природных россиян» и при ней анатомический театр, который многократно посещал Петр I, стараясь совершенствовать свои медицинские познания, интерес к которым возник у него еще в 1689 г. при посещении в Амстердаме анатомического кабинета знаменитого ученого Фридриха Рюйша [62].

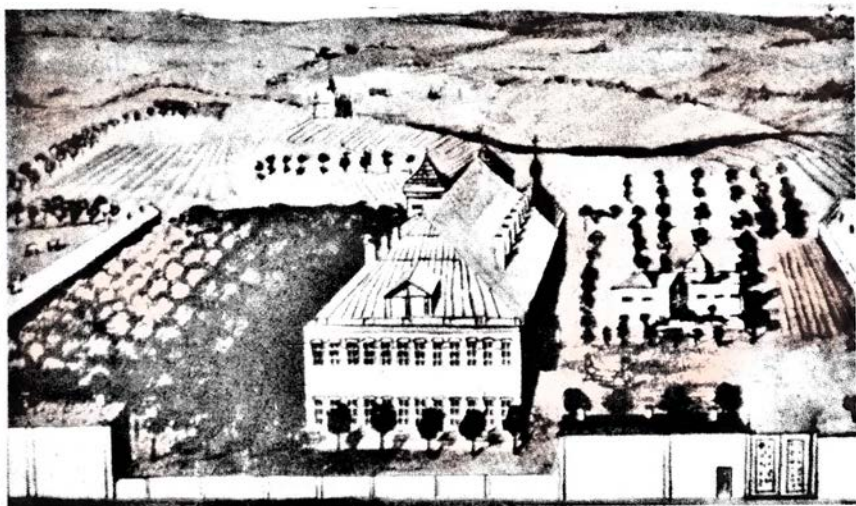

Московский госпиталь в XVIII в.

Рядом с госпиталем для Н. Бидлоо был отведен участок земли, на котором он построил усадьбу по собственным чертежам и спланировал первый голландский сад в Москве [63]. Многие лечебные растения выращивались рядом с госпиталем. Этот сад скорее можно было назвать огородом, поскольку в нем преобладали травы и растения, нужные для фармакопеи того времени.

Штат госпиталя в период его становления неизвестен, а при Екатерине II состоял из доктора, штаб-лекаря, оператора, акушера, шести лекарей, десяти подлекарей и учеников лекарьских и аптекарских. К такому выводу пришел историк А.Н. Алелеков, готовя фундаментальное исследование истории Московского военного госпиталя в связи с его 200-летием [64].

Известно, что у Н. Бидлоо было всего два помощника, сам он преподавал анатомию и хирургию, состоял инспектором госпитальной школы. Анатомия в школе преподавалась не только по атласам, но и изучалась на трупах и скелетах. Ученики школы принимали участие в операциях, присутствовали при вскрытии тел.

Московский госпиталь с голландским садом

Добросовестный педагог, Бидлоо выпускал своих питомцев из школы, лишь будучи убежденным в достаточной подготовке каждого из них в отдельности. Поэтому срок обучения в школе затягивался от 5–6 до 10 лет. Это вызывало постоянные нарекания на Бидлоо со стороны его недоброжелателей — немцев, пытавшихся скомпрометировать школу, доказать бесцельность ее существования, поскольку русская молодежь, якобы, неспособна к медицине.

Госпитальная палата XVIII в.

Бидлоо не изменил своего взгляда на срок обучения в школе и после того, как Петр I, желая ускорить выпуск лекарей, приказал выдавать ему по 100 руб. за каждого подготовленного лекаря и 50 руб. за подлекаря. Бидлоо доносил Петру в оправдание удлинения сроков подготовки нужных для армии лекарей, что он не стыдится рекомендовать своих учеников, «ибо они не только имеют знание одной или другой болезни, которая на теле приключается и к чину хирурга надлежит, но и генеральное искусство во всех тех болезнях от головы даже до ног с подлинным обучением, как их лечить, такоже они приключающиеся язвы завязывать и ко оным завязывание сочинять, где повседневно от ста до двухсот больных суть, зело поспешно научились» [65].

Московская госпитальная школа во времена профессора Николая Бидлоо явно переживала расцвет (1707–1735 гг.). Этот умный, всесторонне образованный человек и, к тому же, художник по натуре, смог, благодаря своим администраторским

способностям поднять преподавание медико-хирургических наук до уровня лучших университетов Европы. Это вызывало злобу у приглашенных иностранных медиков, поскольку готовились молодые российские кадры. Они всячески пытались помешать подготовке отечественных врачей. Бидлоо позднее, в 1715 г. в письме Петру I рассказал об этом: *«Многие хирурги советовали дабы я народу сего (русского) юноши не учил, сказующие что не можешь сие дело совершить»* [66].

Их интриги по отношению к Бидлоо и его выпускникам, пока жив был Петр I, не влияли на качество преподавания в школе, сложнее стало после его смерти (1725 г.), когда исчезла опека государя и уменьшились субсидии на ее содержание и ремонтные работы.

На протяжении всей своей службы в Московском госпитале и ее школе (1707–1735 гг.) Н. Бидлоо привлекал для обучения учеников всех дипломированных лекарей, служивших в то время в этом лечебном учреждении. Их практический опыт, приобретенный в европейских госпиталях, школах и университетах, использовался для подготовки национальных медицинских кадров. Такая организация учебного процесса способствовала тому, что будущие лекари знакомились с лечением многих болезней: венерических, гинекологических и основательно познавали хирургию. Система обучения в Госпитальной школе, заложенная доктором Н.Л. Бидлоо, год от года совершенствовалась, однако ее основные положения были сформулированы уже в год смерти профессора (1735) в «Генеральном регламенте о госпиталях». Н.Л. Бидлоо считал, что ведение преподавания в школе должно осуществляться всеми чинами госпиталя. В обязанности доктора должно входить не только чтение лекций по внутренним болезням, но и проведение обходов больных, врачебных конференций и осуществление общего руководства обучением. Главный лекарь госпиталя обязан читать лекции о *«хирургических и наружных болезнях»*, проводить операции и перевязки в присутствии учеников, клиническая практика которых возлагалась на лека-

рей, а занятия по анатомии и оперативной хирургии на трупах велись оператором. Кроме того, Бидлоо считал необходимым продолжать в госпитальных школах изучение латинского языка и обязательно преподавать рисование *«для лучшего утверждения в анатомии»* [67].

Преподавание анатомии велось по знаменитому анатомическому атласу дяди Н. Бидлоо — Готфрида Бидлоо *«Anatomia humani corporis»*, изданному в 1685 г. в Амстердаме. Готфрид Бидлоо — ученик Ф. Рюйша, с 1696 г. был ректором Лейденского университета, и, наверняка, познакомился с Петром I, когда тот в 1697 г. посещал Голландию. Атлас содержал 105 рисунков, в том числе микроскопические изображения [68].

Уже в 1710 г. профессор Н. Бидлоо написал первый в России учебник хирургии — *«Наставление для изучающих хирургию в анатомическом театре»*. Оно стало главным учебником не только для учеников первой трети XVIII в., но и для последующих десятилетий. Интересна история этой книги. Это была рукопись на 1306 страницах, на латинском языке, состоящая из 4-х частей, включающих 129 глав и 8 указателей. Вначале эта работа ошибочно приписывалась Готфриду Бидлоо, потом признавалась *«безымянной»*. В 1963 г. это сочинение обнаружил в библиотеке Военно-медицинской академии Н.А. Оборин. По его инициативе рукопись перевели на русский язык (1979 г.) и издали под редакцией профессора М.В. Даниленко с комментариями Н.А. Обороина [69, 70].

Чтобы подготовить высококвалифицированных врачей, Н. Бидлоо использовал в процессе преподавания медицины клинический принцип Лейденской школы, который предусматривает обучение студентов у кровати больного. Это было новинкой в России начала XVIII в., поскольку главное внимание отводилось практическому обучению и в этом отношении Н. Бидлоо превзошел европейские университеты в методике преподавания медицины и подготовке врачей. Там обучение студентов длилось всего 4 года по учебникам и было оторвано от практики в

госпиталях, где можно было получить хирургические навыки. Желавшие стать хирургами приобретали их у опытных хирургов путем совместной работы [71].

Преимущества выпускников школы Н. Бидлоо и других госпитальных школ, открывшихся в России в последующие годы, состояли в том, что они были одинаково компетентны как в хирургии, так и в терапии [72].

А.Н. Алелеков в своей замечательной книге об истории Московского военного госпиталя коснулся вопроса и о первых учениках Госпитальной школы. Их было немного, поскольку знающих латынь, на которой шло преподавание, в Москве сложно было отыскать. Семьи иностранцев, проживавших в городе, посылали своих сыновей изучать медицину в Лейден, Лейпциг, Берлин, Оксфорд, Галле. Списки учеников Н. Бидлоо, как свидетельствует исследователь архивных фондов А.Н. Алелеков, до нашего времени полностью не сохранились. Однако, есть в его сочинении две фамилии, которые он упомянул и которые привлекли наше внимание, но о них мы расскажем ниже [73].

Следует отметить, что создание Московской госпитальной школы, требовавшей учеников с основательной общей подготовкой, знанием латыни и иностранных языков, совпало со стремлением Петра I реформировать в Москве Славяно-греко-латинскую академию, подняв ее до уровня Киево-Могилянской. И это не случайно. Как писал в 1915 г. профессор протоиерей Киевской Духовной академии Ф.И. Титов в своей «Исторической записке», посвященной 300-летию Академии, *«в течение первых шестидесяти лет XVIII века Киевская академия переживала эпоху полного своего расцвета Император Петр I, даровавший Киев-братской коллегии права и звание Академии, относился к ней с полным вниманием и великим благожеланием до конца своей жизни и особенно в течение первого десятилетия XVIII в. ...»* [74].

Общеизвестно, что Петр I посещал Киев по своим военным делам трижды — в 1706 и 1709 гг. Бывал он и в Академии, познакомившись лично с ее деятелями — выдающимися учеными

Феофаном Прокоповичем, Стефаном Яворским и другими. Убедившись в высоком уровне знаний учащихся, царь пригласил в Москву, чтобы возглавить Славяно-греко-латинскую академию и поднять ее престиж, профессора Киево-Могилянской академии Стефана Ивановича Яворского¹, а вместе с ним и очередную группу преподавателей с учениками классов риторики и философии [75].

О том, что царь договаривался уже в 1701 г. с гетманом Иваном Мазепой и Киевским митрополитом Варлаамом Ясинским о направлении в Московскую академию учителей, свидетельствует документ, хранящийся в Институте рукописей Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского (Киев). В нем гетман Иван Мазепа сообщает Петру I и боярину Федору Алексеевичу о том, что на основании Именного Указа царя и решения Киевского митрополита Варлаама Ясинского он *«послал*

¹Семен (Стефан) Иванович Яворский (1658–1722 гг.) родился в местечке Яворы на Львовщине в помещанской семье. После ее переезда в село Красилыво близости Козельца, Семени отдали в Киево-Могилянскую академию, окончив которую он продолжил свое образование в коллегиях Львов, Люблина, Вильно. Вернувшись в Киев (1689 г.), принял монашеский постриг и имя Стефана, подтвердил свои глубокие знания на экзамене и был принят преподавателем поэтики, риторики, философии и богословия. В 1694 г. Стефан Яворский был определен префектом Киевской академии, а в 1700 г. Петр I вызвал его в Москву, чтобы возвести в сан епископа. Через год Стефан Яворский стал митрополитом Рязанским и Муромским. Под его протекторатом Московская славяно-греко-латинская академия переняла все лучшие традиции Киево-Могилянской: усовершенствованные программы, методы поощрения отлично успевающих учеников, отношение к поэтическому творчеству, латинскому и русскому красноречию, к участию в театральных спектаклях. В течение 1701–1716 гг. все свои деньги митрополит Рязанский и Муромский вкладывал в строительство Нежинского Благовещенского собора Спасо-Преображенского монастыря. Он очень хотел создать на Украине в этом монастыре Академию для подготовки высокообразованных духовных пастырей [76]. 16 октября 1721 г., будучи уже президентом Синода, Стефан Яворский завещал свою библиотеку редких книг (609 экземпляров) и три тысячи рублей на достройку собора, возведение *«колокольни с большим часом и палату каменную с железными затворами от огня»*, поскольку книги для него были *«богатством, паче злата и серебра»*. Копия завещания и перечень всех книг сохранился. Среди них одна на русском языке – *«Панегирик о преславной над войсками шведскими победе Петру Первому Всероссийскому монарху»* [77].

в царствующий великий град Москву, для учения детей, честных и ученых иноков — Рафаила Краснопольского, Иосифа Туробойского, Афанасия Соколовского, Григория Гошкевича, Антония Строшовского, Мелетия Каннского... и я, чиня вспомогательство в поспешении в надлежащее место, дал подорожный лист и подводы» [78].

О том, что Славяно-греко-латинскую академию в начале XVIII в. наполняли учениками из Киевской академии, которые имели право и возможность продолжать свою учебу в классах риторики и философии по 2–3 года, свидетельствует в своей основательной публикации Мирослава Шевчук, сообщив интересный факт: *«серед студентів класу філософії Московської — слов'яно-греко-латинської академії в 1704 році з 34 учнів лише троє росіян. Подібна картина була і в інших школах»*. Автор этой интересной публикации обратила внимание читателей на то, что этот факт в советских исследованиях преподносился как свидетельство *«тісного спілкування українського народу з братнім російським»*, а в более современном контексте — как *«вплив української культури на російську»* [79].

Спустя 300 лет после описываемых нами событий, трудно определить, когда и с кем приехали в Московскую госпитальную школу к профессору Н. Бидлоо изучать медико-хирургическую науку двое юношей — Мартын Яновский и Федор Журавский, фамилии которых называет доктор А.Н. Алелеков в уже названной нами работе, не комментируя при этом их биографий. Он отмечает, что в «начинавшую приобретать симпатии и уважение школу», в 1718 году Новгородский архиепископ Феодосий¹, тогда вице-

¹Документально установлено, что Архиепископ Великоновгородский и Великолуцкий Феодосий в миру был Федор Михайлович Яновский. В 1676 г. он завершил полный курс наук в Киево-Могилянском коллегиуме (с 1700 г. Академия) и в 1693 г. постригся в монахи в Московском Симоновом монастыре. В 1704 г. он уже был назначен архимандритом первоклассного Хутинского монастыря Новгородской епархии.

Активная деятельность Феодосия Яновского в деле распространения образования привлекла внимание реформатора Петра I. Они познакомились, подружились и царь поручил ему строить Александро-Невский монастырь и школу при нем.

президент Синода, своего племянника Мартына Яновского поручил Н. Бидлоо и отдал в Московский госпиталь для обучения «хирургической науке». Во всяком случае, племянник Феодосия был не из тех, которых некуда было девать, так как через 6 лет после этого Яновский был отправлен «во Францию, правда на счет дяди, для лучшей в той хирургической науке практики» [80].

Остановимся подробнее на родословной семьи Яновских, хранящейся в Киевских архивах и имеющей, на наш взгляд, отношение к одному из учеников Госпитальной школы — Мартыну Яновскому.

В 1702 г. 12 знатных людей Овручского повета своими подписями и печатями подтвердили дворянство Яновских, получивших за свои ратные подвиги при польских королях земли и герб «Ястржембиц», на голубом щите которого, окаймленном боевым оружием и знаменами, изображена золотая подкова, обращенная концами вверх, а в середине ее — крест. Сверху, на короне герба изображен ястреб [82].

Один из представителей большого и разветвленного родового древа Яновских — Антон Васильевич, сообщил в Киевское Депутатское Собрание о том, что его «предки в давних временах, имея свое пребывание в Галиции, и там оставили следы...» [83]. В 1788 г. очередные 12 свидетелей подписали документ, направленный в Киевское Дворянское Собрание о том, что они «совершенно знают»: прадед штаб-лекаря шестого киевского батальона Евстафия Яковлевича Яновского — Иван Яновский был польским шляхтичем «по выходе своем из Польской области в Россию жительствовавший в городе Киеве» [84].

Если Архимандрит Феодосий в молодости тоже жил и учился в Киеве, то вполне можно предположить, что его племянник Мартын Яновский тоже прошел основательный курс обучения в Киево-Могилянской академии или у ее московских

В 1716-1718 гг. Архимандрит Феодосий сопровождал царскую семью в ее поездке по Европе — Гаага, Карлсбад, Берлин [81].

учителей, что позволило ему с успехом окончить в 1724 г. Госпитальную школу профессора Бидлоо и поехать во Францию совершенствоваться в хирургической науке. Он оказался первым из воспитанников Киево-Могилянской академии, защитившим в Париже докторскую диссертацию на тему «Theses medicae» (1724) [85].

О втором талантливом ученике медико-хирургической школы Н. Бидлоо — Федоре Журавском упомянули в своих публикациях А.Н. Алелеков в 1907 г. и А.С. Демин в 2006 г. [86, 87].

Мы имеем все основания считать, что Федор Журавский был автором одной из пьес, которые ставили ученики Госпитальной школы и представляли их, в том числе Петру I.

Известно, что отношения Петра I и Н. Бидлоо были дружескими и простыми. Бывая в Москве, царь постоянно посещал своего бывшего личного доктора, бывал у него дома, интересовался работой в госпитале и обучением будущих военных лекарей. Ученики госпитальной школы сочиняли пьесы и старательно играли их Петру I и его свите.

На сцене ставились такие политически значимые спектакли, как «Освобождение Ливонии и Ингерманландии», «Торжество мира православного», «Царство мира» и другие панегирики Петру [88]. Это были также спектакли об исторических деятелях — Александре Македонском, царе Дарии, Тамерлане и др. Тексты этих сочинений не дошли до нашего времени, как и фамилии авторов, кроме одной — «Слава Российская. Диалог действием персональным в Московской гошпитали в память коронации ея Императорского Величества государыни Екатерины I, изображенный в 1724 г.».

Эту пьесу смотрели Петр I и Екатерина I 18 мая 1724 г. Она представляла собой панегирик царю и царице. На втором листе на латинском, а потом и на русском языке написано название пьесы и чудом сохранилась подпись автора «*Ф. Журавский. — ученик госпитальной школы директор*». Этот лист от времени очень пострадал, некоторые слова и буквы были утрачены, но учитель черкасской гимназии А.Н. Малинка, купивший эту ру-

копись в Нежине, передал ее для исследования крупному ученому-лингвисту М.И. Соколову, который опубликовал в 1892 г. в журнале «Чтения в Обществе истории и древностей российских (книга 2, отделение 11) подробный анализ этой находки, отметив, что *«вся рукопись писана одною рукою, бойким и красивым почерком»*, а фрагменты записи на латыни М.И. Соколов расшифровал как авторскую подпись. Однако, никто из авторов о театральных спектаклях в Московском госпитале не прокомментировал, откуда родом был Федор Журавский, где получил основы образования, интерес к сочинению пьес и любовь к школьному театру, почему называет себя «директором»? А между тем, следует отметить, что род Журавских хорошо известен в Украине, поскольку относился к национальной элите Гетманщины XVII–XVIII веков.

В 1718 г. в Прилуцком полку служил Федор Журавский. Сначала он был городовым атаманом в Прилуках, а в 1721 г. он уже занимал пост полкового сотника [89]. Известны имена казаков того же полка — Ивана (1731 г.), Михайла (1731–1740 гг.) и Якова (1740 г.). Последний владел хутором в том же полку [90].

В Стародубском полку представители этого рода, принадлежавшие к польской шляхте, несли военную службу с 1676 г. Тимофей Алексеевич назначался полковником во времена гетмана Ивана Мазепы (1687–1689 гг.) [91], а Лукьян Иванович во времена Ивана Скоропадского (1709–1719) *«за выслуженные и купленные добра»* имел жалованную грамоту от Петра I (1718 г.) [92].

Своих сыновей Стародубские полковники посылали учиться в Киево-Могилянскую академию [93]. Польская фамилия этой семьи «Жоравки» стала писаться в Украине «Журавки» (так писала в донесении невестка полковника Лукьяна Ивановича в адрес Генеральной войсковой канцелярии, а там преобладал российский канцелярский язык, их фамилию писали «Журавские»). Такой фамилией они подписывали документы в Киевское Дворянское собрание с просьбой выдать им дворянскую грамоту [94].

Мы предполагаем, что Федор Журавский — один из представителей большого родословного древа этой семьи, получил образование в Киевской академии, или у киевских преподавателей Славяно-греко-латинской академии, организовавших театр и представления в Москве. На причастность Федора к Киево-Могилянской академии указывает ряд факторов: рукопись пьесы «Слава Российская» написана каллиграфическим почерком, который совершенствовался у киевских учеников уже с нижних классов; автор владел латинским и российским красноречием, что не могло не отразиться в тексте его сочинения; писать пьесы и разыгрывать их перед учениками и преподавателями учили на уроках поэтики в Киеве уже со второй половины XVII в. И это было любимое занятие студентов, поскольку в праздничные дни разрешалось свои пьесы показывать за пределами учебного заведения [95]. Лучшие сочинения профессора поэтики разрешали вывешивать на стенах класса, а отличившихся авторов — «директоров» (ведущих, лучших) одноклассники усаживали для поощрения напротив кафедры профессора, пока в классе не объявится очередной лучший сочинитель [96]. Так в стенах Киево-Могилянской академии зарождался студенческий театр, любовь к которому не ослабевала при переезде молодых людей из Киева в Москву. Подобное, вероятно, случилось и с Федором Журавским, оказавшимся в Московской Госпитальной школе профессора Николая Бидлоо в 20-х годах XVIII в.

Проследивая документально дальнейшую судьбу Федора Журавского, нам удалось выяснить, что учебу в школе Н. Бидлоо он закончил в звании лекаря в 1727 г. В списке 8 лекарей и 8 подлекарей выпуска 1727 г. он записан первым (Федор Журавский, Афанасий Каргин, Никита Сканшиков, Матвей Чалов, Федор Цетнер, Михаил Жировой, Яков Угримов, Даниил Чукеевич). Все они, вместе с 8 подлекарями (Матвеем Езифовичем, Александром Ростовецким, Илларионом Пылаевым, Иваном Черноградским, Иваном Дукорским, Михаилом Покутовским, Никитою Хлебниковым, Антоном Ивановым) направлялись в Низовый батальон (Астрахань, Гилян,

Баку) — города, отвоеванные в царствование императора Петра I у персов. По распоряжению Медицинской Канцелярии от 24 мая 1727 г. весь выпуск лекарей и подлекарей был определен в гарнизонные полки. Например, лекарь Михаил Жировой направлялся в Выборгский гарнизон, Яков Угримов — в Астраханский флот и порт, Даниил Чукаевич — в Астраханский гарнизонный полк, а подлекарь Антон Иванов — в Астраханский госпиталь. Они первыми были отосланы в Московскую медицинскую контору для *«отсылки к местам назначения»*.

Из-за постоянной угрозы появления в Астрахани эпидемии *«моровой язвы»*, там, на основании Сенатского указа от 7 июня 1725 г., был учрежден госпиталь и открыта аптека [97]. 23 марта 1727 г. последовал Именной Указ Екатерины I *«О назначении прибавочной из Камер-Коллегии суммы денег на покупку вина и уксуса для больных Низового корпуса и о посылке в оный корпус подлекарей с назначением им жалованья»* [98]. К осени 1727 г. *«повальная болезнь»* в Астрахани бушевала вовсю. 27 сентября последовал Указ из Верховного Тайного Совета *«О предосторожностях против бывшей повальной болезни в Астрахани»* [99]. В такую опасную зону были посланы выпускники из Московской госпитальной школы 1727 г.

Однако среди них не было Федора Журавского. Он задерживался в Рязани у больного епископа Гавриила, к которому был откомандирован по распоряжению Святейшего Синода [100].

Гавриил (Федорович Бужинский) родился в Правобережной Украине около 1680 г. Образование получил в Киево-Могилянской академии и, как преуспевающий ученик, был приглашен в 1706 г. ректором Московской славяно-греко-латинской академии Стефаном Яворским на должность преподавателя. Чтобы заполнить классы Московской академии учениками, их приходилось везти из Киева вместе с учителями. В последующие годы Гавриил проявил себя не только как блестящий педагог, но и как просветитель, открывший в своей епархии *«латинскую школу»*, собрав библиотеку из 365 книг по истории права, философии,

истории, военному делу, математике, медицине и художественной литературе. В конце своей жизни, уже как епископ Муромский и Рязанский Гавриил завещал библиотеку Московской славяно-греко-латинской академии [101].

Во время летних каникул в Рязань к епископу Гавриилу приезжал из Киево-Могилянской академии его племянник — студент класса Богословия Кириан Кондратович. Он помогал дяде подбирать из Киева учителей для «латинских школ». Дядя, видимо, доверял мнению своего родственника, поскольку тот был студентом *«превосходных знаний и честного поведения»*, что позволило ему вскоре занять место переводчика с польского и латинского языков в Академии Наук Петербурга. Он родился в 1701 г. в семье ахтырского сотника [102] и был, видимо, товарищем Федора Журавского по Киево-Могилянской академии. Им было о чем поговорить всем троим и епископ, пользуясь своей властью и ссылаясь на болезнь, мог оттягивать отъезд Федора Журавского к месту службы, не взирая на требования Св. Синода скорее вернуть того в Москву [103, 104].

Таким образом, у нас есть все основания считать, что в начале XVIII века в Московской госпитальной школе доктора Н. Бидлоо обучались воспитанники Киево-Могилянской академии.

Остановимся также на некоторых сведениях об учениках школы, ранее не публиковавшихся.

В конце 1729 г. Московская славяно-греко-латинская академия подала в Синод жалобу на доктора Н. Бидлоо за то, что он 2 октября 1729 г. *«принял к себе без ведома ученика Академии Андрея Аладдина»* [105]. Наверняка юноша был способным и хорошо усвоил латынь, а Московская академия неохотно расставалась с такими учениками.

В документах и делах Святейшего Синода сохранилось «Доношение доктора Н. Бидлоо от 18 января 1730 г. о производстве в лекари и подлекари». В нем он сообщал, что 26 декабря на генеральном экзамене звание лекаря получили следующие ученики: Петр Богатырев, Иван Киреев, Данила Чарныш, Севастьян

Семенов, Гаврила Краснопольский, Иван Винюков, Дементий Янковский. Звание подлекаря получили: Григорий Беляев, Иван Иконников, Гаврила Мякинин, Дементий Филиппов, Василий Юшманов, Спиридон Калгин, Степан Лопатин, Кирилл Ставровский, Игнатий Понятовский, Дмитрий Колпаков [106].

В списке выпускников Московской госпитальной школы Н.Л. Бидлоо за 1730 г. мы снова обратили внимание на фамилии хорошо известные с конца XVII в. не только в Киево-Могилянской академии, но и в Москве: Матвей Юзефович, Гаврила Краснопольский и Данила Чарныш. Так, некий Ерофей Юзефович, окончивший Киево-Могилянскую академию к 1720 г., преподавал с 1724 г. в Московской славяно-греко-латинской академии (как раз тогда, когда у доктора Н. Бидлоо учился Матвей). Степан Юзефович учился в Киево-Могилянской академии до 1737 г. и стал служить канцеляристом в Генеральной войсковой канцелярии. Корнелий Юзефович (род. 1726 г.) и после учебы в Киево-Могилянской академии служил сотником Прилуцкого полка [107].

Рафаил Краснопольский, получивший образование в Киево-Могилянской академии в конце XVII в., был послан в 1701 г. гетманом И. Мазепой преподавателем в Московскую славяно-греко-латинскую академию, в которой прослужил до своей смерти в 1711 г. В 1718 г. старостой в селе Кудровке Сосницкой сотни Черниговского полка служил Иван Краснопольский [108]. Что касается архимандрита Московского Симонова монастыря Гавриила (Краснопольского), то после учебы в Киево-Могилянской академии, он служил в Санкт-Петербургском шляхетском корпусе (1740 г.), а с 1745 г. — в Москве [109].

У Данила Чарныша, завершившего медико-хирургическую науку в школе доктора Н. Бидлоо в 1730 г., тоже, возможно, предки учились в Киеве и служили Украине в первой половине XVIII в. Так, в Гадяцком полку с 1709 по 1715 гг. полковничью службу нес Иван Чарныш, а в Миргородском полку с 1764 по 1781 гг. полковым писарем был Иван Никифорович Чарныш

[110]. На такие должности назначались грамотные люди, хорошо знавшие русский (канцелярский) язык, изучавшийся в Киевской академии, хотя по своей национальности могли быть поляками, молдаванами, сербами, хорватами, бежавшими со своих земель, завоеванных турками.

Период руководства Бидлоо был временем расцвета госпиталя и школы. За годы деятельности Н. Бидлоо в Госпитальной школе было произведено 10 выпусков, давших свыше сотни дипломированных военных лекарей и подлекарей, направленных в армию и на флот.

Н. Бидлоо пользовался любовью со стороны учащихся. Это был один из тех иностранных врачей, которые работали в России не за страх, а за совесть.

Подводя итог деятельности голландского ученого Н. Бидлоо, историки медицины единодушно во мнении, что он совершил чудо: в стране, где преобладала народная и монастырская медицина, а государственная находилась в стадии становления, началась подготовка лекарей европейского уровня. Так что студенты Киево-Могилянской академии и других латинских школ России, получившие медицинское образование в первой Госпитальной школе государства, участвовали в становлении военной медицины начала XVIII века. Только в 1733 г. медицинские школы подобного уровня будут открыты в Петербурге на базе сухопутного, адмиралтейского и Кронштадтского госпиталей [111].

В «Приложении» 1 приводим списки учеников Московской госпитальной школы, возглавляемой Н. Бидлоо, полученные из литературных и архивных источников.

Глава 3

НАРОДНЫЕ ЛЕЧЕБНИКИ – ПЕРВЫЕ УЧЕБНИКИ НАУКИ О ЛЕКАРСТВАХ ДЛЯ УЧЕНИКОВ ГОСПИТАЛЬНЫХ ШКОЛ

В XV–XVII вв. на Руси получили широкое распространение различные травники и лечебники, в которых был аккумулярован опыт народной медицины. Они состояли из кратких описаний лекарственных растений и указаний по их применению. В некоторых из них содержались простейшие анатомические представления, описание болезней, обширный материал о животных и минералах. Вероятно, первым таким лечебником был лечебник под названием «Прохладный вертоград»¹, переведенный с немецкого в 1534 г. по указанию «митрополита всея Руси Даниила».

По таким книгам обучались ученики в российских госпитальных школах [124]. Большое внимание подготовке к изданию «Травников» уделял Председатель Медицинской канцелярии П.З. Кондоиди.

В начале XVIII века печатных фармакопей еще не было, поэтому информация о лекарствах, различных методах лечения, содержалась в народных рукописных «энциклопедиях» — «Лечебниках»,

¹ Слово «вертоград» в переводе с древнеславянского языка означает «сад» (лекарственных растений).

«Травниках», «Цветниках», которые бережно сохраняли грамотные люди, а при утрате листов, сшивали оставшиеся в единую книгу и передавали новым поколениям. Об этом свидетельствуют такие рукописные книги, сберегающиеся в современных архивах. Нам повезло отыскать медицинские лечебники двухсот и трехсотлетней давности. Это впечатляющий пласт культуры народа, свято верившего в благородную, целительную роль природы, с которой люди старались жить в полном согласии.

Историки медицины — Я. Чистович и Л. Змеев высоко ценили эти народные энциклопедии, сохранившиеся до нашего времени в чрезвычайно небольшом количестве [125].

В Институте Рукописей Национальной библиотеки имени В.И. Вернадского хранится такой научный труд XVII в. Он был продан в 1919 г. (спустя триста лет!) в Киеве профессору словесности университета Св. Владимира Сергею Ивановичу Маслову. Судя по автографу, расположенному на титульном листе «Лечебника», он мог принадлежать потомку священнослужителя XVII в. [126].

Этот «Лечебник» XVII в. повествует не только о том, чем лечили в ту пору, но и кому он предназначался. Его небольшой размер (приблизительно 18×7,5 см) свободно мог поместиться в кармане участника военного похода.

При приготовлении лекарств использовались меры того времени — «золотник, гривенка, полгривенки, четверть гривенки», а не сыпали составные снадобья для лекарства «на глазок» — горстями, ложками. Большое место в этом «Лечебнике» уделено лечению ран и особенно «гниющим». Для этого предлагалось взять: *«Воску чистого четверть гривенки, серы с четверть гривенки, да воды влить с полковшика, да растопити в вольной печи и растопя, застудить».*

Приведем несколько примеров из этого рукописного медицинского труда XVII в. Большим спросом пользовались «*присыпные зелья*». Если рана была «*гнилая*», то советовали присыпать ее «*чесночным пеплом*» или «*крапиву сушеную истолокши и на раны*

прикладывать». Пользовались и купоросом, который рекомендовали «ужечи и утерти с корой явора добро пережечь и все вместе смешати да присыпати». Помогала и мазь «от гнилых ран», для этого нужно было «растопити в вольной печи воску чистого четверть гривенки, серы чистой да свенинного сала полгривенки, да козлового сала с четверть гривенки, да воды влить полковшика, застудити и мазати». Если у воина болели глаза, то «Лечебник» советовал: «Аще у человека живет под щеками нечистота из черемхового цвету выжать соку и держати в запаси той сок в склянице и немощного человека соком под веками мазати и оттого немощь исцелет».

Попутно отметим, что археологи, работавшие на месте битвы войска Богдана Хмельницкого с поляками под Берестечком, находили такую «медицинскую посуду» для изготовления мазей и хранения капель. Об этом сообщил в своей интересной публикации Ярослав Радыш [127].

В «Лечебнике» XVII в. были и рекомендации казакам, как лечиться от «французской болезни», для этого нужно было взять «масла коровиева два фунта, да ртути фунт, да полложки дегтю и в посуде деревяной бити лопаткою деревяною дней пять и больше. А бити бы то не в самой теплой хранине, чтобы ртуть поутерлась» [128].

«Лечебники» XVIII в., хранящиеся в Институте Рукописей НБУВ, отличаются своим большим форматом, количеством страниц (иногда свыше 300) и характером преподнесения рецептов. Они предназначались для населения, составлялись «знатоками медицины», о чем свидетельствует запись в «Лечебнике» начала XVIII в.: «Сказание о немощах человеческих и како именуются и чем какую немощь по докторским наукам лечить» [129]. И этот медицинский труд, и написанный в конце XVIII в. [130], названный «Прохладный вертоград», принадлежавший крестьянину Гавриле из села Варки, начинались с перечня всего, из чего можно делать лекарства. Сначала назывались все злаковые: «О хлебе ржаном, о пшенице, о муке пшеничной, о овсе, о просе».

Потом список переходил на бобовые растения, за ними следовали «конопля, мята, гречиха, рапс, редька, хрен, капуста, морковь, свекла, лук, огурцы, дыни, тыквы и т. д.». Перечислялись садовые и дикие фрукты (груши, яблоки, сливы, вишни, земляника, рябина). Большое место уделялось речным и морским рыбам, зверям («О козле, о козе, о волке, о медведе»), птицам («О утках, о петухах, о голубях, о воробьях, о кукушках»).

(1759) 2 1 2

СВЯТЫЙ ГЛАВЪ БИТОУЩЕ

СЕЙ КНИЖЪ ГАЛГОСКОЙ АТІБНИКЪ

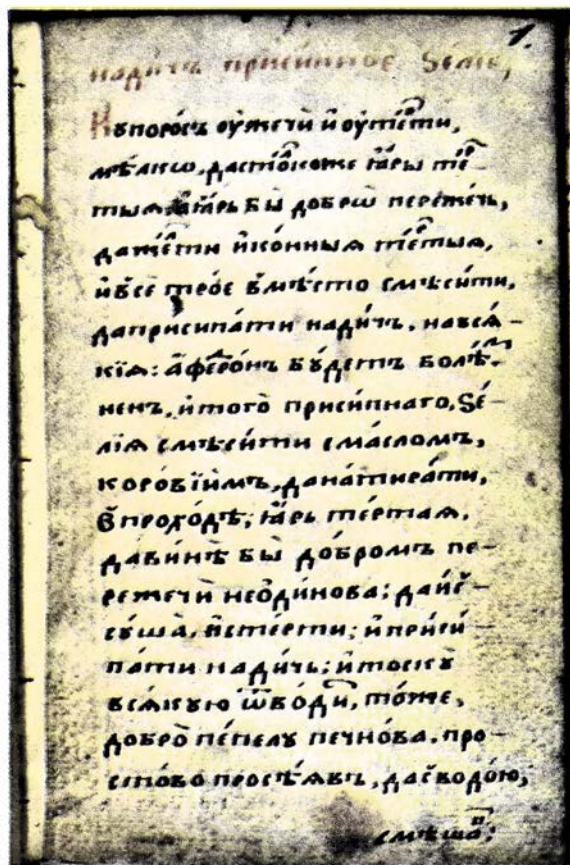
СВЯТЫЙ ДАВЕН:	1	СВЯТЫЙ:	29
СВЯТЫЙ:	2	СВЯТЫЙ КЛИМЕНТ:	20
СВЯТЫЙ ПИМЕНТ:	3	СВЯТЫЙ:	21
СВЯТЫЙ:	4	СВЯТЫЙ:	22
СВЯТЫЙ:	5	СВЯТЫЙ:	23
СВЯТЫЙ:	6	СВЯТЫЙ СЛАВ:	24
СВЯТЫЙ:	7	СВЯТЫЙ:	25
СВЯТЫЙ:	8	СВЯТЫЙ:	26
СВЯТЫЙ:	9	СВЯТЫЙ ДАВЕН:	27
СВЯТЫЙ:	10	СВЯТЫЙ:	28
СВЯТЫЙ:	11	СВЯТЫЙ:	29
СВЯТЫЙ:	12	СВЯТЫЙ:	30
СВЯТЫЙ:	13	СВЯТЫЙ:	31
СВЯТЫЙ:	14	СВЯТЫЙ ГЕРМЕНТ:	32
СВЯТЫЙ:	15	СВЯТЫЙ ГЕРМЕНТ:	33
СВЯТЫЙ:	16	СВЯТЫЙ СЛАВ:	34
СВЯТЫЙ ДАВЕН:	17	СВЯТЫЙ АТІБНИКЪ:	35
СВЯТЫЙ:	18	СВЯТЫЙ ДАВЕН:	36

Рукописный лечебник первой половины XVIII в.,
хранящийся в Институте рукописей Национальной библиотеки Украины
им. В.И. Вернадского (Киев)

	13
Реестръ . .	листы
А .	—
Амоньинный пластырь .	89.
Амоньинное молоко —	104
Атёйная мазь . .	114.
Астраханская соль . —	206
Альиное сѣмя . .	215.
Б .	
Безинной аѣкхез . —	11
Балсамъ копаевъ : —	39.
Болитовый пластырь	86.
Болитовый экстрактъ	95
Безинная цвѣтъ . —	100.
Бакотная смазъ —	107.

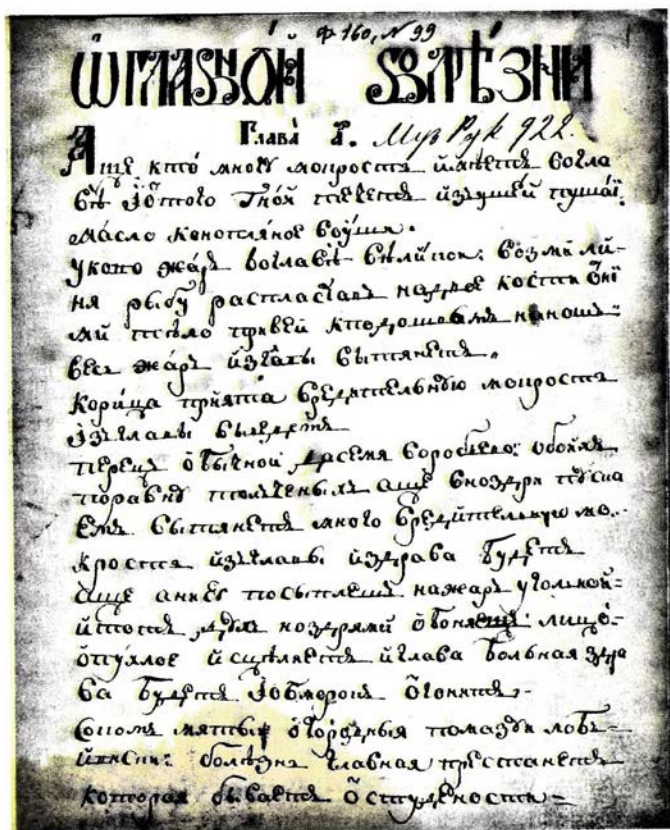
Первый лист рукописного лечебника второй половины XVIII в., хранящегося в Институте рукописей Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского

Со всем авторитетом рукописный «Лечебник» доказывал людям, что природа, во всем своем богатом проявлении, может лечить их. Рядом с каждым наименованием указывалась страница, на которой можно прочесть о лекарстве из этого сырья и каково его действие.

Фрагмент рукописного лечебника XVII в.,
хранящегося в Институте рукописей Национальной библиотеки Украины
им. В.И. Вернадского

Лечебники разбивались на главы: «О главнѣй болѣзни», «О мозгу главнѣмъ», «О насморку главнѣмъ», «О очной болѣзни», «О деснах и зубной болѣзни», «О горляной болѣзни», «О кашле», «О сердечной болѣзни», «О духу смердящем из рота и тела», «О утробном поносе», «О болѣзни всех суставовъ», «О крови», «О переломанных костяхъ» и т.д. [131, 132].

Первый лист рукописного лечебника,
хранящегося в Институте рукописей Национальной библиотеки Украины
им. В.И. Вернадского

К началу XIX в., когда стали появляться печатные медицинские книги для населения, рукописные сочинения по разным причинам терялись или сохранялись фрагментарно. Тогда их подшивали с другими медицинскими наставлениями. Однако следует отметить, что поздние рукописные «Лечебники» писались иначе — на их первой странице сообщался перечень лекарств от «А» до «Я», а потом сведения о них. Например, Реестр [133]:

А	Б
Амоньячный пластырь	Бузинный уксус
Амоньячное молоко	Бальсам копаев
Алтейная мазь	Боли головной пластырь
Астраханская соль	Боли головной экстракт
	Бузинные цветы

Во все времена люди с детства до старости нуждались в лечении от духовных недугов. Духовными лекарями народа и в XVIII веке оставались церковнослужители и их тогда еще часто рукописные книги, которые назывались «Цветниками». Это были поучения святых отцов о необходимости преодолевать в себе такие пороки, как зависть, ревность, гордыня, сребролюбие, гнев, леность, ненависть, сластолюбие, лукавство и др. [134]. Такие духовные лечебники были носителями общественных и исторических традиций. Они придавали особое внимание просвещению людей и распространению моральных ценностей, утверждая в обществе мнение, что гордыня, будучи *«беспорядочной любовью к собственному превосходству»*, порождает не только презрение к Всевышнему, но и к ближним людям. Она является *«корнем зла, препятствует духовному благу»*. Духовники лечили людей от ненависти и зависти, ибо это зло *«прикрывается благовидным покровом равнодушия»*.

Поучения Святых отцов лечили людей от сомнений, подозрений и обидных безрассудных осуждений. Особое внимание церковь обращала на *«чистоту языка»*, чтобы не допускать грубости и невежества, ибо это считалось *«грехом смертельным»*. Во время ежегодных исповедей духовный пастырь мог лечить скупость и беспорядочную любовь к богатству, ибо эта болезнь направлена *«на желание похищать и удерживать чужое»*. *«Смертным грехом»* считалось и уныние, которое отягощает душу и порождает отчаяние, малодушие, леность, злость и ненависть [135].

Златоуст напоминал людям в своих поучениях о том, что Бог дал человеку по два глаза, по два уха, по две руки, по две ноги,

и «ежели одно из них повредиться, другие нужду нашу исполнят. Душу же имеем одну, ежели погубим ее, то чем уже пособить себе сможем? Ежели потерять деньги, ежели рабов, ежели что другое все возместить можно. Душу же, единожды осужденную, освободить от казни никоем образом не можна» [136].

Таким образом, рукописные «Лечебники» XVII–XVIII вв. являются наиболее распространенными памятниками научно-практического содержания. Они в определенной мере иллюстрируют развитие медицинской науки в России и в Украине того времени. К их написанию аккуратным канцелярским почерком привлекались канцеляристы, студенты, казаки. К советам, записанным в «Лечебниках», по вопросам ботаники, фармакопеи, анатомии люди относились с полным доверием и пиететом [137]. Для учащихся госпитальных школ они были первыми учебниками и служили в последующем руководством в повседневной медицинской практике.

Глава 4

РЕОРГАНИЗАЦИЯ МЕДИЦИНСКОЙ СЛУЖБЫ В РОССИЙСКОЙ АРМИИ ГЕНЕРАЛ-ШТАБ-ДОКТОРОМ П.З. КОНДОИДИ В ХОДЕ ВОЙНЫ С ТУРЦИЕЙ (1735–1739)

Смерть основателя Московской Госпитальной школы доктора Н. Бидлоо (1735), положившего начало систематического государственного медицинского образования в России, совпала с началом Русско-турецкой войны (1735–1739) за берега Черного моря, обнажившей все слабые стороны в медицинском обеспечении армий. Во главе войск императрица Анна Иоанновна поставила двух фельдмаршалов — Б. Миниха и П. Ласси. Первый, располагая 70-тысячной армией, двигался в Крым, а второй — к Азову с 25-тысячным войском. Армия Миниха дислоцировалась на Днепре, в районе Переволочной, а армия Ласси — на Донце, около Изюма. Там же поблизости были развернуты и госпитали: в Переволочной, Полтаве, Лубнах, Кобыляках, Миргороде и Хореле (для армии Миниха), а для армии Ласси — в Изюме. Военные действия осуществлялись только в теплое время года. Зимой армии не воевали. За медицинское обеспечение армий отвечали иностранные специалисты — генерал-штаб-доктора — И.А. Ашарати (у фельдмаршала Миниха) и И. Шрайбер (в армии фельдмаршала П. Ласси). Ведущим врачом-хирургом Азовской

флотилии был назначен бывший ученик Московской Госпитальной школы Н. Бидлоо — Сергей Евреинов [138], служивший первоначально на кораблях Балтийского флота.

Поскольку после боев раненых не отвозили в госпитали, находившиеся далеко в тылу, а передвигали по бездорожью вместе с громоздкими военными обозами, смертность в войсках была большой, несмотря на усилия и старания полковых медиков, бывших чаще всего из россиян. К очень большим потерям личного состава армий во время боев, переходов по выжженной и безводной степи прибавилась еще одна беда — быстро распространявшаяся эпидемия чумы. Иностранные генерал-штаб-доктора при всех их медицинских знаниях не обладали организаторскими способностями и были заменены. Медицинское обеспечение армии Б. Миниха поручили доктору медицины Павлу Захаровичу Кондоиди, а в армию П. Ласси направили фельд-медика Я. Лерхе. Несмотря на то, что в 1737 г. был регламентирован порядок выноса раненых с поля боя, потери в двух русских армиях были велики [139]. Их можно было значительно сократить, если бы организация медицинского обеспечения полков, своевременное снабжение медикаментами из главных аптек (Московской, Санкт-Петербургской), а также полевых (Лубенской, Астраханской, Смоленской, Воронежской) было бы на должном уровне.

*Председатель Медицинской
Канцелярии П.З. Кондоиди*

Положение в армиях начало существенно изменяться в деле организации медицинской службы, когда генерал-штаб-доктором был назначен П.З. Кондоиди, с мнением которого соглашался и генерал-штаб-доктор армии Ласси — Я. Лерхе [140].

Павел (Панаиота) Захарович Кондоиди родился в семье греков на острове Корфу. Очень рано осиротев, он воспитывался в

семье дяди Афанасия, которого молдавский володарь Д.К. Кантемир пригласил учителем и воспитателем своих детей. Когда Петр I предложил в 1712 г. Кантемиру перейти вместе со своей свитой на сторону России, в далекий Санкт-Петербург последовал и учитель А. Кондоиди со своим племянником, для которого началась жизнь на новой родине. Помимо прекрасного домашнего образования Павел получил основательные знания в гимназии при Санкт-Петербургской Академии Наук. Способного юношу дядя Афанасий отправил учиться в Италию для получения образования европейского уровня, и Павел оправдал заботы родственника. Помимо прекрасного знания латыни, греческого и русского языков, он овладел немецким, французским и отчасти английским, что помогло ему приобщиться к высотам европейских наук, и прежде всего, медицинских. В 1732 г. он получил степень доктора медицины в Лейденском университете и в том же году перевел с английского языка на латынь книгу о камнесечении. Вернувшись в Россию к началу военных действий с Турцией (1735), П.З. Кондоиди был назначен полевым доктором (фельдмедикусом) Московской дивизии, а вскоре определен (1736) в Украинский корпус армии фельдмаршала Б.К. Миниха. Всесторонние медицинские знания Павла Захаровича, его необыкновенные организаторские способности, умение общаться с людьми разных сословий и возрастов, внушили доверие и уважение к нему. Благодаря его энергичным действиям, заболеваемость и смертность в армии Миниха значительно снизились¹.

После окончания военной кампании 1735–1739 гг. генерал-штаб-доктор П.З. Кондоиди пришел к выводу о необходимости использовать мирное время для подготовки квалифицированных отечественных кадров военных врачей в большом количестве, принимая во внимание, что к этому времени, помимо Москов-

¹ В 1745 г. П. Кондоиди был назначен помощником директора Медицинской канцелярии Лестока и практически работал за него, так как последний погрузился в свои личные дела и придворные интриги. В 1753 г. Кондоиди возглавил Медицинскую канцелярию [142].

ской Госпитальной школы, уже готовили лекарей и подлекарей школы при Санкт-Петербургском (адмиралтейском, сухопутном) и Кронштадтском госпиталях.

Начало систематического государственного медицинского образования в Санкт-Петербурге положил Указ Императрицы Анны Иоанновны 9 (20) января 1733 г. утвердивший штатную численность лекарственных учеников (20 чел.), их денежное содержание (24 руб. в год) и место обучения – Санкт-Петербургский сухопутный госпиталь [141].

Позднее, в разные годы, в стране были открыты такие же госпитальные школы в Ревеле (сегодня Таллинн), Екатеринбурге, Киеве, Елисаветграде, Колуваново. По тем временам это были крупные медицинские учреждения, в которых обучало 152–160 студентов.

Однако во всех этих учебных заведениях сложность состояла в наборе учеников, которые бы помимо общеобразовательной подготовки отлично знали латынь, иностранные языки и были *«честного и похвального поведения»*. И П.З. Кондоиди принял чрезвычайно взвешенное решение – остаться после военной кампании на Юге России и лично познакомиться с деятельностью Киево-Могилянской академии, местных коллегиумов и удостовериться в уровне знаний учащихся для приглашения их в медицинскую науку. Место жительства генерал-штаб-доктор выбрал Переяслав – центр Переяславского полка, который вместе с остальными девятью гетманскими полками принимал активное участие в Русско-турецкой войне [143].

В Переяславе Павел Захарович Кондоиди познакомился с епископом Арсением (в миру Андрей Иванович Берла), родившимся около 1680 г. в семье сотника Вороньковской сотни Переяславского полка¹.

¹ Корни этой семьи уходили в Румынские земли, а фамилия произошла от слова «берло» (скипетр), который получили его далекие предки в 1440 г. За спасение раненого польского короля Владислава Ягелловича от турок. Андрей Берла образование получил сначала в Киево-Могилянской академии, а потом во Львове. Монашеский постриг принял в Киево-Печерской лавре, в которой некоторое время служил трапезным. Одновременно с выдающимся ученым, педагогом и просветителем Феофаном Прокоповичем преподавал в начале XVIII в. грамматику в Киевской академии. С 1733 г. Арсений

В Переяславе будущий Председатель Медицинской Комиссии осмотрел коллегium, который был открыт 2 октября 1738 г. В деревянном доме специально построенном для учебного заведения на территории Вознесенского монастыря¹. Вначале в нем обучалось 123 ученика, потом их число увеличилось. Учителей епископ старался приглашать из Киево-Могилянской академии. Это были люди не только обширных знаний, но и хороших организаторских способностей, сумевших перенести в Переяслав лучшие традиции Киевской академии. В 40-х годах организатором учебного процесса в коллегiumе был префект Иван Журавский [146].

Двор этой семьи в 1740 г. находился рядом со двором епископа Арсения в приходе Св. Духа на киевском Подоле, там же он значился и в 1760 г. в церковном документе [147, 148].

Он принадлежал сотнику Стародубского полка Журавке, дети которого учились, а потом и служили в Академии, которая в первой половине XVIII в. переживала свой рассвет, как кузница кадров для гетманской администрации, духовного ведомства и для подготовки врачей.

Если из Переяславского коллегiumа в XVIII в. уехали изучать медико-хирургические науки, чтобы стать врачами в армии, десятки учеников, то из Киево-Могилянской академии — сотни, и в этом большая заслуга генерал-штаб-доктора П.З. Кондоиди в послевоенные годы бесславной Русско-турецкой войны 1735–1739 гг. Посетив Переяслав и Киев, П.З. Кондоиди еще раз убедился, что коллегiumы, семинарии и академии духовного ведомства должны стать основными поставщиками учеников для госпитальных школ.

Берла был определен епископом Переяславским [144]. В сохранившихся исповедных росписях Подольских церквей Киева за 1740 г. В парафии церкви Св. Духа значится «двор Преосвященного Переяславского» [145]. В этой усадьбе вблизи Киево-Могилянской академии, вероятно, в какие-то годы жил, а потом и останавливался епископ Арсений. Не исключено, что когда Павел Захарович Кондоиди со временем придет в Киев, знакомиться с уровнем преподавания и успехами студентов Академии, он тоже мог останавливаться в этом «дворе».

¹ Спустя 15 лет будет построено каменное здание, которое сохранилось до нашего времени и стараниями директора Переяславского музейного заповедника М.И. Сикорского сохраняется в хорошем состоянии.

Глава 5

ДАЛЬНЕЙШЕЕ РЕФОРМИРОВАНИЕ МЕДИЦИНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ. ВОСПИТАННИКИ КИЕВО-МОГИЛЯНСКОЙ АКАДЕМИИ В ЧИСЛЕ УЧЕНИКОВ И ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ СТОЛИЧНЫХ МЕДИЦИНСКИХ ШКОЛ В 50-е ГОДЫ XVIII в.

Став во главе Медицинской канцелярии с 1754 по 1760 гг., П.З. Кондоиди продолжил реформы в области медицинского образования. Он лично занимался вопросом подготовки опытных преподавателей для госпитальных школ и установил четкие сроки обучения в них — сначала трехлетний, а затем и семилетний. Им были введены в практику обучения лекарей обязательные патолого-анатомические вскрытия, операции на трупах. В госпиталях стали выделять отдельные палаты на 6 коек с больными, специально отобранными для целей обучения.

На каждого больного велась своего рода история болезни — «скорбный лист» [149].

На посту главы Медицинской канцелярии П.З. Кондоиди много сделал для совершенствования преподавания в госпитальных школах. В них были введены должности доцентов и

профессоров¹, лучшие ученики посылались совершенствовать свое образование в европейские университеты, в госпиталях открывались библиотеки, печатались учебники [150].

В 1754 г. им был разработан и утвержден новый учебный план, который предусматривал изучение в первые два года анатомию, рисование и фармацию; на третий год к этим предметам прибавлялась физиология; на четвертый год планировались два предмета — физиология и патология (включая патологическую анатомию). На пятом и шестом году обучения к предыдущим предметам добавлялась оперативная хирургия и проводилась медико-хирургическая практика. В течение седьмого года обучения учащиеся проходили клиническую практику в госпитале и изучали в аптеке приготовление лекарств.

В середине XVIII века в госпитальных школах был введен курс судебной медицины, а с 1763 г. курс акушерства, женских и детских болезней.

Знания учащихся проверялись на экзаменах во время чтения предмета и в конце года. Наиболее успевающие получали через 2—3 года звание подлекаря, а по окончании полного курса обучения — лекаря.

Так, Госпитальная школа доктора Н.Л. Бидлоо стала высшим медицинским учебным заведением начала XVIII века, готовившим врачей преимущественно для армии и флота [151].

Чтобы избавить отечественное здравоохранение от зависимости приобретать нужные медицинские инструменты у зарубежных производителей, по инициативе П.З. Кондоиди Инструментальная изба Санкт-Петербурга была оснащена новым оборудованием, изготовленным на Сестрорецком заводе и частично выпущенным из Англии. Вместе с голландским мастером Денивелем в ней работало семеро российских умельцев. В 1760 г. Инструментальная изба на Аптекарском острове стала называться Санкт-Петербургской инструментальной фабрикой [153].

¹ Первым русским профессором медицины в 1762 г. стал преподаватель госпитальной школы при Московском сухопутном госпитале Константин Иванович Щепин [152].

Большое внимание уделял Председатель Медицинской канцелярии разведению в стране ботанических садов с лекарственными растениями, подготовке и изданию «Травников».

По его инициативе в Санкт-Петербурге и Москве были открыты акушерские школы и создана медицинская библиотека. Прекрасно зная все слабые стороны деятельности военных лекарей в условиях Русско-турецкой войны 1735–1739, П.З. Кондоиди издал подробные инструкции для дивизионных врачей и для тех, кто проводил осмотры инвалидов и неспособных к службе в армии. С целью поощрения талантливых лекарей в их стремлении повысить свою квалификацию в лучших европейских университетах, им был подготовлен проект указа для Сената о выдаче им двойного жалования и оплате всех путевых издержек [154].

14 марта 1754 г. по предложению П.З. Кондоиди Синод издал указ «О вызове студентов из Семинарий для обучения в казенных гошпиталях и аптеках Медикохирургии и Фармации» [155]. В исторической литературе существует мнение, что *«студенты не отнеслись к этому указу с большим сочувствием — и почти через год оказалось только два охотника, оба из Киевской академии, которым синодским указом 9 февраля 1755 г. велено выдать, на счет Медицинской Канцелярии, по 10 рублей для проезду от Киева до Москвы»* [156].

Фамилии этих двух «охотников» — Андрея Вежицкого и Григория Макаревского назвал историк Я. Чистович [157]. Однако, документы, сохранившиеся в Центральном государственном историческом архиве Киева, опровергают это мнение. Уже 11 мая 1754 г. Ректор Киевской Академии Архимандрит Киево-Братского училищного монастыря Георгий (Кониский) докладывал Киевскому Митрополиту Тимофею о том, что составлен реестр одиннадцати студентов философского и риторического классов — «учеников-желателей» *«изучать медикохирургию и фармацию в казенных гошпиталях»*. 18 мая 1754 г. Киевский митрополит Тимофей отправил «Доношение» в Святейший Правительствующий Синод о том, что реестр *«самоохотно желающих*

учиться медикохирургии и фармации составлен» и просил разъяснить, откуда можно взять деньги на подъем и на дорожный проезд студентам Киевской Академии [158]. Далее в архивном документе представлен список уезжавших в Москву и их краткая характеристика [159].

Студенты школы философии: Демьян Федорович — из полка Гадяцкого, местечка Зенькова, сын казачий *«ученик жития благонравного и учения изрядного»*; Иоанн Пешковский — из полка Киевского, села Виповцова, сын посполитого, *«ученик преизрядный и человек ни в чем не подозрительный»*¹; Павел Кузмич — из полка Гадяцкого, села Павловки, сын казачий, *«в учении успеха знатного, а в обхождении человек пречестный есть»*; Степан Фиялковский — из полка Киевского, Нижнего города Киева, сын мещанина Гаврилы, *«ученик хорош и человек неподзорный»*; Григорий Макаревский — из полка Ахтырского, села Тростянца, сын поповский, *«человек благонравный и ученик прилежный»*; Антон Лосинский — из полка Слободского Острожского, города Корочи, сын казачий, *«успеха в учении хорошего и обхождения честного»*.

Ученики школы риторики: Григорий Особовский — из Киевского полка, села Зазимья, сын посполитого, *«остроумен, прилежен и ни в чем не подозрителен»*; Василий Тихонович — из Переяславского полка, местечка Барышевки, сын посполитого, *«состояния добронравного, изрядного ума, в учении весьма добр»*; Илья Андреевский — из Черниговского полка, сын посполитого, *«состояния честного, учения не худого»*; Дианисий Павловский — из Прилуцкого полка, местечка Красного Колядина, сын казачий, *«в учении добр, состояния честного»*; Дмитрий Павловский — из Полтавского полка, местечка Решетиловки, сын посполитого, *«к учению: весьма способен, прилежен и в добродравии похвален»*.

¹ После завершения образования в Московской госпитальной школе, Иван Пешковский обучался в Лейпцигском университете, где и защитил в 1765 г. диссертацию на тему «Theses medicae» [160].

Судя по целому ряду архивных документов (которые мы еще будем приводить в этой работе) ученикам класса риторики было чаще всего 19–20 лет, а класса философии — 20–22 года. Эти сведения дают возможность установить приблизительно год рождения вышеперечисленных студентов, пожелавших поехать изучать медицину в госпитальные школы Москвы и Санкт-Петербурга. Таким образом, можно предположить, что Дмитрий Павловский родился приблизительно в 1735 или в 1734 г, в местечке Решетилровке Полтавского полка в семье посполитого и тем самым дополнить биографические сведения о нем, которые изложили исследователи-историки В. Плющ в своей работе «Нариси з історії української медичної науки та освіти» и Я. А. Чистович в работе «История первых медицинских школ в России» [161, 162].

Уехав в 1754 г. со своими товарищами по Киевской Академии в Санкт-Петербург, Дмитрий Павловский получил медицинское образование в школе адмиралтейского госпиталя. Там, в 1757 г. ему присвоили звание подлекаря, а в 1758 г. — лекаря. Первое место службы Дмитрия Павловича Павловского было на флоте, а потом его направили в Санкт-Петербургский адмиралтейский госпиталь, в школе которого он преподавал анатомию. В 1760 г. его назначали на должность полкового лекаря Казанского пехотного полка, который принимал участие в Русско-турецкой войне 1768–1774. Разразившаяся эпидемия чумы в районе боевых действий потребовала от лекаря Д. Павловского участия в организации карантинных пунктов. В 1772 г. он был назначен лекарем Московской Медицинской конторы, а свой опыт работы в войсках обобщил в научных трудах. В 1776 г. Д.П. Павловского удостоили звания штаб-лекаря. Прослужив военным лекарем 30 лет (1757–1787 гг.), он вышел в отставку, но спустя 10 лет вновь был зачислен в Московскую медицинскую контору и принимал участие в строительстве московских больниц и организации противоэпидемических мероприятий. Его товарищ по классу риторики в Киево-Могилянской академии Дианисий Павловский

станет профессором, и будет преподавать в Московской госпитальной школе [163].

В списке студентов философского класса Киевской Академии, отъезжавших в 1754 г. изучать медико-хирургическую науку (как мы уже сообщили выше) был 20-летний юноша с Подола Степан Герасимович Фиялковский (1734—1772 гг.). После окончания учебы в Госпитальной школе при Санкт-Петербургском сухопутном госпитале (1759 г.) и получив сначала звание подлекаря (1757 г.), а потом и лекаря (1761 г.), служил заведующим госпитальной библиотекой. В числе десяти наиболее способных молодых лекарей его направили в лучшие университеты Европы — Страсбургский и Лейденский для усовершенствования и написания диссертации, которую он успешно защитил на звание доктора медицины (1765 г.) — «О действии желудка на принятую пищу». В том же году была опубликована в Лейдене его работа «О методе изучения медицины». Там же, в Лейдене, им было издано сочинение «О порядке учения во врачебной науке». После возвращения в Россию С.Г. Фиялковский сдал экзамен в Медицинской коллегии (1766 г.) и был назначен дивизионным врачом Севской дивизии. Спустя некоторое время, доктор медицины С.Г. Фиялковский вновь вернулся служить в Санкт-Петербургский сухопутный госпиталь. Эпидемия чумы, разразившаяся в стране в период Русско-турецкой войны (1770 г.), заставила выехать Степана Герасимовича в Новгород для организации карантинных мероприятий. Там он и скончался от чумы 27 января 1772 г. в возрасте 38 лет, успев внести свой вклад в историю военной медицины XVIII века [164, 165]. До нашего времени в документах канцелярии Киевского генерал-губернатора сохранилось дело о выплате долгов умершего в Новгороде при карантине доктора медицины Стефана Фиялковского. Судьбою его оставшихся пожитков и заслуженным по день смерти жалованием (42 р. 38 коп.) занимался его коллега — городской лекарь Шлефонт. За личные вещи С.Г. Фиялковского было выручено 98 р. 65 коп., а жалование составляло 42 р. 38 коп. Общую сумму в 141 р. 3 коп. приняла Государственная Медицинская коллегия.

Долги за погребение, вологодскому купцу Ивану Шелину и крестьянину Игнатовичу были погашены, а оставшиеся деньги перечислили в Киевский магистрат канцеляристу Ивану Фиалковскому – родственнику Степана Фиалковского [166].

Не исключено, что со временем найдутся сведения и об остальных девяти студентах Киевской Академии, уезжавших вместе с Дмитрием Павловским и Степаном Фиалковским приобретать профессию военного лекаря. Есть и другие источники, свидетельствующие о том, что в тот год из Киевской Академии помимо 11-ти человек пожелали изучать медицину еще несколько учеников.

В 1754 г., следуя приглашению Председателя Медицинской Канцелярии П.З. Кондоиди *«учиться медикохирургической науке»* уехал из Киевской Академии студент Василий Григоровский. Он поступил в Московскую госпитальную школу. После окончания учебы Василия Андреевича оставили в школе прозектором анатомии. Эту должность он исполнял до 1789 г., после чего его назначили оператором. Получив во время учебы в Киевской Академии хорошее знание немецкого языка, В.А. Григоровский перевел работу Розена фон Розенштейна *«Руководство к познанию и врачеванию младенческих болезней»*. Книга была издана в Москве в 1794 г. [167].

Вслед за перечисленными студентами Киевской Академии, уехал в 1755 г. изучать медицину сын греческого купца из Нежина Савва Горголи (1730 г. – после 1791 г.). Материальное положение отца Дементия позволяло учить сына в Галльском университете на медицинском факультете, в котором Савва Дементьевич и защитил докторскую диссертацию в 1763 г. на тему *«Общая патология и лечение возвратов болезни»*. В том же году он вернулся в Россию и, получив право на медицинскую практику, служил 5 лет в Украине (г. Кременчуг). В 1768 г. С.Д. Горголи был направлен в Санкт-Петербургский кадетский корпус, а оттуда в 1778 г. врачом «оспенного дома». Через два года он приступил к службе в инженерном и адмиралтейском корпусах города. 12 августа 1781 г. указом Сената доктора медицины

С.Д. Горголи избрали членом Медицинской коллегии (1781–1791 гг.). 21 октября 1791 г. из-за «болезненных припадков» он был уволен, прослужив военным лекарем свыше 30 лет.

Его родной брат – Иван Дементьевич Горголи, получив медицинское образование (с 1759 г.) в Галле, потом в Страсбурге и Берлине, защитил докторскую диссертацию и служил в родном городе Нежине [168].

В последующие годы (1756–1760), еще при жизни П.З. Кондоиди, на его призыв пополнить ряды военных лекарей откликнулись студенты Киевской академии: в 1756 г. – Сила Митрофанов, Иосиф Тимковский, Фома Тихорский, Касьян Ягельский, в 1757 г. – Иван Максимович, Петр Погорецкий, Григорий Соболевский, Матвей Крутень, в 1758 г. – Савва Леонтович, Кузьма Рожалин, Алексей Сидорович, в 1760 г. – Иван Данилевский [169].

Пройдут годы, и, получив медицинское образование в госпитальных школах на родине, все они уедут совершенствовать свои знания в университетах Европы, откуда вернутся с докторскими дипломами. Их научные труды будут изучать в России и за рубежом. В 1765 г. в Лейденском университете перед экзаменационной комиссией продемонстрируют знания и защитят свои научные работы: Сила Митрофанович Митрофанов (?-1772) – «О самопроизвольным вхождении воздуха в легкие», Иосиф Тимофеевич Тимковский (?-1789) – «О ложной перипневмонии» и «Рассуждение о неизлечимых болезнях»; Фома Трофимович Тихорский (1733–1814) – «Об истинной или непосредственной причине подагры»; Касьян Иосифович Ягельский (1736–1774) – «О случае истерии»; Петр Иванович Погорецкий (1740–1780) – «О полуметалле никеле. С добавлением о медицинском испытании того способа, которым народ обычно прижигает язвы»; Матвей Самсонович Крутень – «Медицинский взгляд на жевание»; Кузьма Федорович Рожалин (1740-1795) – «О цынге». В том же году, в Париже Алексей Сидорович (?-?) защитил диссертацию на тему «Медицинские тезисы» (1765). Иван Петрович Максимович свою диссертацию «О греческой и арабской проказе» защи-

тит в Кенигсбергском университете в 1773 г. В 1775 г. в Лейдене за представленную работу «О предпочтительном следовании природе для рациональной медицины» получит докторский диплом Григорий Федорович Соболевский (1741–1807). В 1766 г. в Страсбургском университете получит диплом доктора медицины Савва Алексеевич Леонтович, защитив диссертацию «О естественных родах, происходящих от дефектов туловища плода». Позднее он составит «Руководство в наставление повивальным бабкам» [170, 171].

В 1784 г. Иван Данилевский защитит диссертацию в Геттингенском университете на тему «О наилучшем медицинском управлении» [172].

Студентам Киево-Могилянской Академии, уехавшим познавать медико-хирургическую науку в госпитальные школы Москвы и Санкт-Петербурга в 1754–1760 гг., основательно повезло. Они попали под доброжелательную опеку Л.Л. Блюментроста, руководителя Медицинской канцелярии П.З. Кондоиди и ряда педагогов-земляков, бывших выпускников «alma-mater».

Московский госпиталь и школу при нем с 23 ноября 1738 г. возглавлял доктор Л.Л. Блюментрост. Он сменил А. Де-Тейльса, занявшего это место спустя две недели после смерти Н.Л. Бидлоо. Лаврентий Лаврентьевич Блюментрост уже с молодых лет был лейб-медиком Петра I, а потом первым президентом

*Л.Л. Блюментрост –
Старший доктор Московского госпиталя (ур. в 1755 г.)*

Санкт-Петербургской академии наук и куратором Московского университета. Он родился в Москве, хорошо знал русский язык, а медицину изучал в Германии и Голландии.

В Лейдене у Г. Бургаве защитил докторскую диссертацию «De secretione animale» (1713 г.). Вернувшись в Россию в 1716 г. с докторским дипломом, сразу же занял место придворного медика, сопровождал Петра I в его путешествии по Европе, вел переговоры с голландским анатомом Ф. Рюйшем о покупке его анатомической коллекции [173]. Пережив трех правителей державы (Петра I, Екатерину I и Петра II), он впал в немилость и был удален из Санкт-Петербурга в Москву. Его лекции еще успели послушать те ученики Госпитальной школы, которые начали учебу в 1754 г. В следующем учебном году его уже не стало. Уровень преподавания в школе и успехи учеников были выше, чем в других госпитальных школах. Порядок и традиции, заложенные еще доктором Н.Л. Бидлоо, продолжали сохраняться.

После смерти Л.Л. Блюментроста (1755 г.) старшим доктором Московского госпиталя и школы был определен грек Анастасий Ника, получивший образование в Падуе и Болонье. Он читал лекции в Московской госпитальной школе до 1761 г., после чего уехал в Малороссию и служил на Васильковском карантине [174]. Часто сменявшиеся младшие доктора Московской Госпитальной школы на протяжении 50-х годов, к сожалению, не внесли своей преподавательской деятельностью чего-то нового в усвоение учащимися необходимых предметов, да и вряд ли, будучи иностранцами, стремились к этому. Однако, многое изменилось в госпитальной школе, когда 8 марта 1762 г. в нее был назначен Константин Иванович Щепин (1728–1770 гг.).

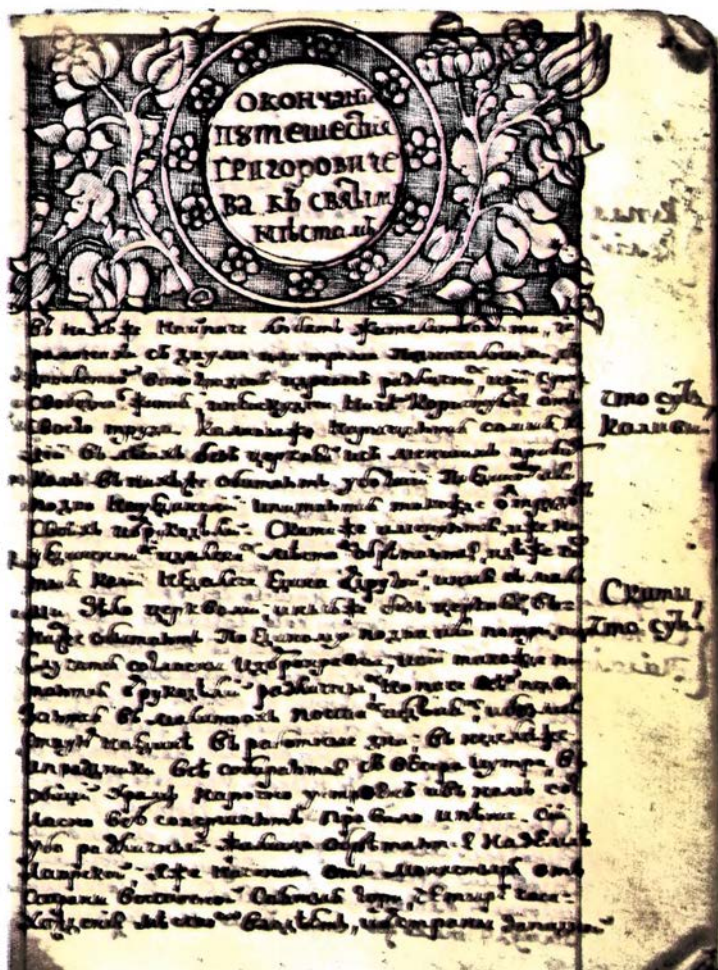
Имя этого человека занимает среди деятелей медицины середины XVIII в., чьи биографии связаны с Киево-Могилянской академией, одно из первых мест.

Выдающегося профессора-медика В.А. Опель давно уже окрестил «прообразом» и предшественником великого хирурга Н.И. Пирогова [175], поскольку *«это был такой ученый человек и такой учитель, какого не видывали еще госпитальные школы»* [176].

Сын скромного пономаря из г. Котельника Вятской губернии уже в раннем возрасте, учась в Вятской семинарии, проявил недюжинные способности и на него обратил внимание епископ Варлаам Скамницкий, заботившийся о своей семинарии и всячески поддерживавший старательных и талантливых учеников. На свои средства он послал Константина Щепина в Киево-Могилянскую академию (1742 г.) для совершенствования в разносторонних знаниях. Там он сделался вскоре одним из первых учеников [177]. Подтверждением этому может служить документ, хранящийся в Центральном государственном Историческом архиве Киева. В нем речь идет о том, что 11 февраля 1748 г. ученика школы философии Константина Щепина греческий архимандрит Агапий попросил быть переводчиком и пригласил на квартиру. Во время их разговора, прибывший из Духовной Декастерии подканцелярист позвал архимандрита в консисторию, а тот просил Щепина пойти с ним в качестве толмача [178]. Киевская академия давала ученикам отличные знания латыни и иностранных языков.

В бытность К. Щепина в стенах Киево-Могилянской академии произошло событие во многом определившее его дальнейшую биографию — 2 сентября 1747 г., после двадцатичетырехлетнего путешествия, вернулся в Киев бывший выпускник Академии Василий Григорович-Барский, пешком обошедший тысячи городов и сел стран древнего Востока, Греции, Рима, Индии, Китая, Египта, изучая и зарисовывая памятники архитектуры, и прикладного искусства народов, знакомясь с их культурой и обычаями. Он записывал все, что обогащало его знания и жизненный опыт. Рукописные «Записки» Василия Григоровича-Барского читались и переписывались всеми желающими и оказывали огромное влияние на молодежь, жаждущую знаний [179]¹.

¹ В ИР НБУВ [180] хранится «Окончание путешествия В. Григоровича-Барского к святым местам, переписанное в Санкт-Петербурге 30 сентября 1778 г журналистом-переводчиком с турецкого языка В. Рубаном. В этой части своего сочинения Василий Григорович-Барский повествовал о монастырях, чудотворных иконах, библиотеках, о храмах, кладбищах, скитах, о чине церковных песен и чтений и пр. Большой заслугой В.Г. Рубана (1742–1795 гг.) — бывшего ученика Кие-

Фрагмент окончания рукописи Василия Григоровича-Барского
о его путешествии к святым местам (XVIII в.)

Стал грезить путешествиями и молодой Константин Щепин. Он отыскал приехавшего в Киев греческого монаха и отправился с ним в Константинополь, где имел возможность познакомиться

во-Могиланской академии и Московского университета является то, что он был первым издателем «Записок» Василия Григоровича-Барского [181].

с образованными европейцами и начать учиться английскому и греческому языкам. Но, поскольку денег на дальнейшие путешествия у него не было, он вернулся в Россию и в Санкт-Петербурге получил место переводчика в Академии Наук. Однако, страсть к познанию не оставляла Константина Щепина, и он принял приглашение профессора Крашенинникова сопровождать его в путешествии по Ингерманландии для описания тамошней флоры. В процессе совместной работы профессор высоко оценил знания и способности К. Щепина и, вернувшись в Санкт-Петербург, рекомендовал Академии Наук послать того в Европу для изучения естественных наук. В 1756 г. во Флоренции Константин Иванович стал изучать медицину, продолжив постигать ее в Лейденском университете. Там он написал научную работу о растительной кислоте и получил степень доктора медицины. Одновременно К. Щепин издал в Лейдене «Ботанические заметки», в которых описал неизвестный род одного растения, назвав его Стефаниана — именем профессора Крашенинникова в знак благодарности за полученные от него знания. Председатель Российской Медицинской канцелярии П.З. Кондоиди, возлагавший на К.И. Щепина большие надежды, старался как можно дольше задержать его за рубежом с целью изучения наук. К. Щепин посетил Лондон, где ознакомился с организацией медицинской помощи во врачебных заведениях и попутно поинтересовался успехами рудопромышленного дела в стране, поскольку в России нужно было модернизировать эту важную отрасль. Выполнив программу обучения в Лондоне, он переехал в Париж, где знакомился с работой госпиталей, аптек и ботанических садов. В знаменитой Парижской хирургической академии Константин Иванович прослушал полный *«курс хирургических операций»*. Из Парижа он был командирован в Амстердам, потом в Копенгаген, где осмотрел королевский кабинет естественных редкостей. Далее его путь лежал в Стокгольм и Упсала. Там он познакомился со знаменитым ученым Линнеем, который продемонстрировал ему редкие сорта растений в ботаническом саду и подарил несколько своих книг.

Только в 1759 г. К.И. Щепин вернулся в Петербург, где Медицинская канцелярия утвердила его в звании доктора медицины и предоставила должность в главном Санкт-Петербургском военном госпитале. Одновременно ему было поручено навести порядок в Естественном кабинете при Медицинской канцелярии и привести в соответствие судебные постановления, касающиеся врачебного благоустройства, с государственными законами.

Семилетняя война с Пруссией, которую вела императрица Елизавета Петровна (1756—1763 гг.) не обошла стороной доктора медицины К.И. Щепина. Его служба дивизионным врачом (1760—1761 гг.) спасла жизни многим людям [182].

В марте 1762 г. последовало решение Медицинской канцелярии о назначении К.И. Щепина преподавателем анатомии и хирургии в Московскую госпитальную школу. Энциклопедически образованный человек и блестящий педагог Константин Иванович ввел для учеников дополнительные курсы, которые давали возможность познакомиться с фармакопеей, ботаникой, патологией. К.И. Щепин первым в России ввел специальный курс о применении минеральных вод [183]. Он успевал при этом читать еще и клинические лекции¹.

К.И. Щепин совершенствовал научно-обоснованную подготовку врачей и ввел преподавание всех предметов на русском языке, а преподавание анатомии — на трупах [184].

Все это вызывало у иностранных лекарей не только удивление, но и злобу. Начавшиеся интриги привели к тому, что Константина Ивановича перевели служить в Санкт-Петербургские госпитальные школы. Там его учениками стали Д.С. Самойлович и М.М. Тереховский — бывшие студенты Киево-Могилянской академии (1764 г.). Преподавание доктором К.И. Щепиным ме-

¹ Одновременно с доктором К.И. Щепиным, читавшим в Московской госпитальной школе анатомию и хирургию, практическую медицину излагал доктор Любим Матей. Он родился в Москве, изучал медицину в Париже, Лондоне, Копенгагене и Лейдене. Как швейцарец и москвич, отлично знал русский язык, латынь, европейские языки и литературу.

дицинских наук на русском языке вызывало оппозицию со стороны иностранных медиков и они, воспользовавшись пошатнувшимся здоровьем Щепина, поставили перед Медицинской канцелярией вопрос об отставке от дел талантливого человека, не нашедшего себе поддержки после смерти его покровителя и ценителя — председателя Медицинской канцелярии П.З. Кондоиди (1760 г.). Щепин покинул Петербург и вновь отправился путешествовать. На этот раз его путь пролег по Молдавии, Галиции, Валахии, где ему удалось пополнить свои гербарии новыми растениями (1766—1767 гг.). Вернувшись в Москву, он получил возможность иметь частную практику.

Когда в Киеве разразилась эпидемия чумы (1770 г.), он добровольно выехал помогать врачам Киевского военного госпиталя бороться с этим недугом, уносившим тысячи человеческих жизней. В город своей юности он вез часть книг из своей библиотеки для Киево-Могилянской академии. Здесь он стал жертвой моровой язвы (1770 г.). Могила этого выдающегося ученого не сохранилась [185].

После К.И. Щепина остались его научные труды: «Химико-медицинское исследование о растительной кислоте» (1758 г.), «Ботанические замечания о некоторых растениях» (1758 г.), «О русском квасе» (1761 г.), «Анатомические лекции» (рукопись, 1763 г.), «Об анатомии вообще» (рукопись, 1764 г.).

Высокую оценку деятельности доктора медицины К. И. Щепина дают все историки военной медицины. Они считают, что его особой заслугой являлось то, что он первым с 1764 г. начал преподавать анатомию на русском языке, пользуясь выработанной им русской терминологией. *«Надобно удивляться точности и в то же время простоте введенных им терминов анатомической номенклатуры»* [186]. Это помогало будущим военным лекарям лучше усваивать хирургию. Щепин ввел в практику Госпитальной школы обучение оперативной технике на трупах и научил учеников составлять истории болезней. В 1764 г. Медицинская коллегия распространила этот опыт, предложив всем медикам

присылать в ее адрес *«истории методические с описанием разных редко бывающих болезней и показанием как лекарь их лечил»*. Такие сочинения разрешалось писать не только на латыни, но на любом европейском и русском языке. Это способствовало развитию медицинской науки, поскольку лучшие описания стали печататься в «Российских медицинских комментариях» [187].

В середине XVIII века некоторые студенты, уезжавшие из Киевской академии изучать медицину в российские столицы, доехав до Москвы, просили медицинское ведомство направить их в Санкт-Петербургские госпитальные школы. Так, например, в 1756 г. поступил Фома Тихорский и его товарищи — Иосиф Тимковский, Сила Митрофанов, Касьян Ягельский и др.

В том же году — 11 сентября 1756 г. директор Медицинской канцелярии П.З. Кондоиди подписал указ о назначении *«доктора и профессора Ивана Андреевича Полетику служить в генеральный Санкт-Петербургский сухопутный госпиталь»*, уже обеспеченный в 1733 г. штатом и разместившийся в новом каменном здании. В нем работали: 1 доктор, 1 главный лекарь, 5 лекарей, 10 подлекарей, 1 аптечный гезель, 1 работник в аптеке и 20 лекарских учеников. Впоследствии к этому личному составу прибавлен был 1 младший доктор. Все они жили в квартирах при госпитале. С 28 мая 1733 г. открылись госпитальные школы во всех трех петербургских госпиталях (сухопутном, адмиралтейском и кронштадтском) [188].

Иван Андреевич Полетика (1722—1783 гг.) после учебы в Киево-Могилянской академии (1735—1746 гг.), заинтересовавшись медициной, уехал изучать ее в Кильскую медицинскую академию. Вернувшись в Россию (1750 г.), продолжал совершенствовать свои знания, посещая лекции и практические занятия у профессора Шрайбера в Санкт-Петербургском сухопутном госпитале. Затем молодой, энергичный, стремящийся к совершенствованию своих знаний в области медицины, Иван Полетика возвратился в академию Киля, потом продолжил учебу в Лейденском университете, где защитил докторскую диссертацию

(1754 г.). Он был первым воспитанником Киево-Могилянской академии, получившим звание доктора медицины, а Кильская медицинская академия избрала его своим профессором. Его знания были столь обширны, что Медицинская коллегия России доверила ему руководство Санкт-Петербургским сухопутным госпиталем (1756—1759 гг.).

Детские годы этого талантливого человека прошли в сотенном местечке Ромны Лубенского полка в семье казацкой старшины, корни которой уходят в Волынскую землю Правобережной Украины польских королей. Родоначалник по имени Полит (Ермоленко) уже значился в реестре казацкого войска за 1649 г. Прадед будущего доктора медицины (Иван) погиб в 1709 г. в Хотинской битве. Дед — Павел, погиб в Полтавском сражении. И дед, и отец Ивана Андреевича — (бунчуковый товарищ) учились в Киево-Могилянской академии [189].

После отъезда Ивана Андреевича Полетики из Санкт-Петербургского сухопутного госпиталя сначала в дивизию генерал-аншефа И. Шувалова, а потом и в Малороссию на Васильковский карантин, его обязанности старшего доктора стал исполнять Христиан Пеккен. Но, едва он приступил к чтению лекции по патологии в Госпитальной школе, как его перевели в шляхетский кадетский корпус.

Только 27 октября 1760 г. начал свои занятия с учениками медицинской школы доктор русского Кенигсбергского госпиталя Павел Паульсон. Он работал в Санкт-Петербургском генеральном сухопутном госпитале до конца 1764 г.

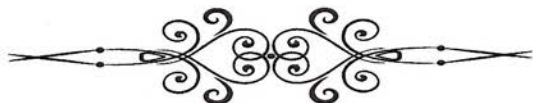
Паульсон был уроженцем Дерпта, учился в Галле, там же он и защитил докторскую диссертацию. В России Паульсон служил дивизионным доктором под командованием графа А.И. Шувалова. За его плечами был опыт военного доктора, участвовавшего в Семилетней войне с Пруссией [190].

Начиная с 13 декабря 1764 г., ученики госпитальной школы имели уже нового преподавателя — Владимира Ломана, уроженца Лифляндии (г. Дерпт), получившего медицинское образование и

докторскую степень в Ростове. В России он служил сначала в Московской дивизии (1741 г.), потом в Рижской, а с 1750 г. — в Васильковском карантине. Он приложил немало усилий и способностей, создавая карантин на южной границе России (до 1761 г.). В 1761 г. Медицинская канцелярия пригласила его работать в ее составе, однако в 1764 г. доктор Ломан попросил перевести его старшим доктором в Санкт-Петербургский генеральный госпиталь, в котором он служил до своей смерти в 1776 г.

Большую роль в подготовке кадров военных лекарей играли операторы анатомии и хирургии. 30 лет прослужил в Санкт-Петербургском сухопутном госпитале иностранец Яков фон Мелен (1735—1765 гг.). Историк Я.А. Чистович характеризует его как *«трудолюбивого и деятельного голландца, до увлечения любившего анатомию и отдававшего весь свой труд и все свое время исключительно анатомическим занятиям»* [191]. До 1763 г. Яков фон Мелен свои знания и труд передавал ученикам обеих петербургских госпитальных школ, среди которых было много из Киево-Могилянской академии, окончивших ее в 50-е годы XVIII в.

Таков, далеко не полный, перечень педагогов, обучавших молодых людей с Украины в госпитальных школах Москвы и Санкт-Петербурга в 50-е годы XVIII в.

Глава 6

ОБРАЗОВАНИЕ МЕДИЦИНСКОЙ КОЛЛЕГИИ. ПОДГОТОВКА К РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЕ (1768–1774) И ПОЛОЖЕНИЕ КИЕВО- МОГИЛЯНСКОЙ АКАДЕМИИ – ОСНОВНОГО ИСТОЧНИКА ПОПОЛНЕНИЯ УЧАЩИМИСЯ ГОСПИТАЛЬНЫХ ШКОЛ В 60-е ГОДЫ XVIII в

Воцарение на российском престоле в 1762 г. Екатерины II ознаменовалось появлением очередных указов, способствовавших дальнейшему развитию военной медицины. В 60-е гг. уже все главные государственные проблемы стали решаться в Санкт-Петербурге, в котором прочно обосновался Правительствующий Сенат, Священный Синод и 12 Коллегий, занимавшихся управлением государства. Как отмечают исследователи военной медицины этого времени, императрица не любила Москвы и ни разу не посетила ее госпиталь с медицинской школой [192]. Однако заниматься медицинским ведомством нужно было неотложно. Получив в свое владение бескрайние просторы России, бывшая немецкая принцесса на этом не успокоилась, и желание расширить их за счет причерноморских земель Турции было очень велико. Предстоящая война с южным соседом требовала подготовки армии, передислокации в Украину ее большей части

«магазинов» (складов) с различным снаряжением, медикаментами, скорейшей постройки девяти новых деревянных корпусов Киевского военного госпиталя на Печерске взамен «маленьких госпиталиков» и подготовки медицинских кадров для армии.

Во главе Киевского военного (полевого) госпиталя был назначен Иоганн Георг Шенкбехер, родом из Страсбурга. Одновременно с главным доктором Шенкбехером в госпитале служил 1 штаб-лекарь, 3 лекаря, 7 подлекарей, 1 аптекарский гезель. Однако, Русско-турецкая война 1768–1774 гг. заставила значительно увеличить число медиков в Киевском военном госпитале, подключив к ним еще и 22 лекарских ученика из Москвы и Киева. Поскольку одновременно с генеральным госпиталем на Печерске продолжали принимать раненых и больных маленькие батальонные «госпиталики», в них служило несколько лекарей из «природных россиян». Они не только лечили, но имели по несколько учеников и помогали направлять на учебу в Госпитальные школы двух столиц студентов Киево-Могилянской академии, пожелавших изучать медицинскую науку [193].

Чтобы держать под своим контролем выпуск военных лекарей «из *природных россиян*», Екатерина II подписала 12 ноября 1763 г. Указ о преобразовании Медицинской канцелярии в Медицинскую коллегию, которая передавалась в «*особое ведение и протекцию самой императрицы*». Первым ее президентом был назначен барон А.И. Черкасов (1732–1788 гг.) [194]. Он был человеком прекрасно образованным и трезво мыслящим, но не имевшим медицинских знаний, а членами Коллегии оказались одни иностранцы: доктор медицины барон Г. Аш, доктор медицины Х. Пеккен, доктор медицины А. Линденманн, штаб-лекарь И. Вольф, лекарь И. Блок и аптекарь Главной Санкт-Петербургской аптеки И. Модель. Ученым секретарем был назначен Х. Пеккен. Видимо, это обстоятельство повлияло на судьбу очередного указа Екатерины II, подписанного 9 июня 1764 г. о предоставлении права Медицинской коллегии присваивать ученую степень доктора медицины «*природным россиянам*».

Члены Медицинской коллегии не торопились выполнять этот чрезвычайно важный указ для развития военной медицины в России. Подтверждением этому служит биография военного лекаря, участника Семилетней войны, прошедшего пятилетнюю войсковую службу, сына финского пастыря Густава Максимовича Орреуса, которому несколько лет задерживали выдачу диплома доктора медицины, несмотря на блестящую сдачу экзамена [195]. Так же неохотно и редко выдавались россиянам дипломы докторов медицины и в последующие десятилетия.

*Здание 12 Коллегии в Санкт-Петербурге
(арх. Д. Трезини. XVIII в.)*

Чтобы привлечь лучших учеников латинских школ, знающих латынь и иностранные языки, для поступления в «медико-хирургическую науку», в приложении к указу от 12 ноября 1763 г. была составлена инструкция из 16 конкретных пунктов для Медицинской коллегии. Особое место в этом документе отводилось льготам для лекарей служащих в войсках: «для поощрения лекарей, прослуживших в армии 6 лет, переводить их на вышеоплачиваемые места или делать прибавку к их жалованию» [196]. Копии этих документов получало Правление Киево-Могилянской академии и немедленно доводило их содержание до сведения студентов

классов риторики, философии и богословия. Желавшие изучать *«медико-хирургическую науку»* всегда находились. Были они и с воцарением Екатерины II, хотя с этого времени наступила неблагоприятная эпоха для Киево-Могилянской академии. С первых же лет своего царствования Екатерина II стала относиться к ней с некоторым предубеждением. Как считал профессор протоиерей Федор Титов, *«такой взгляд у государыни образовался частью под влиянием общих отношений ее к Малороссии, частью вследствие резких выступлений некоторых русских иерархов из числа киевских воспитанников против мероприятий правительства императрицы, соприкасавшихся с церковною областью. Русское высшее духовенство, воспитавшееся в стенах Киевской Академии и бывшее в таком уважении у прежних русских государей, начиная с императора Петра I, Екатерина II склонна была подозревать в честолюбии, гордости и упорстве. Это она и высказала открыто президенту учрежденной ею малороссийской коллегии гр. П.А. Румянцеву, которому поручила обратить особое внимание на Киевскую Академию»* [197]. Началось постепенное разрушение вековых ее традиций и привилегий, поскольку к мнению правительства о превращении Киевской Академии в обычное учебное заведение светского характера поддерживали и отдельные представители Стародубского шляхетства [198]. И хотя Киевский митрополит Арсений Могилянский напомнил высшей власти об исторических заслугах Киевской Академии, просил о подтверждении ее прежних прав и оказании новых милостей, его ходатайство осталось без внимания. Таково было положение Киевской Академии накануне Русско-турецкой войны 1768–1774 гг., посылавшей в медицинскую науку лучших своих студентов.

Присягнув на верность службы Ее Императорскому Величеству Государыне Императрице Екатерине Алексеевне и наследнику Цесаревичу Великому Князю Павлу Петровичу 10 июля 1762 г. в церкви Богоявления Киево-Братского училищного монастыря, уезжал в северную столицу изучать медико-хирургическую науку Алексей Юркевич.

Он обратился с «*нижайшим доношением*» к гетману Кириллу Разумовскому¹ с просьбой дать распоряжение в его канцелярию выдать паспорт Алексею для поездки в Петербург на учебу [199]. При этом он сообщал, что обучался «*в киевских училищах*» (Академии, авт.) и является сыном умершего полкового обозного Стародубского полка Григория Трофимовича Юркевича, исполнявшего эту должность с 1741 по 1757 г. [200].

В апреле 1762 г. в адрес гетмана Кирилла Разумовского было послано из Санкт-Петербурга письмо ученика адмиралтейского госпиталя Григория Стопаковского. В «*нижайшем доношении*» гетману Григорий сообщал о том, что он родом из Красного Колядина Прилуцкого полка, сын казака Данила и матери Домникии. «*От давних времен предки служили Российскому престолу без всякого пороку и казачью службу несли в разных походах*». Последние 15 лет его уже умерший отец был писарем в Красноколядинской сотне. Сам же Григорий Стопаковский «*проводжал учение чрез семь лет*» в Киевской Академии, а ныне «*к пользе Российского отечества*» обучается медицине в адмиралтейском госпитале Санкт-Петербурга и просит гетмана защитить его мать и «*отческий домишек мой*» от разорения непосильными налогами [201].

В 1762 г. в канцелярию гетмана Кирилла Разумовского пришло письмо от подлекаря Измайловского полка Филиппа Хомякова, служившего в нем с 1749 г. в этой должности. «*За верную службу и прилежание*» получил в 1756 г. чин капрала, а в 1758 г. — фурьера. Теперь он хотел «*продолжить подлекарскую должность в Малой России при резиденции Вашего Сиятельства*». Гетман распорядился выдать ему паспорт из своей походной Московской канцелярии для проезда подлекаря в Глухов, где Филипп был определен помощником к доктору Боку [202]. Не исключено, что разрешение переехать в Малороссию было обусловлено тем, что Филипп Хомяков мог подать в гетманскую канцелярию свою «Сказку» (автобиографию, авт.)

¹ В гетманство К. Разумовского (1750–1764 гг.) паспорт с правом выезда с Украины выдавался в Глуховской канцелярии, а въезда — в походной Московской канцелярии.

о происхождении с Украины и учебе в юности в одной из ее *«латинских школ»*.

1 февраля 1766 г. киевский генерал-губернатор Глебов обратился с особым докладом к императрице Екатерине II о Киевской Академии. В нем он высказывал мысль о возможности учреждения при Киевской Академии двух новых факультетов — математического и медицинского и о надлежащей постановке преподавания в ней немецкого и французского языков. Но доклад генерал-губернатора Глебова не получил правительственной санкции. Единственным его результатом было то, что 29 марта 1766 г. велено было ежегодно отпускать на Киевскую Академию из экономической суммы по 500 рублей *«на учащихся и обучающих»* [203].

Просьба киевского генерал-губернатора открыть при Академии медицинский факультет была вполне логичной — незачем посылать хорошо подготовленных студентов в дальние медицинские школы, когда в городе было уже достаточно медицинских кадров в основанном по Указу императрицы Елизаветы Петровны в 1755 г. Киевском военном госпитале на Печерске. Желавших же изучать медико-хирургическую науку было предостаточно в малороссийских *«латинских школах»*. Об этом свидетельствуют *«нижайшие доношения»* в адрес киевского генерал-губернатора, хранящиеся в Историческом архиве города [204]. Так, например, 16 января 1766 г. к нему обратилось сразу 5 студентов Академии с философским и богословским образованием, *«желавших служить обществу»* на медицинском поприще. Это были: с богословского класса — Осип Кирдан, Кирилл Карпов, Петр Симонтовский, а с философского — Яков Мелес и Максим Миельжинский (уроженец зарубежной епархии). У них уже были на руках Аттестаты, выданные им 14 и 15 января 1766 г. За подписями Ректора Академии Самуила (Миславского), Префекта — иеромонаха Рувима и учителя Богословия игумена Петропавловского монастыря Виктора.

Во всех Аттестатах было написано, что они учились в Киевской Академии *«с успехом добропорядочным»*, *«благонадежным, похвальным»* и *«состояния были пречестного и неподозрительного»*. Особо отмеча-

лось, что все они в 1762 г. присягали в Киево-Братском училищном монастыре в церкви Богоявления Господня на верность службе «Ея Императорскому Величеству Великой Государыне Императрице Екатерине Алексеевне Самодержице Всероссийской и цесаревичу Великому князю Павлу Петровичу — наследнику престола».

17 января Киевская губернская канцелярия распорядилась выдать им паспорта и деньги для поездки в Москву, а там уж медицинское ведомство определяло, кого оставить в старой столице, а кого отослать в Санкт-Петербургские медицинские школы [205].

Известно, что из этой группы студентов Киево-Могилянской Академии Петр Симонтовский обучался в Московской Госпитальной школе. Он родился в семье священника г. Сум в 1747 г. Девятилетним мальчиком родители привезли его учиться в Киев, где с 1756 по 1766 г. он освоил все предметы от нижних классов, включая богословские науки. Хорошее знание латыни позволило ему через год учебы в Московской госпитальной школе получить звание подлекаря (1767) и в 1768 г. начать служить в г. Орске, где располагался Билярский драгунский полк. Звание лекаря Петр Семенович Симонтовский получил в Оренбургском госпитале (1771). Начиная с 1772 г. его служба военного лекаря в течение 20 лет была связана с Астраханским батальоном. Большой заслугой П.С. Симонтовского было прекращение эпидемии чумы, начавшейся среди калмыцкого населения Астраханской губернии. Это свидетельствует о его высоких профессиональных знаниях и больших организаторских способностях. Свой опыт военного лекаря Петр Семенович обобщал в научных работах, за что был удостоен звания штаб-лекаря (1792).

В 1793 г. им были написаны очередные работы: «О камнях желчного пузыря», «О параличах», «О чуме в Оренбурге», а в последующие годы — «Об аневризме аорты, разрушившей грудную кость» (1794) [206].

В 1796 г. штаб-лекарь П.С. Симонтовский был командирован главным директором Медицинской коллегии А.И. Васильевым в Уральск в связи с массовым заболеванием людей неизвестной бо-

лезною. Наблюдая больных в течение года, он установил, что это была проказа, описал ее различные клинические формы, определил ее заразительность и пути распространения из соседнего Ирана. По инициативе Симонтовского в Уральске были организованы первые в России лепрозории [207]. Опыт изучения проказы он обобщил в 1796 г. в рукописи «Описание проказы в Уральске». С 1798 г. и до конца своей жизни штаб-лекарь П.С. Симонтовский служил в Симбирской Врачебной управе. В Симбирске он и умер в 1815 г.

Несмотря на сложное положение Киево-Могилянской академии в 60-е–70-е гг. XVIII ст. — начавшаяся очередная Русско-турецкая война 1768–1774 гг., недружелюбное отношение к Академии императрицы Екатерине II, нехватка средств для насущных потребностей, не заставили Киевского митрополита Арсения Могилянского и ректоров Тарасия Вербицкого, Самуила Миславского, поступаться своими традициями и привилегиями лучшего учебного заведения Восточной Европы. Все они обращались к бывшим воспитанникам Академии помочь ей материально, чтобы восстановить ряд помещений и библиотеку, пострадавших от пожара. Сами они, будучи в прошлом выпускниками Киевской Академии, дарили ей книги из своих библиотек, а митрополит Гавриил Кременецкий, опекавший свое родное учебное заведение после смерти Арсения Могилянского (8 июня 1770 г.) пожертвовал ей 66 тысяч рублей, да завещал 7 тысяч 500, чтобы поддержать бедных учеников и пополнить книгами академическую библиотеку. По примеру митрополитов и ректоров в эти годы от разных благотворителей поступило в фонд Киевской академии 89 тысяч 300 рублей [208].

31 января 1769 г., вскоре после начала Русско-турецкой войны 1768–1774 гг., Государственная Медицинская коллегия прислала Указ в Киев, в адрес Военного полевого госпиталя, чтобы вместе с переяславским врачом Францем Вульфом и черниговским — Узнанским пригласить 50 студентов в «*медико-хирургическую науку*» для обучения в Москве или Санкт-Петербурге. В Киеве отбором студентов из Киево-Могилянской

академии руководил военный врач шестого батальона Иван Федосеев.

Поскольку в Переяславском коллегиуме желающих изучать медицину оказалось трое, а в Черниговском — 12, то из Киевской Академии разрешалось пригласить 35 человек. Об этом и сообщил в Киевскую губернскую канцелярию лекарь И. Федосеев [209].

В мае 1769 г. реестр желающих был составлен. В него вошли лучшие студенты класса философии и риторики [210]. Они продемонстрировали в киевской гимназии отличное знание латыни и их рекомендовали в медицинские госпитальные школы Москвы и Петербурга. Приводим список в той последовательности, как он был составлен Иваном Федосеевым в документе 1769 года:

Студенты философии — Савва Копитовский, Григорий Нежинец, Михайло Гамалея, Василий Трохимовский, Андрей Шафрановский, Хома Фигуленский, Иван Баршанин.

Студенты риторики — Алексей Щуровецкий, Иван Данилевский, Онуфрий Григорович, Емельян Хмельницкий, Андрей Яновский, Василий Шидловский, Георгий Сулима, Иван Курдимовский, Иосиф Богданович, Стефан Красновский, Яков Адамовский, Иван Ануфиевский, Василь Соболев, Петр Чайковский, Иван Лазаревский, Лаврентий Мензиховский, Иван Ярошевский, Клим Пархомовский, Василь Адвенабургский, Федор Завидович, Моисей Пятковский, Иван Гаршавин, Федор Давидович, Стефан Малишевский.

Все уезжавшие получили «Аттестаты» за подписью Префекта Академии иеромонаха Никодима. В них было сказано, сто студенты *«присягали Государыне Императрице Екатерине Алексеевне и любезнейшему сыну ея государю цесаревичу Павлу Петровичу в Братском училищном монастыре в церкви Богоявления Господня»*. Студенты класса философии изучали науки в течение уже двух лет, а риторики — от одного года до четырех (как Павел Милюевский, Иван Штаба, Емельян Хмельницкий, Стефан Малишевский, Андрей Яновский). Три года изучали риторику Василий Адвенабургский, Лаврентий Мензиховский, Иван Лазаревский, Василий Шидловский, Онуфрий

Григорович, Стефан Красновский. Остальные студенты класса риторики учились в нем от одного года до двух лет. Паспорт для проезда без всяких задержек всей группы до Москвы получил студент-философ Савва Копитовский [211].

История медицины не сохранила память о судьбах всех студентов Киевской академии, уехавших изучать медицину в 1769 г. и ставших военными врачами, но о некоторых, из приведенного нами списка, хорошо известно благодаря находкам историков. Мы напомним их биографии и заслуги в деле развития медицины XVIII века.

Одним из первых исследователей сибирской язвы в XVIII в. был Михаил Леонтьевич Гамалея (1749–1830 гг.). Он родился в селе Круподерницы на Полтавщине. В те времена его отец Леонтий нес казацкую службу, но в 1765 г. он проживал в бывшем сотенном местечке Яблунове Лубенского полка, в котором со второй половины XVII в. служили полковниками и сотниками Пирятинской и Лохвицкой сотен Гамалеи [212, 213]¹.

В 1769 г. Михаил оказался в числе тех студентов Киево-Могилянской академии, которых направили изучать медицину в школу Санкт-Петербургского сухопутного госпиталя. Через два года (1771 г.) там он получил звание подлекаря и в течении семи лет служил в разных полках, наблюдая больных заболевших ос-

¹ Не исключено, что Михаил происходил из многочисленной старинной семьи Гамалеев. Их род относился к числу древних польских родов, живших в подольском воеводстве (Летичевский повет). За свои военные заслуги имел земельные наделы. Первоначальная их фамилия была – Высоцкие. Во время войны Богдана Хмельницкого с Польшей перешли на его сторону, будучи православной веры. Наиболее известные представители этого рода (Васько и Михаил) в 1649 и в 1662 г. были записаны в казацкий реестр.

Новая фамилия – Гамалеи появилась у этой семьи вскоре после того, как, будучи в составе посланных к турецкому султану на переговоры от Б.Хмельницкого, увидели большого роста и солидного Григория. Султан был приятно удивлен и воскликнул «гамалея!», что означало по-турецки – «великий, сильный!». Такую легенду семья рассказывала в XVIII в. [214].

В 1729 г. Васько (Василий), Григорий и Иван Гамалеи числились в списке старшины Стародубского полка, пожертвовавших свои средства «на реставрацию Великой церкви Киево-Печерской лавры, пострадавшей от пожара» [215].

пой и посылая в Медицинскую коллегию результаты лечения этого недуга. Одновременно он перевел на русский язык книгу Эйзена «Легчайший способ прививания оспы». Научные труды Михаила Леонтьевича Гамалеи были оценены Медицинской коллегией и в 1778 г. ему было присвоено звание лекаря, а в 1780 г. штаб-лекаря. В том же году он подал рапорт с просьбой о переводе его на гражданскую службу и, получив разрешение, приступил к обязанностям уездного лекаря в г. Оханске.

В последующие годы его научные интересы были связаны с изучением сибирской язвы. В 1790 г. штаб-лекаря М.Л. Гамалею перевели в Пермь на должность городского лекаря. Там он, обобщив свои многочисленные наблюдения за сибирской язвой издал книгу «О сибирской язве» — одно из первых русских руководств, посвященной этой болезни (1790 г.). В 1797 г. при образовании врачебных управ, М.Л. Гамалея был назначен в Перми на должность оператора. В последующие годы он занимался изучением причин заболеваемости рабочих на уральских заводах. Начиная с 1800 г., работая уже в Тульской врачебной управе, Михаил Леонтьевич в течение 30 лет занимался вопросами оспопрививания в губернии и изучением профессиональных заболеваний у рабочих тульских заводов. В городе он пользовался большим авторитетом как блестящий хирург и опытный акушер. М.Л. Гамалея похоронен в Туле (1830) [216].

Проучившись в классе риторики 2 года, уезжал изучать медицину в 1769 г. с «Аттестатом» о «благонадежных успехах» в учебе и «Честном поведении», Иван Данилевский. Исходя из упоминавшихся нами архивных документов, свидетельствующих, что класс риторики после одного года обучения оканчивали юноши 19–20 лет, можно предположить, что Ивану Данилевскому в год окончания Киевской Академии было приблизительно 21–22 года. Историки медицины, имевшие возможность изучать его послужной список, сообщают, что он родился в Киеве в семье Лукьяна Данилевского. Приехав в Москву и явившись с товарищами в Государственную Медицинскую коллегию, он был распределен на учебу в Московскую Госпитальную

школу. Способности молодого лекаря после окончания медицинской школы были отмечены и Ивана Данилевского послали совершенствовать свое образование в Геттингенский университет. Молодого ученого интересовал вопрос о выработке мероприятий в государстве, которые бы позволили уменьшить заболеваемость и смертность населения. На эту тему им была написана диссертация «О наилучшем медицинском управлении» (1784 г.) и сделан вывод, что *«государственная власть лучший лекарь»*. Немецкий ученый П. Франк считал сочинение И.Л. Данилевского наилучшим по вопросам профилактической медицины и охраны здоровья и напечатал его в своем сборнике. Доктор медицины Иван Лукьянович Данилевский вернулся в Россию в 1786 г. дальнейшая его деятельность документально не прослеживается [217, 218].

Проучившись один год в классе риторики Киево-Могилянской академии (1768–1769), уезжал со своими 34-мя товарищами изучать медико-хирургическую науку и Петр Чайковский (1746–1818) В «Аттестате», выданном академией, было записано, что «обучался он с успехом похвальным и обхождения был честного» [219]. Родился Петр Чайковский в селе Николаевке Миргородского полка, в Омельницкой сотне которого его отец Федор нес казацкую службу. К 1769-у году Петр осиротел и мать-вдова Анна отпустила сына изучать медицину. В Москве Медицинская коллегия отобрала его в числе других киевлян учиться в школу при Санкт-Петербургском генеральном госпитале.

Через год, получив звание подлекаря, Петр Федорович Чайковский был направлен в армию, остро нуждавшуюся в медицинских кадрах — шла Русско-турецкая война 1768–1774 гг. с большим количеством пострадавших не только от ран, но и от вспыхнувшей эпидемии чумы. Он служил в госпиталях на Днепровской линии, в районе Перекопа, в Бендерах и Варшаве. В 1772 г. ему было присвоено звание лекаря. Дальнейшая служба П.Ф. Чайковского проходила в бухарестском госпитале и в госпитале Котрожанского монастыря, заполненных заболевшими чумой. В 1777 г., завершив службу в войсках, он получил должность городского врача в г. Кунгуре Пермской

провинции, а через пять лет в г. Вятке, где наблюдал больных со злокачественными опухолями. За описание этого недуга и многолетний труд, в 1784 г. Петру Федоровичу Чайковскому было присвоено звание штаб-лекаря.

К этому времени в его личной жизни произошли изменения — он женился.хлопоты о причислении его рода к дворянскому сословию за заслуги предков — православных шляхтичей XVII в. Чаек, несших как и он военную службу, увенчались успехом. В 1795 г. штаб-лекарь П.Ф. Чайковский вышел в отставку и перешел на должность городничего в г. Слободском, где в его семье родился сын Илья Петрович — будущий горный инженер и отец всемирно-известного композитора Петра Ильича Чайковского. Последние годы своей жизни штаб-лекарь Петр Федорович Чайковский доживал в г. Глазове, неся службу городничего. Там он и скончался в 1818 г. на 73-м году жизни [220, 221].

Студенты Киево-Могилянской академии, поступившие в 60-е годы XVIII в. в Московскую госпитальную школу, имели возможность слушать лекции своего земляка, бывшего студента Киевской академии Петра Ивановича Погорецкого. Он был назначен в 1765 г. на место К.И. Щепина и сразу же предложил обширный проект, направленный на расширение и углубление образования в госпитальных школах [222]. Проект предусматривал:

- прохождение учениками госпитальных школ клинической практики;
- обеспечение учеников, заканчивающих обучение, учебниками;
- улучшение преподавания теоретических дисциплин (физиологии и патологии) — как основы подготовки врача;
- выделение из учеников, желающих заняться препарированием, для подготовки из них прозекторов.

Петр Иванович Погорецкий (1740—1780 гг.) был также воспитанником Киево-Могилянской академии. Родился в с. Черногородка на Киевщине. Окончил медицинскую школу при Петербургском адмиралтейском госпитале в 1759 г., образование продолжил в Лейден-

ском университете, где защитил диссертацию «О полуметалле никеле, с добавлением о медицинском исследовании способа, которым народ обычно прижигает язвы», в которой впервые описал химические и физические свойства никеля.

В 1765–1769 гг. преподавал в Московской госпитальной школе. Все его предложения по улучшению подготовки будущих лекарей вызывали недовольство, особенно у заграничных руководителей медициной. П.И. Погорецкий вынужден был оставить работу. За отказ ехать к новому месту службы в Сибирь, был арестован и отправлен врачом Сибирского корпуса под конвоем. Вскоре возвратился в Москву, где в 1770–1771 гг. добровольно, находясь вне службы, принимал самое активное участие в ликвидации чумной эпидемии, стал одним из ближайших соратников Д. Самойловича. Сам переболел чумой. Его наблюдения над больными навели его на мысль о возможности применять прививки против чумы, используя для этой цели гнойные выделения от больных. Вместе с Д. Самойловичем, А.Ф. Шафонским, К.К. Ягельским стоял у истоков зарождения отечественной эпидемиологии.

В 1768 г. перевел с немецкого на латинский язык популярный учебник И.Ф. Шрайбера по диагностике и лечению заболеваний. Ему принадлежат переводы ряда статей из «Энциклопедии Дидро и Даламбера» (1767 г.). Они сыграли значительную роль в создании российской медицинской терминологии [223, 224].

Глава 7

СТУДЕНТЫ КИЕВО-МОГИЛЯНСКОЙ АКАДЕМИИ, ПОПОЛНИВШИЕ РЯДЫ ВОЕННЫХ ЛЕКАРЕЙ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 70-х ГОДОВ XVIII ВЕКА. АКАДЕМИЯ ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ В КИЕВЕ (1770–1772 гг.)

В 1770–1771 гг., когда продолжалась война с Турцией, на долю Киева и киевлян выпали тяжелые испытания: в городе вспыхнула эпидемия моровой язвы (чумы). По официальным данным от нее умерло 3631 человек. Городские власти немедленно организовали противоэпидемические мероприятия — все три района Киева были перекрыты, у въезда в Верхний город, Печерск и Подол поставили шлагбаумы с военной охраной, запрещавшей передвижение населения. Наиболее уязвимым оказался торговый и ремесленный Подол, куда попадали вещи из завоеванных турецких селений, эпидемически неблагополучных. В этой части Киева пришлось открыть противочумный лазарет, которым руководил старший врач Киевского военного (полевого) госпиталя Сила Митрофанов — выпускник Киево-Могилянской академии 1756 г., получивший медицинское образование в лучших европейских университетах. Вместе с присланным из 1-й

армии штатт-физиком коллежским советником доктором медицины Йоганном-Якобом Лерхе, начальником Васильковского карантина, они объединили военных лекарей для выработки инструкции по организации среди населения противоэпидемических мероприятий [225]. От людей, оказавшихся на зараженной территории, «Инструкция» требовала сжигать немедленно все вещи, принадлежавшие больным. Если пожитки были спрятаны в сундуки еще до эпидемии и находились в амбарах, погребах или каменицах, рекомендовалось вымораживать в зимние морозные дни по несколько раз. Это распоряжение распространялось и на вещи с документами, которые киевляне, будучи здоровыми, отдавали на сохранение в свои приходские церкви, уезжая далеко по личным делам [226]. Они окуривались сосновыми шишками, можжевельником и уксусом, а металлические деньги и посуда вымачивались в течение суток в кислой горячей воде с солью [227]. В домах погибших от чумы срочно вынимались оконные рамы, снимались двери и разрушались печи, чтобы не было у людей соблазна поселиться в опустевших помещениях. В летнее время Труханов остров был превращен в изолятор, куда направляли не заболевших еще людей, но общавшихся с пострадавшими. Сотни горожан и студентов Киево-Могилянской академии стремились убежать из города как можно дальше. Историк Малороссии Н. Маркович привел рассказ очевидца об опустевшем Киеве, люди которого бродили *«от града во град един другого чуждаючися: отец детей, дети отца; и многих трупы поедали звери, птицы, псы и свиньи...»* [228].

Интересны архивные сведения о противочумных мероприятиях в церквях Киево-Могилянской академии.

12 января 1772 г. Святейший Правительствующий Синод подготовил «Наставление» для всех церквей и монастырей о гигиенических мероприятиях после ликвидации эпидемии чумы. В большом Богоявленском храме Киево-Братского училищного монастыря, в церквях Св. Духа и Благовещения Пресвятой Богородицы, в котором студенты праздновали дни рождения

ректора, префекта и преподавателей, священники, надев на руки перчатки и запоны из полотна приступили к мытью освященной водой с уксусом с помощью греческой губки все иконы, священные сосуды, кресты. Кропили и Евангелия. Кроме того, предлагалось «*ризы, стихари, епитрахили, воздухи и другие церковные одежды, развеся в трапезе по веревкам... через четыре дни выкуривать порошками. А книги для повседневного чтения употребляемые, обмачивать вереском, уксусом и вскоре потом высушивать на жаровне. Оконниц решетки, замки, затворы, колокольные двери и самые стены на три аришина в вышину тереть щетками освященною водою с уксусом. Вережки у колокольных языков, обрезав, сжечь, а наместо их купить новые*» [229]. А поскольку в церквях Киево-Могилянской академии хранилось много даров гетманов, казацкой старшины и бывших студентов, то работы по подготовке помещений к возобновлению служб было много [230].

Сохранились статистические данные о численности студентов Киевской академии за период с 1740 по 1780 гг. [231]. Из них видно, как опустела она к 1772 году. Если в 1769 г., когда из Академии уехало 35 студентов изучать медицину в Госпитальные школы Москвы и Санкт-Петербурга, в ней насчитывалось 1028 человек, то к 1772 году в Академии училось 487. За 1771 год сведения вообще отсутствуют, и только к 1774 году число учащихся в Киево-Могилянской академии достигло 706-ти. В 1770 г. учителя от нижних классов (аналогии, инфимы, греческого, польского, еврейского, немецкого языков) до высших (поэтики, риторики, философии и богословия) еще обучали 984-х учеников в начале учебного года, но потом положение в городе резко изменилось и занятия прекратились. Денежное содержание за 1770 г. ректор Тарасий, префект Никодим и все учителя получили из Генерального войскового скарба только в 1772 г. Об этом свидетельствует документ, хранящийся в институте рукописей [232].

Среди студентов Киевской академии, покинувших эпидемически неблагополучный город в 1770 г. был Евстафий Зверьяка (1748–1829) — сын священника Федора из м. Переволочная Полтавского полка. Выхлопотав паспорт до Петербурга, на

собственные средства уехал изучать «*медико-хирургическую науку*» в госпитальную школу при сухопутном госпитале. Благодаря своим незаурядным способностям и основательным знаниям, полученным в Киевской Академии, он уже через полгода получил знание подлекаря и службу в сухопутном шляхетском кадетском корпусе Петербурга. Продолжавшаяся война с Турцией и разразившаяся эпидемия чумы на юге, мобилизовала многих медиков в армию. Евстафий был направлен служить сначала на Кавказ, а потом на Кубань, имея уже звание лекаря (1773 г.).

Прослужив военным лекарем до 1776 г., Е.Ф. Зверьяка вышел в отставку с целью продолжить свое медицинское образование в университетах Англии, Швейцарии, Франции и Германии. К 1779 г. им уже была написана диссертация на тему «О свойствах крови» и защищена на звание доктора медицины в Эдинбургском университете.

Вернувшись в Россию (1782) и сдав экзамен в Медицинской коллегии, Евстафий Федорович получил право заниматься врачебной практикой, а в 90-е годы профессор Е.Ф. Зверьяка читал лекции по химии, ботанике, патологии и терапии в Елисаветградском Госпитальном училище вплоть до его закрытия. Учащиеся, постигавшие медицинскую науку под его руководством, пополнили в конце XVIII века ряды военных лекарей. Дальнейшая служба доктора медицины Е.Ф. Зверьяки проходила в Николаевском морском госпитале (1798–1800 гг.), в Дубоссарской карантинной конторе (1800–1816), а с 1816 по 1829 гг. в чине статского советника служил инспектором Бессарабской врачебной управы, заботясь о врачебных кадрах в Кишиневе и уездах, стараясь обеспечить их лекарствами, инструментарием, медицинской литературой [233, 234].

Спрятавшись в школе церкви Рождества Христова на Подоле, пережил эпидемию чумы сын казака из местечка Горошина Лубенского полка Лукьян Иванович Брусковский, обучавшийся в Киево-Могилянской академии с 1764 года. В 1772 г. ректор Тарасий и учителя сочли возможным выдать хорошо успевавшему

студенту «Аттестат» для изучения медицины в Госпитальной школе при Санкт-Петербургском сухопутном госпитале. К сожалению, его послужной список найти не удалось [235]. В том же 1772 г. распрощался с Киевской академией и уехал в Санкт-Петербург для поступления в Госпитальную школу при адмиралтейском госпитале сын священника села Козлы Любецкой сотни Черниговского полка Михаил Яковлевич Стефанович-Донцов (1753–1833 гг.).

В 1778 г., получив звание военного лекаря, он начал служить в 1-м канонерском полку, уделяя большое внимание противоэпидемическим мероприятиям на территории Украины. В 1785 г. в звании штаб-лекаря перешел на гражданскую службу, работал вначале в г. Плесе Костромской губернии, а потом поветовым врачом в Нижнегорске. Будучи человеком честным и порядочным, вступил в конфликт с местной судебной властью, за что был привлечен к ответственности, лишен возможности продолжать врачебную деятельность. Умер в Чернигове. В историю медицины М.Я. Стефанович-Донцов вошел как автор шести рукописных научных работ, написанных на латинском языке в 1786–1801 гг. и посылаемых в Медицинскую коллегию: «О болезни от укуса тарантулов», «О грудном свище», «О инструменте для удаления наростов на уретре», «О операции кастрации», «О ранении черепа, сопровождавшемся эпилептическими припадками», «О чуме» [236, 237].

В 1772 г. вместе со М.Я. Стефановичем-Донцовым приступил к изучению медицинской науки в Санкт-Петербургской адмиралтейской госпитальной школе студент Киевской академии Григорий Павлович Тимченко. Получив звание лекаря, он уехал в г. Киль, чтобы совершенствоваться в медицинской науке. Там же он написал диссертацию на тему «Медико-акушерские наблюдения» (1780 г.). Вернувшись на родину, служил военным врачом в г. Симбирске, а потом дивизионным врачом в 3-й дивизии.

В 1786 г. профессор Г.П. Тимченко был переведен в Московский генеральный госпиталь, в котором читал лекции по

акушерству ученикам медико-хирургического училища. Умер в Москве в 1793 г. [238].

Еще об одном будущем лекаре, успевшим покинуть Киевскую академию в период эпидемии чумы и уехать к старшему брату в Москву, мы узнали из *«нижайшего доношения 31 марта 1772 г.»* ректора Тарасия (Вербицкого) Члену Правительствующего Синода Митрополиту Киевскому и Галицкому Гавриилу. В нем сообщается о том, что 24 марта 1772 г. он получил письмо из Москвы от штаб-лекаря Данилы Самойловича¹, в котором тот сообщил, *«что де брат его родной, обучавшийся в онной Академии Киевской риторики Федор Самойлович, во время бывшее в Киеве неблагополучное, приехал к нему, штаб-лекарю в Москву без всякого письменного от Академии вида»*. А он Федор *«в здешней Академии обучался последний год риторики и следовало итить в философию»*. Далее ректор спрашивал митрополита, можно ли выдать Федору аттестат философский, поскольку он и польский язык изучал, и присягал, но на основании указа из Духовной Консистории от 12 октября 1771 г. *«велено из обучавшихся в здешней Академии учеников, какого бы кто звания не был, не отпускать никуда из училища без ведома и дозволения Вашего...»* *«Показанный же Федор Самойлович уроженец полку Черниговского протопопии Нежинской села Янковки, сын священника умершего Самуила Суцковского»*. Письмо заканчивалось просьбой прислать в Академию резолюцию о возможности выдать Федору Самойловичу Аттестат.

В архивном деле сохранился черновик резолюции Митрополита Гавриила: *«Дать из Киевской Академии Аттестат, какового проситель достоин»*. В этом документе Киевской академии мы обратили внимание на написание фамилии отца братьев Самойловичей — СуЩковский, а не СуШковский, как доказал в своей

¹ О бывшем ученике Киево-Могилянской Академии (1756–1761) талантливым лекаре, ученом, докторе медицины Даниле Самойловиче, чья многогранная деятельность стала образцом служения отечественной науке написаны десятки книг, основательных исследований и статей. Мы же сочли возможным в этой работе лишь процитировать документы, обнаруженные нами в киевских архивах о Самойловичей-Суцковских (Сушковских).

обстоятельной и очень интересной работе историк Н.К. Бородий [239]. Разница в написании «Ш» и «Щ» вроде бы и небольшая, но она побудила нас поискать в киевских архивах, не сохранилось ли еще каких-либо сведений об этой семье? Тем более, что на странице № 9 указанной работы Николая Калениковича Бородия есть сведения о деде Данила и Федора — Олексе, который 17 ноября 1740 г. продал за долги *«свой собственный плац земли»* (надел земли), а его невестка — мать Данила и Федора — Агафья, вновь рассчиталась за оставшиеся долги Олексы землею (18 июля 1760 г.), переписав ее на Черниговского сотника Посудевского. Эти сведения нас заинтересовали, поскольку возник вопрос — откуда у священника Олексы Сушковского земля — материальное богатство, ведь купить за скромные доходы со своего сельского прихода он вряд ли мог? Возникло предположение, что священник Олекса Сушковский получил *«плац земли»* от своих дедов-прадедов. Кто они? На этот вопрос мог ответить лишь фонд документов дворянского сословия, хранящийся в Государственном архиве Киевской области (ГАКО). В нем нам удалось отыскать, к сожалению, только одно дело, относящиеся к истории этой семьи [240]. Оно касается Василия Самойловича Сушковского и его сына Ивана Васильевича, родившегося 26 сентября 1767 г. Правнук Олексы (Иван Васильевич), желая навести порядок в своих документах и подтвердить шляхетное происхождение семьи, подал в Дворянское собрание Киевской губернии 1803 *«Свидетельство»* 12 авторитетных особ, подтвердивших знатное происхождение Сушковских. Свои показания они скрепили личными подписями и печатями заявив, что *«Василий Самойлович (благородный шляхтич)»* и его сын — Иван Васильевич — внук Самойлы, принадлежат к роду Сушковских, которому польские короли жаловали герб *«Бонч»* за его заслуги, и, конечно, земельные наделы. Так, благодаря архивному делу о третьем брате Самойловичей — Василии Самойловиче Сушковском и его сыне Иване Васильевиче удалось прочитать еще одну страничку в биографии бывших студентов Киевской академии лекарей Самойловичей.

В начале февраля 1773 г. вновь встал вопрос о наборе в медико-хирургическую науку студентов из Киево-Могилянской академии. Русско-турецкая война 1768—1774 гг. еще продолжалась и переполненные госпитали нуждались не только в лекарях, но и подлекарях и в учениках. 5 февраля 1773 г. доктор медицины Иван де Тейльс, возглавлявший Киевский полевой военный госпиталь, в своем рапорте генерал-губернатору и главнокомандующему Федору Матвеевичу Воейкову сообщил о том, что к нему стали поступать просьбы студентов Киевской академии и Переяславской школы [241]. Одним из первых подал прошение де Тейльсу сын посполитого, родом из села Черняховки Нежинского полка Петр Федорович Пискуновский. Судя по тому, что он указал лишь свой возраст — 22 года, Петр, наверняка, окончил класс риторики и мог уже изучать философские науки.

Вслед за ним приняли решения стать медиками его товарищи — сыновья посполитых: Иван Петрович Савицкий — уроженец г. Чернух Лубенского полка (в 1773 г. ему уже исполнилось 23 года); 22-летний Тимофей Степанович Выпривечевский, сирота, отец умер 20 лет тому и Артем Иосифович Дорошевский, 19-летний сын казака из м. Гельмязова Переяславского полка.

«Прошение» подавал еще один студент Киевской академии — Михаил Шумлянский, но в окончательном списке его почему-то нет [242]. Однако из других источников известно, что в 1773 г. два родных брата — Александр Михайлович и Павел Михайлович Шумлянские, сыновья казака, родом из с. Малые Будищи поступили в госпитальные школы Петербурга после учебы в Киево-Могилянской академии. Со временем оба брата станут докторами и внесут свой весомый вклад в развитие отечественной медицины XVIII — начала XIX века.

Старший брат — Александр Михайлович Шумлянский (1748—1795), поступив в 1773 г. в медицинскую школу Санкт-Петербургского сухопутного госпиталя, уже через год получил звание подлекаря, а в 1775 г. — лекаря. Последующие три года он продолжал служить в том же госпитале, совершенствуясь в области хирургии под руководством М.М. Тереховского и Н.М. Макси-

мовича-Амбодика. В 1778 г. Александр Михайлович постигал достижения передовой медицинской науки и работал над своей диссертацией «О строении почек», которую защитил в 1783 г. По возвращению в Петербург 1784 г. его определили профессором повивального искусства в Калинкинский институт, но, не успев приступить к должности, был командирован вместе с М.М. Тереховским за границу с целью изучения передового опыта в деле организации медицинского образования. Они побывали в клиниках Парижа, Вены, Марбурга.

С 1786 г. по 1793 г. профессор А.М. Шумлянский преподавал патологию и терапию в Московском медико-хирургическом училище, а с 1793 г. — служил в Московской акушерской школе. Обобщив свои впечатления об организации медицинского образования за рубежом, он издал в 1787 г. книгу «Мнение одного истиннолюба о поправлении наиполезнейшей для людей науки». Тогда же он перевел с немецкого языка книгу Тиссо «О здравии ученых людей» (1787 г.), а еще ранее — работу Галлера «Утешительныя разсуждения против немощной и болезненной жизни» (1773). После него осталась рукопись 1793 г. «О неправильных родах». В историю медицины бывший студент Киево-Могилянской академии доктор медицины, профессор Александр Михайлович Шумлянский вошел как один из основоположников отечественной гистологии, досконально описавший гистологическое строение почек. Последняя его научная работа — доклад «О поправлении повивального искусства» была представлена в Медицинскую коллегию (1794 г.), почетным членом которой он был. 25 июня 1795 г. доктор медицины Шумлянский умер в Москве [243].

Его младший брат — Шумлянский Павел Михайлович (1750—1824 гг.), завершив учебу в Киево-Могилянской академии, поступил изучать медицину в Госпитальную школу при Санкт-Петербургском сухопутном госпитале (1773 г.). Спустя шесть лет, получив звание лекаря, он был направлен на службу в 9-й артиллерийский канонирский полк (1779 г.).

После пятилетней службы полковым лекарем П.М. Шумлянский вышел в отставку, чтобы поехать в Страсбург и совершен-

ствоваться в медицинской науке (1784 г.). Там он написал диссертацию «О непосредственной причине местного воспаления» (1789), получил звание доктора медицины. Работа вызвала большой интерес в медицинских кругах и была переведена на немецкий язык. Вернувшись в Россию, он получил назначение младшим лекарем в Санкт-Петербургский сухопутный госпиталь (1790), а через три года — профессором анатомии и хирургии в Кронштадтское медико-хирургическое училище (1793 г.). Познакомившись за границей с уровнем и системой организации медицинского образования, стремился внедрить передовой опыт в российские госпитальные училища. В 1798 г. Павел Михайлович Шумлянский представил в Медицинскую коллегию проект реорганизации медицинского образования. С 1795 г. он уже служил профессором фармакологии и хирургии в Московском училище и какое-то время возглавлял завод хирургических инструментов в Москве. Когда в г. Харькове по инициативе украинского общества открылся университет (1805 г.), Павел Михайлович Шумлянский перевелся туда на должность декана медицинского факультета и профессора хирургии. Круг его научных интересов был чрезвычайно разнообразным. Ему принадлежало несколько статей по хирургии, в частности, первая научная работа по педиатрии — «О младенческой пупочной грыже» (1811 г.).

Его интересовали минеральные воды Украины для использования их при лечении ряда заболеваний. Этому вопросу П.М. Шумлянский посвятил работы: «Об испытании минеральных вод в даче Кочубея в селе Дубовые гряды» (1806 г.), «Испытание минеральных вод в дачах Денисенкова» (1809 г.), «Испытание минеральных вод Полтавской губернии, Константиновского уезда в дачах Ковалевской» (1808 г.).

Чтобы помочь людям самостоятельно бороться с *«прилипчивыми болезнями»*, П.М. Шумлянский опубликовал в 1814 г. (в соавторстве с профессором И. Книгиным) «Краткое наставление как предохранить себя от прилипчивых болезней простыми общедоступными средствами». Последняя его научная работа —

«Примечание с дополнениями к науке о вывехах костей» была опубликована в 1821 г. [244, 245].

2 марта 1773 г. среди желающих изучать медицинскую науку было еще два студента Киевской академии — Евстафий (Остап) Яновский и Гаврило Михайловский. Об этом сообщил в своем рапорте генерал-губернатору Ф.М. Воейкову главный доктор Киевского (полевого) госпиталя Иван де Тейльс. Если о Гавриле Михайловском архивный документ сообщает лишь только то, что он сын посполитого Семена из села Милец Полтавского полка, осиротевший лет 11–12 тому назад, то о 22-х летнем Евстафии Яновском помимо кратких данных из того же дела [246], удалось отыскать сведения в делах Дворянского собрания.

Евстафий родился в с. Пески Переяславского полка в семье местного жителя посполитого звания — Якова. Вместе со своими товарищами (П. Пискуновским, И. Савицким, Т. Выпричевским и А. Дорошевским) 5 марта 1773 г. получил в Малороссийской коллегии г. Глухова паспорт для беспрепятственного проезда до Санкт-Петербурга.

Получив медицинское образование в одной из столичных госпитальных школ, 28 февраля 1778 г. он был произведен в лекари [247] и направлен служить по его просьбе в четвертый батальон г. Киева. Жалования ему определили *«по сту двадцать рублей в год и на одного денщика... Для исправления в пути нужд выдано вперед на треть года жалование... Ехать с поспешением и медикаменты, и инструменты взять от лекаря Бланка в свое смотрение»*. Далее генерал-штаб-доктор барон Георгий Аш приказывал Е. Яновскому — *«Вступив в должность рапортовать о больных и болезнях по команде»*.

15 мая 1784 г. штаб-лекарь шестого батальона Евстафий Яновский обратился в Киевское Дворянское Собрание с просьбой вписать его в Родословную книгу, учитывая службу военного лекаря и заслуги предков. Свои документы о службе он представил, а документы, которые хранил его дед пропали во время моровой язвы в Киеве (1770–1772 г.г.). Однако, 12 известных и авторитетных людей города (генерал-майор дивизии, статский советник, надворный

советник, коллежские асессоры и майор) своими подписями и печатями засвидетельствовали, что прадед Евстафия Яновского — Иван (Ян) был польским шляхтичем и «по выходе своем из Польской области в Россию жительствовавал в городе Киеве». Дед — Зеновий Яновский *«удаляясь из Киева во время моровой язвы потерял свои документы о шляхетстве... Но как он и отец (Евстафия) Яков Яновский вели жизнь благородную и дворянскому состоянию соответствующую, так и он, проситель штаб-лекарь Евстафий Яновский в число благородного дворянства Киевской губернии общества...»* (далее лист документа сильно пострадал, текст оборван вместе с фамилиями 12-ти свидетелей) [248].

В 1791 г. Евстафий Яковлевич Яновский продолжал служить на Печерске в военном госпитале и, как зарекомендовавший себя специалист, приглашался в Киево-Печерскую лавру для лечения больных. Сохранились сведения и о том, что он разговаривал на украинском языке и любил рассказывать об Украине¹ [249].

Попутно отметим, что в 1773 г. одновременно со студентами Киево-Могилянской академии в Киевский военный госпиталь к доктору де Тейльсу обратились и учащиеся Переяславской семинарии с просьбой направить их изучать медицину в Санкт-Петербургские госпитальные школы [250].

Это были 22-летний Иван Андриевский — сын казака Василия из Миргородского полка, 19-летний Петр Барышевский — сын священника Леонтия из с. Цыбли Переяславского полка и 25-летний Петр Под — сын умершего подполковника Ивана из м. Мирополья Сумского полка.

В 1774 году Киево-Могилянская академия переживала тяжелое время. Несмотря на окончание Русско-турецкой войны

¹ Это интересно. Если прадед Евстафия Яновского был польский дворянин Ян из Киева и на того же предка ссылается бывший студент Киево-Могилянской академии (1663–1676), а потом архимандрит Великоновгородский и Великолуцкий, основатель Александро-Невской лавры в Санкт-Петербурге Феодосий (Федор Михайлович Яновский), то не исключено, что он и его племянник Мартын, учившийся у доктора Н. Бидлоо в Московской Госпитальной школе (1718–1724) — родственники (?)

1768–1774 гг. и прекращение в городе моровой язвы, академия крайне нуждалась в материальных средствах, будучи предоставлена исключительно себе самой и не получая от правительства даже такой субсидии, какою пользовались, например Московская академия, Харьковский коллегиум и другие епархиальные школы. А между тем Киевская академия стремилась, по мере возможности, соответствовать запросам времени [251]. Она, по-прежнему, предоставляла учащимся возможность получать разносторонние, глубокие знания, в том числе и желающим продолжить свое образование в области медицины.

Так были настроены в эти годы и руководители, отвечавшие за состояние Академии — Киевский Митрополит Гавриил Кременецкий — человек преисполненный любовью к просвещению, и ректор Академии Никодим Панкратьев. Именно они благословили в 1774 г. *«добропорядочных в учебе и неподозрительных поведением»* студентов приобретать медицинские знания в Госпитальных школах Санкт-Петербурга и Москвы.

18 февраля 1774 г. доктор Киевского полевого госпиталя Иван де Тейльс рапортовал генерал-губернатору Ф.М. Воейкову о том, что ему подали прошения девять студентов Киевской Академии, желающие изучать медицину и им следует дать подорожную [252]. В «Свидетельствах», выданных им из Академии и подписанных префектом иеромонахом Никодимом, указывалось, что они присягнули на верность императрице Екатерине Алексеевне и наследнику Российского престола Павлу Петровичу. Только присягали они в разных монастырях — все в Киево-Братском ученическом, а Емельян Карпинский — уроженец Белгородской епархии, протопопии Ахтырской слободки Хухры — в церкви Бориса и Глеба Черниговского монастыря. Это подтверждает сведение о том, что до класса Богословия Емельян Карпинский — сын священника Иоанна — находился в Черниговском коллегиуме и только в 1773 г. перешел в Киевскую академию. Учился он *«с успехом надежным, жития и состояния был честного»*. Количество лет, которое указывалось обычно в

конце документа, к сожалению, утеряно из-за обрыва листа. Можно предположить, что ему был 21 год [253]. Более подробные сведения сохранил архивный документ о втором студенте Академии, пожелавшем изучать медицину – 20-летнем Григории Тарасевиче, обучавшемся с 1766 г. от нижних классов до философии, которую изучал 4 месяца с *«успехом похвальным»*, а *«жития и состояния был честного, без всякого подозрения»*. В Аттестате, который выдала ему Киевская Духовная Консистория за подписью архимандрита Киевского Златоверхого монастыря Феофоктиста сказано, что он уроженец Киевской епархии, Борзнянской протопопии¹, села Плисек, сын умершего священника Якова из Михайловской церкви. Григорий просил направить его в Санкт-Петербургский госпиталь [254].

Из того же класса философии уезжал в Петербург и сын казака Нежинского полка Ивангородской сотни Гаврилы Барана – Степан Барановский. В Киево-Могилянской академии он обучался с 1766 г. от нижних классов до философии, которую изучал 4 месяца *«с успехом изрядным и жития был похвального»*. В 1774 г. ему был 21 год. Аттестат подписал префект Киевской академии иеромонах Никодим [255].

Ученику класса риторики Ивану Титовичу префект академии Никодим в «Аттестате» написал, что тот был из м. Кобыжчи Киевского полка, сыном посполитого Михаила. В Киевскую академию поступил в 1764 г. и учился по 1773 г. от нижних классов до риторики, которую изучал 1 год. «Аттестат» Ивану Титовичу был выдан 28 февраля 1773 г. [256].

В 1774 г. уехал изучать *«медико-хирургическую науку»* в Петербург и сын казака Макара Чернявского из села Шатрищ Нежинского полка – Иван Макарович Чернявский. В Киево-Могилянскую академию он поступил в 1767 г. проучился до 1774 г. *«от нижних классов до риторики, которую изучал 5 месяцев с успехом похвальным»*. От роду Ивану Чернявскому был 21 год.

¹ Протопопия – старинное название духовного правления.

Документ о завершении учебы в академии подписал префект иеромонах Никодим 15 февраля 1774 г. [257].

Ученик класса риторики Петр Марцинкевич родился в семье казака Михаила, служившего в первой сотне Стародубского полка, находившейся в г. Стародубе. Первоначальное образование он получил, вероятно, в одном из коллегиумов, поскольку в Киевскую академию Петр Марцинкевич поступил в 1773 г. в возрасте 21 года и обучался риторике 4 месяца [258].

22-летний ученик класса риторики Федор Балабан родился в селе Белоцерковец Пирятинской сотни Лубенского полка, где его отец Константин нес казацкую службу. В Киево-Могилянскую академию Федор поступил в 1764 г., когда ему исполнилось 12 лет и проучился от нижних классов до риторики, которую изучал полтора года. 15 февраля 1774 г. получил «Аттестат» из академии и вместе со своими товарищами уехал в Петербург [259].

Иван Гилевский — сын священника Андрея из церкви Рождества Богородицы села Малых Будищ Киевской епархии Опошнянской протопопии, поступил в Киевскую академию в октябре 1773 г., когда угроза чумы миновала и в ней возобновились занятия. Риторику он изучал 4 месяца «с успехом средним», однако, латынь, вероятно, знал неплохо и *«состояния был честного»*. Где Иван Гилевский учился до Киевской академии документ не указывал, но его тоже рекомендовали в медико-хирургическую школу [260].

Девятым студентом Киево-Могилянской академии, уезжавшим изучать медицину в феврале 1774 г. был Александр Добровольский. Он был сыном умершего священника Кирилла из села Глевахи Киевской епархии, Верхнекиевской протопопии. В Киево-Могилянскую академию он поступил в 1765 г. и изучил все предметы от нижних классов до риторики, которую учил пять месяцев *«с успехом средним»* [261].

20 февраля 1774 г. генерал-аншеф Ф.М. Воейков этот список студентов из 9 человек подписал и сообщил в Малороссийскую коллегию для выдачи им подорожной [262].

Историки (А. Алелеков, Л. Змеев, Я. Чистович, В. Асоченский и другие), писавшие свои работы о XVIII в. и использовавшие архивы Медицинской канцелярии и Медицинской коллегии, а также Киево-Могилянской академии, восстановили память о многих учениках *«малороссийских латинских школ»*, внесших свой вклад в развитие медицины XVIII века. Много поработали над этой темой и современные историки (В. Плющ, Н. Бородий, З. Хижняк, С. Верхрадский, П. Заблудовский и другие), и, тем не менее, как мы имели возможность убедиться, различные фонды киевских архивов позволяют находить новые фамилии лекарей, вышедших из стен Киево-Могилянской академии. На предыдущих страницах этой главы, посвященной первой половине 70-х гг. XVIII в., нам удалось несколько пополнить этот список.

Глава 8

СТУДЕНТЫ КИЕВО-МОГИЛЯНСКОЙ АКАДЕМИИ, ПОСТУПИВШИЕ В МЕДИКО- ХИРУРГИЧЕСКИЕ ШКОЛЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 70-х ГОДОВ XVIII ВЕКА

Во второй половине 70-х годов XVIII в. Киево-Могилянская академия переживала не лучшие времена своей истории. Императрица Екатерина II стремилась преобразовать ее в обычное светское учебное заведение, лишив ее прежних привилегий. Однако ректоры, преподаватели и Киевские митрополиты старались сохранить и десятилетиями отработанные программы и уровень подготовки учеников и студентов.

Об этом свидетельствует список лучших студентов в количестве 45 человек, которых рекомендовала Академия для продолжения их образования в медико-хирургических школах Санкт-Петербурга и Москвы.

Из числа отобранных мы хотели бы назвать в первую очередь двоих студентов из этого списка, которые, получив медицинское образование, со временем вернутся в Киев и будут служить в военном госпитале на Печерске — Степана Федоровича Берлинского и Ивана Федоровича Ризенко.

Степан Берлинский родился в 1755 г. в с. Новая Слобода Путивльского повета Курского наместничества. Его отец был священником и правил службу в Михайловской церкви. Родословная Берлинских — представителей польской шляхты сохраняется в Государственном архиве Киевской области [263].

Прадед Степана Федоровича — Яков, служил Трембовским подчашиим. Этим почетным титулом удостаивалась придворная шляхта XIV в., поскольку отвечала за поставку напитков к столу. За эту службу он получил село Кулинцы. Дед Лазарь имел титул Ливского чашника. Польский король Казимир пожаловал семье герб «Нечуя» за преданную службу и военные подвиги. Часть представителей этого рода, проживавшая в селе Берлинец на Подолии, отделилась и обосновалась на слобожанщине. Отец Степана — Федор поселился в с. Новая Слобода под фамилией Берлинский. В семье было 6 сыновей: Степан, Михаил, Матвей, Максим, Василий и Алексей. Все они учились в Киево-Могилянской академии и каждый из них оставил свой след в истории культуры Украины XVIII—XIX вв.¹

После завершения учебы в академии от нижних классов, включая философию, Степан Федорович Берлинский уехал изучать медицину в Санкт-Петербургскую школу (при сухопутном госпитале) (1778) [264]. Получив звание лекаря, служил в войсках, а 10 апреля 1806 г. его назначили штаб-лекарем Киевского военного госпиталя, переводя из Орловской врачебной управы [265]. В Киеве Степан Федорович жил с женой Пелагеей Петровной и дочерью Любовью на Печерске, в собственном деревянном доме около Ольгинской церкви [266]. Он умер до 1845 г., поскольку в документах за этот год его жена значилась вдовой статского советника [267].

¹ Максим Федорович Берлинский (1764–1848) известен как талантливый историк.

Стефанъ Антѣвскій уроженецъ Малороссійскій
 Паша мѣстнаго мѣстечка Сатинцова Овдѣль
 Цѣрковъ Антраковскій свѣдѣнія Сибирска Антѣ
 ского сына Натанъ рѣши въ Киевской Академіи
 съ 1773 года отъ Нѣмцѣвъ Класовъ того года въ ономъ
 то же 1773 году до Истории, Потома рѣши для
 того съ рѣшѣнъ Нѣмцѣвъ, Антѣ и Сатинцова
 Класовъ, въ Потома и Потома Антѣ и
 Класовъ, въ 1773 году Нѣмцѣвъ Класовъ, Потома
 въ ономъ обѣщѣнъ въ Историю свѣдѣ, въ

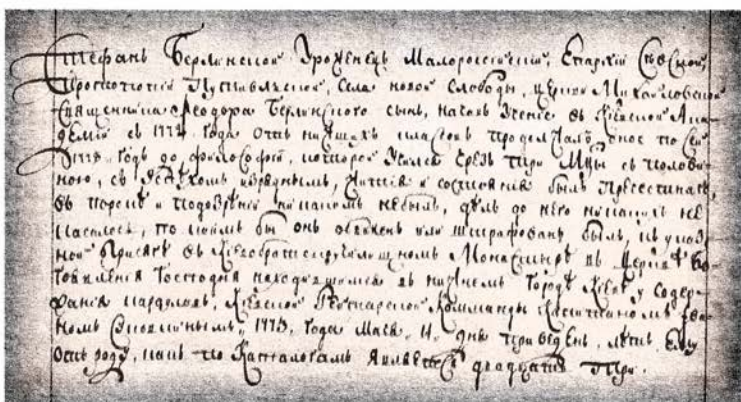
Исторію Антѣ въ Киевской Академіи. Монахъ
 въ 1773 году обѣщѣнъ Сатинцова Натанъ въ
 мѣстѣ Сатинцова у Сатинцова Антѣ
 ректорскій Кошманъ Сатинцова Антѣ
 мѣстѣ 1773 года мѣстѣ Сатинцова Антѣ
 отъ 1773 года Антѣ.

Прѣдѣла Антѣ Антѣ.

Прѣдѣла Антѣ Антѣ.

Прѣдѣла Антѣ Антѣ.

Копія Свидѣтельства об окончаніи учебы в Киево-Могилянській академіи
 студента С. Андриевскаго

Копия Свидетельства об окончании учебы в Киево-Могилянской академии студента С. Берлинского

В 1778 г. приступил к изучению медико-хирургической науки в Московской Госпитальной школе товарищ С.Ф. Берлинского по философскому классу Киево-Могилянской академии Иван Федорович Ризенко [268]. Он родился в Киеве в семье райцы (выборного советника) Киевского магистрата Федора Васильевича Ризенко и его жены Анастасии Лаврентьевны, проживавших на Подоле. Они относились к старинному православному польскому роду, имевшему за заслуги предков герб «Лада» [269].

Его дед Василий, имевший усадьбу на Подоле в приходе Воскресенской церкви приходился внуком киевскому войту Д. Полоцкому [270]. На окраине Киева в районе Сырца отец Ивана имел хутор, винокурню и рошу, купленные в 1748 г. [271].

Иван Федорович Ризенко учился в Киево-Могилянской академии с 1766 г. от нижних классов, включая философский, который посещал три с половиной месяца. Он учился «с успехом хорошим», владел русским и латинским красноречием, знал иностранные языки.

После окончания Госпитальной школы при Московском генеральном госпитале, служил в войсках и одно время находился в г. Гродно, в котором жил его старший брат — лекарь в отставке Дмитрий. Послужной список И.Ф. Ризенко нами не найден, но докумен-

тально известно, что до 1828 г. он служил в Киевском военном госпитале и во время Русско-турецкой войны 1768–1774 доктор медицины надворный советник Иван Федорович Ризенко, несмотря на свой возраст, помогал лечить больных в переполненном госпитале (1828) [272]. Умер И. Ф. Ризенко в 1829 г. [273].

В 1778 г. помимо С.Ф. Берлинского и И.Ф. Ризенка ряды военных лекарей из числа студентов Киево-Могилянской академии пополнило еще 43 человека. Этому способствовали два указа, присланные в Киев из Государственной Медицинской коллегии в декабре 1777 г. В марте 1778 г. о них докладывал лекарь киевского второго батальона Федор Матковский митрополиту Гавриилу. Лекарю Ф. Матковскому *«было велено, употребляя благопристойный способ, как возможно стараться приглашать студентов, желающих определиться к обучению медико-хирургической науки»*. В декабре 1777 г. предлагалось набрать в школу Московского госпиталя 29 человек, а в марте 1778 г. — еще дополнительно туда же 7-х, а в Санкт-Петербургский генеральный сухопутный госпиталь — 16, *«знающих довольно латинский язык и в соответствии добропорядочных»* [274]. 23 января 1778 г. Ректор Киево-Могилянской академии, Архимандрит Кассиан в своем *«нижайшем доношении»* митрополиту Гавриилу сообщил, что лекарь Федор Матковский представил на рассмотрение реестр набранных студентов в медицинскую науку [275].

Первым в этом «Реестре» лекарь Ф. Матковский записал Ивана Шишковского — 23-летнего студента класса философии. Он был выходцем из Польши, уроженцем Луцкой епархии Волынского повета, села Пятигорец. Его отец — Федор правил священническую службу в церкви Рождества Пресвятой Богородицы. В 1766 г. с разрешения отца Иван ушел в Киев вместе с богомольцами своего села и поступил в Киевскую академию. В католическую Польшу он не захотел возвращаться, поэтому принял присягу на верность Российскому престолу 26 мая 1767 г. в Киево-Братском училищном монастыре. На основе Сенатского Указа от 16 августа 1739 г. (и повторенного 10 июня 1740 г.) всех выходцев — христиан из Польши и

Литвы беспрепятственно принимать в России. Доучившись с успехом до класса философии включительно, он уехал в 1778 г. изучать медицину в Московскую госпитальную школу [276].

Вторым в «Реестре», представленном митрополиту Гавриилу, значился 20-летний студент класса философии Григорий Полянский — уроженец м. Козельца, сын мещанина Павла Полянского. Об этом сообщили 9 февраля 1777 г. в Киевскую академию из Козелецкого магистрата войт и бургомистр. В их «Доношении» сказано, что эта семья налогами не обременена и долгов за ней не числится, поэтому Григорий может продолжать учебу и определять себе занятия по своему усмотрению. Учитывая, что в Киевской академии он с успехом усвоил латынь и остальные науки, принял присягу на верность императрицы Екатерины II и наследнику престола Павлу Петровичу, ректор Кассиян — известнейший ученый-богослов, преподававший студентам риторику и философию, одобрил желание Г. Полянского продолжить учебу в медицинской школе Московского госпиталя [277].

В 1778 г. уезжал из Киевской академии в Московскую госпитальную школу изучать медицину уроженец г. Киева Афанасий Бучинский. Семья жила на Подоле, отец — Тимофей служил в Ковальском цехе, но в 1770 г. умер от моровой язвы. Афанасий учился в Киевской академии от нижних классов до философии, которую изучал несколько месяцев. 12 января 1778 г. Киевский магистрат выдал ему документ за подписью войта Григория Пивоварова о том, что семья благонадежная, долгов за ней никаких не числится и *«не должна ничего по налогам»*. Такое свидетельство властей давало возможность Афанасию Тимофеевичу Бучинскому ехать в Москву для изучения медицины [278].

О студенте Киево-Могилянской академии Николае Романовском, уезжавшем в Москву изучать медицину, известно лишь то, что сообщила в своем показании властям жена кравчего (портного) Авдотья Нарышкина 17 ноября 1766 г.: *«Николай Романовский родился в ее доме (видимо в 1756 г.) от малороссиянина Ивана Семеновича Романовского. В 1766 г. в десятилетнем возрасте передан киевскому мещанину*

Ивану Романовичу Тихоновичу, чтобы «жить у него неотлучно до совершеннолетия». Из этого документа следует, что Николай остался сиротой и его в возрасте 10 лет отвезли в Киев, где он должен был жить не в академической Бурсе, а в семье Тихоновича «неотлучно», пока не завершит учебу в академии и станет совершеннолетним. В 1778 г. 23-летний студент (видимо, философского класса) принял решение стать военным лекарем [279].

Среди отъезжавших в Московскую Госпитальную школу (1778) для изучения медико-хирургической науки был студент класса риторики Петр Малашевский. Он родился в 1760 г. в семье киевского жителя Федора Малашевского. В 1769 г. мать Елена Назаровна (вероятно вдова) определила сына в Киево-Могилянскую академию, в которой он изучил латынь и все науки, включая риторику. Его мать умерла в Киеве от чумы (1770). «Свидетельство» о семье выдал сироте Петру Федоровичу Малашевскому магистрат за подписью войта Григория Пивоварова и бургомистра Дмитрия Александровича. В нем говорилось о том, что Петр Малашевский свободен от налогов и долгов и может ехать в царствующий град Москву *«для научения медицинского искусства»*. Ректор и префект Киевской академии свидетельствовали, что учеником он был хорошим, *«состояния и поведения честного»* [280].

В 1778 г. уезжал изучать медицину в Московский госпиталь 19-летний сирота Александр Тредияковский. Он родился в семье горожанина Киево-Подолы Иосифа Тредияковского. В 1769 г. его мать — вдова Ирина определила сына изучать русскую грамматику. После ее смерти от чумы в 1770 г. Академия взяла полную опеку над ее сыном. Все предметы в Киевской академии, включая риторику, он успешно усвоил и был рекомендован ректором и префектом продолжать учебу в Москве. Киевский войт Григорий Пивоваров и бургомистр Дмитрий Александрович выдали А.И. Тредияковскому документ о том, что он действительно житель Киева, не обремененный долгами. Присягу на верность Российскому престолу он дал вместе со своими товарищами в 1769 г. [281].

В 1768 г. поступил в Киево-Могилянскую академию Михаил Вышневецкий. Как сообщает сохранившийся архивный документ *«его отец Савва зашел в Малую Россию из заграничных мест и находился при доме полковника Стародубского Федора Максимовича, где и женился на его родственнице. Через многие годы жили они с женой в доме подкомория Ивана Марковича»*. После смерти мужа Саввы его жена с детьми оставалась там же. Эти сведения из биографии Михаила Саввича Вышневецкого засвидетельствовал 17 января 1778 г. сам подкормий (судья, занимавшийся в гетманской администрации межевыми земельными вопросами) — Иван Маркович. Усвоив академический курс от нижних классов до риторики, которую изучал 2 года и 3 месяца, 23-летний Михаил Вышневецкий уехал в 1778 г. изучать медицинскую науку в школу Московского госпиталя. Ректор Киевской академии Кассиян включил его в список наиболее успевающих студентов, рекомендованных продолжить учебу в области медицины [282].

В 1778 г. среди желающих стать медиками, а не священниками, оказалось несколько студентов школы богословия. Это были сыновья священников, первоначально готовившиеся унаследовать парадии своих отцов. Впоследствии, в силу семейных или личных обстоятельств они кардинально изменяли свои будущие профессии.

Так, вероятно, произошло и с некоторыми студентами, возраст которых превышал 25 лет. Среди них был уроженец села Безбаховки Прилуцкого полка и Прилуцкой протопопии Александр Житецкий. Его отец Симеон правил службу в церкви Св. Николая. Синодальные указы XVIII в. требовали, чтобы сыновья священников усвоили всю программу обучения в Киевской академии, иначе они не имели права жениться и наследовать место отцов. Александр Житецкий родился в 1753 г. и с 1768 по 1778 г. учился в Киево-Могилянской академии, включая изучение богословских наук в течение трех месяцев *«с успехом нехудым»*. Поскольку *«жития и состояния он был честного»*, *«дел против него никаких обвинительных не было»*, а присягу на верность Россий-

скому престолу он принял в церкви Богоявления Господня училищного Братского монастыря на Подоле, руководство академии рекомендовало 25-летнего Александра Семеновича Житецкого в медицинскую науку [283].

В списке студентов Киево-Могилянской академии, избравших профессию военного лекаря и уезжавших в 1778 г. в Московскую госпитальную школу, были два брата Травулинских (Травлинских) — 27-летний Антон и 20-летний Онисим. Родом они были из местечка Ични Прилуцкого полка Ичнянской протопопии, сыновья умершего священника Преображенской церкви Якова Травулинского (Травлинского). Старший брат — Антон (р. 1751), поступивший в Киево-Могилянскую академию в 1769 г. и учившийся от нижних классов до Богословия, которое изучал три месяца с *«успехом изрядным»* [284]. После окончания Московской госпитальной школы был направлен служить в г. Несвиж Черниговского наместничества (1783), а через год — переведен в Борзнянский, а оттуда в Ромненский повет (1784). Дальнейшая служба Антона Яковлевича Травулинского проходила в г. Екатеринославе (1790), Козловском пехотном полку (1794). Звание штаб-лекаря он получил в 1796 г. и два последующих года служил в Богуславском повете Киевской губернии. Место акушера Новороссийской (Екатеринославской) врачебной управы он занимал в 1800—1828 гг. К этому времени относится его научная работа «О пуле 20 месяцев в полости черепа пребывшей, без всяких болезненных припадков» (1805 г.) [285].

Младший брат Антона Травулинского — Онисим, родившийся в 1758 г. и поступивший в Киевскую академию в 1772 г., успешно завершил учебу школой философии, которую изучал три месяца. Основательное знание латыни, иностранных языков, истории, географии, математики позволили его рекомендовать продолжать учебу в Московскую госпитальную школу. Как сложилась его дальнейшая судьба пока не известно [286].

Большой набор учеников в Московскую госпитальную школу в 1778 г. из Киево-Могилянской академии (36 человек из 50,

предусмотренных планом), свидетельствовал о высоком уровне подготовки студентов. Это учебное заведение Восточной Европы и в эти годы оставалось, по образному определению доцента протоиерея Василия Заева — *«светильником духовного просвещения, образования и науки»* [287].

Московский госпиталь, в котором предстояло учиться и проходить практику уезжавшим в него выходцам с Украины, ежегодно оказывал медицинскую помощь от 2 до 6 тысячам пациентам. Его медицинский штат составляли в то время: Главный доктор, Главный лекарь, оператор, 5 лекарей, 20 подлекарей, аптекарь и аптекарский ученик. В период ведения Семилетней войны (1756—1763 гг.) госпиталь был расширен до 1 тыс. коек за счет постройки деревянных флигелей. Условия для подготовки лекарей и подлекарей из числа набравшихся в 1778 г. учеников были благоприятными [288].

Среди отъезжавших в 1778 г. изучать медико-хирургические науки в Московскую Госпитальную школу был еще один студент школы Богословия Илья Капля. Он родился в селе Малая Девица Прилуцкого полка Прилуцкой протопопии. Его отец — священник Захарий Капля правил службу в Троицкой церкви. Своего сына он определил в Киево-Могилянскую академию в 1766 г., в которой Илья проучился почти 12 лет от нижних классов до богословского, который посещал 3 месяца. Как отмечали его учителя *«учился он с успехом хорошим, жития и состояния был честного»*. Присягу на верность Российскому престолу принимал в церкви Богоявления Господня Киево-Братского училищного монастыря [289].

Среди желающих изучать медицину в 1778 г. была группа студентов Киевской академии, учившихся в школе философии. Одним из первых подал прошение Антон Чарнуцкий — уроженец Киева, сын умершего священника Святодуховской церкви Григория. Это здание, выстроенное Петром Могилой в 1630-х годах для размещения в нижнем этаже классов коллегиума, а на втором — библиотеки и

зала для торжеств, сохранилось на территории Киевской академии до наших дней. Оно реставрировано в 2009 г.

Не исключено, что отец Антона Чарнуцкого в молодости также был студентом Академии, изучавшим богословские науки. Своего сына священник Григорий определил в ее нижние классы в 1769 г., когда сыну исполнилось 13 лет. В 1778 г. 22-летний Антон Чарнуцкий — студент школы философии, которую он изучал три с половиной месяца *«с успехом изрядным»* и *«во всем был добропорядочным»*, уезжал постигать медицину в Московскую госпитальную школу [290].

Три с половиной месяца проучился в школе философии студент Григорий Павловский. Он родился в 1751 г. в селе Дудчинец Галаяцкого полка, которым в те годы командовал полковник Иван Родзянка (1749—1757). Отец Григория — Иосиф Павловский был священником Михайловской церкви, но в Московскую госпитальную школу сына провожала в 1778 г. мать-вдова. В Киево-Могилянскую академию Григорий поступил в 1772 г., когда эпидемия чумы на Подоле уже прекратилась и в училищный монастырь стали собираться ученики. Как свидетельствовали учителя, Григорий Павловский учился *«с успехом хорошим»*, *«поведения был честного»* и *«жалоб до него никаких не касалось»*. В *«царствующий град Москву»* Григорий Иосифович Павловский уезжал 27-летним молодым человеком с хорошей общеобразовательной подготовкой [291].

В 1778 г. уезжал изучать медицину в Московскую госпитальную школу студент философии Киево-Могилянской академии 23-летний Григорий Лехницкий. Он родился в 1755 г. в местечке Журавка Прилуцкого полка Прилуцкой протопопии. Его отец был священником местной Воскресенской церкви, но к 1778 году его уже не стало. Григорий поступил в Киево-Могилянскую академию в 1769 г. изучил все предметы от нижних классов, включая философию, которую штудировал три с половиной месяца *«с успехом нехудым»*. Поведения он был *«честного и неподозрительного»*, присягу на верность Российскому престолу дал

22 мая 1769 г. и ректор Академии Кассиян включил его в «Рестр» на подпись Митрополиту Гавриилу [292].

Ряды учеников Московской госпитальной школы пополнили в 1778 г. еще 4 студента школы философии Киево-Могилянской академии — Стефан Яновский, Моисей Андриевский, Михаил Княгиницкий и Николай Калифизин.

20-летний Стефан Яновский родился в селе Ольшаны Прилуцкого полка в семье священника Якова Яновского. В Киевскую академию родители отправили сына в 1769 г., где он проучился 9 лет от нижних классов до философии, которую изучал *«с успехом хорошим»* 3 месяца. Учителя отмечали, что на протяжении учебы Стефан отличался *«добропорядочным и честным поведением»*. Правление Академии рекомендовало Стефана Яковлевича Яновского в медико-хирургическую школу [293].

Моисей Андриевский родился в 1758 г. в селе Тепловке Лубенского полка в семье священника церкви Св. Духа — Алексея. В Киево-Могилянской академии учился с 1769 г. от нижних классов до философского включительно *«с успехом нехудым»*. Вместе со своими товарищами присягал на верность Российскому престолу в 1770 г. [294].

Михаил Княгиницкий родился в 1757 г. в Киеве — в центре Киевского полка, которым в те годы (1751–1762) командовал Дараган Ефим Федорович [295]. Семья жила в Верхнем городе, в приходе Георгиевской церкви, в которой отец Михаила — протопоп Иосиф, правил службу. Своего сына он определил в Академию в 1769 г., в которой Михаил учился от нижних классов, включая философию, которую слушал три с половиной месяца. Способностей он был *«средственных»*, но *«жития и состояния»* — честного. Никаких дел, обвиняющих его не имелось. Присягу на верность императрице Екатерине II и наследнику Павлу он подписал вместе со своими товарищами в церкви Богоявления Господня Киево-Братского училищного монастыря (1769) [296].

20-летний Николай Калифизин — уроженец села Братцов Московского уезда. Его отец Иван привез Николая в Киевскую

академию (1766), в которой он учился от нижних классов до философии, которую изучал один год «с успехом изрядным». «Жития и состояния он был пречестного». 6 июня 1768 г. вместе со своими товарищами присягал на верность Российскому престолу. В 1778 г. Николай Калифизин принял решение ехать в Московскую госпитальную школу для изучения медико-хирургической науки [297].

Из класса риторики Киево-Могилянской академии в январе 1778 г. уезжало в Московскую госпитальную школу четверо учеников, подавших прошения в декабре 1777 г.: Елисей Савицкий, Никита Квятковский, Илларион Поступальский и Андрей Круглик.

Елисей Савицкий родился в 1752 г. в селе Иржанец Киевского полка. Его отец — священник Успенской церкви Иоанн — отпустил сына в Киево-Могилянскую академию в 1773 г. после прекращения эпидемии моровой язвы. Елисей учился от нижних классов, включая риторику, которую познавал год и три месяца «с успехом изрядным». Поскольку во всех классах он проявил себя способным учеником и поведением был честного, его рекомендовали в медико-хирургическую школу при Московском госпитале. «От роду» ему было 26 лет [298].

Никита Квятковский родился в 1757 г. в селе Стодоле Киевского полка Нежинской протопопии. Отец Григорий был священником сельской церкви. В Академии Никита учился с 1773 г. от нижних классов до риторики, которую изучал 3 месяца «с успехом хорошим». Как указывает архивный документ «в 1778 году ему от роду был 21 год» [299]. После завершения учебы в Московской госпитальной школе Никита Квятковский продолжил совершенствовать свои знания в Кенигсбергском университете, где защитил диссертацию на тему «Анатомо-физиологические тезисы о флюидах нервов, перекрестках их в узлах» (1784) и получил звание доктора медицины. В работе исследовался вопрос о роли нервной системы в жизни человека и впервые он предложил понятие «нервный флюид» — жидкость, которая окружает нервы. Медицинскую науку Никита Квятковский

пополнил еще одной работой — «Медико-физические замечания о г. Ливны Орловской губернии» (1797). После возвращения из Кенигсберга в Россию Н.Г. Квятковский служил с 1784 г. в Санкт-Петербургском адмиралтейском госпитале. Дальнейшая его служба проходила в Курском (1785) и Орловском наместничестве (1794). В последние годы жизни он исполнял обязанности инспектора Орловской врачебной управы. Умер в г. Орле в 1812 г. [300].

Илларион Поступальский — ученик класса риторики, которую он изучал 3 месяца, в 1778 г. принял решение познать медицину и стать военным лекарем. Он родился в Киеве (1758 г.) в семье священника Алексея Поступальского, служившего в Благовещенской церкви Киево-Могилянской академии, которую в свое время закончил, вероятно, «с успехом изрядным», поскольку править Службу Божу в ней было большой честью. Эта церковь была пристроена к старинному Мазепинскому корпусу академии архитектором И.Г. Шеделем (1740) и называлась Конгрегационной. Она объединяла студенческую молодежь в Союз, заботясь о ее патриотическом воспитании, любви к Украине, национальной культуре и искусству. Окончив академию, бывшие ее студенты старались материально поддерживать свою церковь, присылая ей дары (книги, ноты, личные публикации, деньги, утварь)¹.

Илларион Алексеевич Поступальский учился в Киевской академии с 1772 г. и овладел всеми предметами, начиная с нижних классов. Как сложилась его лекарская судьба после учебы в Московской госпитальной школе пока неизвестно [301, 302].

¹ Например: группа бывших студентов, приглашенных преподавать в Московскую Славно-греко-латинскую академию подарили на престольное Евангелие московской печати 1689 г. в бархатном переплете и серебряном позолоченном окладе весом 10 ф. серебра. Бунчуковый товарищ Иван Турнавиот тоже подарил Евангелие 1735 г. в красном бархатном переплете в серебрянном позолоченном окладе с чеканными клеймами весом 6 ф. серебра. Подобные ценные дары были от Митрополита Тимофея Щербацкого, Епископа Сарского и Иорданского Иллариона, Семе́на Максимовича, Варлаама Ляшевского и др. Все эти реликвии бережно сохранились до 1920 г. [304, 305].

В список уехавших учиться в Московскую госпитальную школу в 1778 г. был включен 17-летний Василий Линцевский. Он поступил в Киево-Могилянскую академию в 1773 г. и проучился от нижних классов до поэтики, которую изучал 4 месяца. Василий родился в селе Желяны Киевского полка Киевоподольской протопопии. Отец — священник Моисей правил службу в Дмитриевской церкви, но к этому времени его уже не стало.

Педагоги академии сочли возможным направить Линцевского изучать медицину [303].

Вскоре после отъезда в январе 1778 г. из Киево-Могилянской академии большой группы студентов в Московскую госпитальную школу, из Государственной медицинской коллегии поступило новое повеление о дополнительном наборе — в Санкт-Петербургские медицинские учебные заведения — до 16 человек, а в Москву — до 7. Об этом сообщил Митрополиту Гавриилу 17 апреля 1778 г. лекарь Федор Матковский из второго Киевского батальона, которому было поручено приглашать студентов в медицинскую науку. 15 мая 1778 г. Ректор Киевской академии Кассиян и Префект иеромонах Иоанн передали Митрополиту для его благословения «Реестр» учеников всех классов, пожелавших стать медиками [306].

Несколько молодых людей из этого набора (С.С. Андриевский, Я.И. Саполович и Н.Ф. Колосовский) стали не только высококвалифицированными врачами, но и активными реформаторами и организаторами медицинского дела и образования в государстве. Санкт-Петербургские госпитали, в которых они сделали первые шаги в познании медицинской науки (сухопутный и морской), находились на берегу Невы. Между ними еще при Петре I была запроектирована церковь. Позади каждого госпиталя были заложены сады, простиравшиеся до казенных деревянных домов, в которых жили медицинские чины, а за этими строениями размещались летние деревянные бараки (палаты) для проживания больных в летнее время. Госпитали были рассчитаны на 1000 коек [307]. Вся группа киевских студентов, поехавших в 1778 г. в Санкт-Петербургские медицинские школы,

«стоявшие в один ряд на правом берегу Невы, стали слушать лекции у своего земляка с Полтавщины, бывшего студента Киево-Могилянской академии, Фомы Трофимовича Тихорского». Этот талантливый доктор медицины с 1768 г. преподавал в обоих госпиталях.

Стефан (Степан) Семенович Андриевский родился в 1758 г. в семье священника Михайловской церкви местечка Салтыковой Девицы Нежинского полка. В документе, выданном ему в 1778 г. сказано, что ему от роду 20 лет¹, в Киево-Могилянскую академию поступил в 1773 г. Учился от нижних классов до риторики, которую он изучал 2 года «с успехом изрядным». «Жития и состояния» Стефан Семенович был честного, присягу на верность Российскому престолу дал 14 мая 1773 г. Документ о завершении учебы в Академии подписал Ректор Кассиан [308].

Первоначально Степан Андриевский учился в Крондштатской госпитальной школе, затем его перевели в школу при военно-сухопутном госпитале. Через три года (1781) он получил звание подлекаря и первую серьезную медицинскую практику в Черниговском легкоконном полку. В 1783 г., сдав в Санкт-Петербурге экзамен на звание лекаря, вернулся на Черниговщину и к 1785 г. составил «Медико-географическое описание Черниговской губернии». Ознакомившись с этим научным трудом молодого ученого, Медицинская коллегия признала его выдающиеся способности. В это время в Уфимском наместничестве разразилась эпидемия неизвестной болезни, которая поражала людей и скот. Обеспокоенный этими событиями, Сенат создал комиссию из опытных лекарей, чтобы изучить клинику, патологическую анатомию и эпидемиологию болезни, которую по предложению С.С. Андриевского называли «сибирской язвой». В результате трехлетней экспедиции в Южно-Уральский регион и испытании 18 июля 1786 г. «сибирки» на себе, им были написаны труды,

¹ Дату рождения С.С. Андриевского (1758) мы указываем соответственно записи в документе Киево-Могилянской академии. Она отличается от даты (1760), публиковавшейся в статьях о нем.

получившие высокую оценку медицинской общественности и внесшие весомый вклад в медицинскую науку: «О сибирской язве» (1788), «О происхождении заразительной болезни», «Краткое описание сибирской язвы» (1796). Последняя книга была издана Медицинской коллегией и распространена по всем губерниям России в качестве руководства при проведении противоэпидемических мероприятий и лечения этого заболевания. Она переиздавалась в 1798 г. и в 1829 г. (уже с небольшими дополнениями). Перу С.С. Андриевского принадлежат и другие работы: «О костных опухолях» (1789–1792), «О литотомии» (1792), «О нагноении костей черепа» (1789–1792).

В 1789 г. С.С. Андриевский, вернувшись в Санкт-Петербург из экспедиции, был направлен в сухопутный госпиталь преподавать анатомию, хирургию и «внешние болезни». Студенты Киевской академии, поступавшие в Петербургские госпитальные школы до конца XVIII в. имели счастливую возможность учиться у выдающегося ученого — земляка и реформатора высшего медицинского образования в России. Он разработал первый официальный карантинный устав и штаты больниц, их структуру, таблицы хозяйственного и медицинского оборудования. В 1793 г. С.С. Андриевский составил «Инструкцию физикату», которая определяла роль и значение этого органа государственного санитарного надзора. В 1800 г. он участвовал в разработке первого краткого наставления для военных врачей «Правила по которым старшие и младшие лекари при воинских командах поступать обязаны». Объехав все ботанические сады (в том числе и украинские), Степан Семенович старался решить вопрос о выращивании таких растений, которые бы обеспечили армию и население отечественными лекарствами. Его волновал вопрос о состоянии Купянских аптечных садов и об этом изложил в своей работе. Этот энергичный и инициативный человек стремился навести порядок во всех областях медицины. Для своих студентов и товарищей по службе он был образцом служения своему делу. В 1804 г. при открытии в Санкт-Петербурге Медико-хирургической академии, С.С. Андриевский был назначен ее первым президентом. Киево-

Могиланская академия могла гордиться своим бывшим студентом. Однако такой ученый и энтузиаст не вписывался в общество иностранных медиков, которые наводнили Санкт-Петербург и начали вести интриги против С.С. Андриевского и тот, покинув город и медицинское поприще, уехал сначала в Гродно, потом в Киев, где служил вице-губернатором, а завершил свою карьеру в Астрахани в должности гражданского губернатора, заботившегося о повсеместных прививках против оспы [309, 310].

В мае 1778 г., получив «Свидетельство» из Киево-Могиланской академии, уезжал в медицинскую школу при сухопутном госпитале Санкт-Петербурга студент школы Богословия Дмитрий Колосовский. Он родился в сотенном местечке Городне Черниговского полка, в котором нес казацкую службу его отец Никифор. Поскольку Дмитрий поступил в Киевскую академию в 1776 г., а завершил в 1778 г., проучившись 7 месяцев в школе Богословия, можно предположить, что он учился первоначально в Черниговском коллегииуме до школы риторики включительно, а философские и богословские науки постигал в Киеве. Как свидетельствует архивный документ, учился он *«с успехом хорошим, жития и состояния честного, в пороке и подозрении никак не был, дел до него никаких не касалось по каким бы он обвинен или штрафован был»*. На верность императрице Екатерине II и ее наследнику Павлу присягал в церкви Богоявления Господня Киево-Братского училищного монастыря 21 мая 1776 г. при поступлении в академию [311]. Проучившись в медицинской школе 2 года, в звании подлекаря его направили служить на флот (19.03.1780—14.04.1782), где Дмитрий Никифорович Колосовский получил звание лекаря и продолжил работать по специальности, а 2 мая 1784 г. его перевели во Владимирский драгунский полк, в котором он находился 2 года. С 25 января 1786 г. Дмитрий Никифорович служил лекарем в Воронежской губернии, где получил звание штаб-лекаря (18.01.1792). С 25 мая 1799 г. по 1803 г. его служба проходила в г. Задонске. Прослужив военным лекарем 25 лет, он вышел в отставку, переехал в Киев и поселился с разрешения Митрополита послушни-

ком в Киево-Печерскую Лавру «*в палате под оградой*» (т. е. в Онуфриевской башне). В январе 1806 г. Д.Н. Колосовский завершил свое (возможно медицинское) послушание в Лавре. О дальнейшей судьбе штаб-лекаря Д.Н. Колосовского пока документов не найдено [312].

В 1778 г. уезжал в Санкт-Петербургскую госпитальную школу с большой группой своих товарищей по Киево-Могилянской академии 20-летний студент школы риторики Яков Саполович. Он родился (1758 г.) в сотенном местечке Сребрянке Прилуцкого полка в семье посполитого Иосифа. В Киевскую академию Яков поступил в 1773 г. и учился от нижних классов, включая риторический, в котором находился 8 месяцев. Всеми предметами он овладел «*с успехом хорошим, жития и состояния был честного*». 14 мая 1774 г. присягал на верность Российскому престолу в церкви Богоявления Господня Киево-Братского училищного монастыря. С таким документом, подписанным Ректором академии Кассияном и Префектом иеромонахом Иоанном поехал Яков Саполович в Санкт-Петербург [313]. Изучать медицину он начал в Крондштатской госпитальной школе (1778), но уже через год его перевели в школу при сухопутном генеральном госпитале, где получил звание подлекаря (1780) и был оставлен для усовершенствования знаний в области анатомии и хирургии. В 1783 г. его удостоили звания лекаря и как талантливого хирурга оставили служить прозектором в госпитале, а через 3 года в качестве оператора Яков Иосифович уже возглавлял хирургическое отделение (1790–1799). Сохранилась его рукопись лекции по хирургии (1790). В 1795 г. Я.И. Саполовича избрали членом Медицинской коллегии, в которой он служил вплоть до ее ликвидации (1803). В этот период Медицинская коллегия работала над проблемой становления системы высшего образования в стране. Над выработкой этого документа, который получил название «Предварительное постановление о должностях учащихся и учащихся до воспоследования полного для врачебных училищ устава» (1795) работали вместе с Я.И. Саполовичем профессора С.С. Андриевский и М.М. Тереховский – все трое бывшие

выпускники Киево-Могилянской академии. Этим документом был строго регламентирован весь учебный процесс врачебных училищ, уточнены задачи обучения, определены порядок избрания профессоров и требования к ним, введены должности их заместителей — адъюнктов. Общее число профессоров доводилось до 7 по числу преподаваемых наук — математики и физики, химии и ботаники, анатомии и физиологии, патологии и терапии, хирургии, «материя медика» и рецептуры, «повивального искусства» [314]. Профессор Я.И. Саполович принимал участие и в создании документов, касающихся проведения экзаменов для докторов медицины, которые приезжали в Россию из других государств. В начале XIX в. возникла необходимость в создании учебника для студентов семинарий и священников, в программу обучения которых вводилась медицина. В написании его принял участие и Яков Иосифович (1803). С открытием Санкт-Петербургской медико-хирургической академии Я.И. Саполович был избран ее почетным членом. Как хирург он проявил большую заботу о производстве хирургических инструментов в своем государстве. И когда в Санкт-Петербурге на Аптечном острове стараниями руководителя Медицинской коллегии графа А.И. Васильева старинная Инструментальная фабрика была преобразована в Инструментальный хирургический завод, первым руководителем его стал профессор Я.И. Саполович. Выдающийся хирург, организатор медицинского образования в стране, автор «Краткого наставления о лечении болезней простыми средствами». — Ч. 2 (СПб, 1803). Умер от холеры в Санкт-Петербурге (1830) [315, 316].

15 мая 1778 г. Ректор Киевской академии Кассиан и Префект иеромонах Иоанн сообщали Митрополиту Киевскому и Галицкому Гавриилу о том, что академия направила к лекарю второго батальона Федору Матковскому студентов, желающих изучать медицину в Санкт-Петербургских и Московских госпиталях. А дальше указывались новые фамилии, подавших прошения.

Студент Богословия Андрей Сварыка — уроженец Малороссии Лохвиницкой протопопии села Песок, сын священника Ва-

сия из церкви Успения Пресвятой Богородицы. Он поступил в Киевскую академию в 1767 г. и учился от нижних классов до Богословия, которое изучал 7 месяцев «с успехом изрядны». «Жития и состояния был пречестного». «Лет ему от роду — 20», присягу на верность Императрице Екатерине II и Великому князю Павлу дал 22 мая 1769 г. [317].

Из студентов школы философии уезжал в Санкт-Петербургские медицинские школы студент Лев Михайловский. Он был уроженцем Лубенской протопопии г. Лубен, сын священника Николаевской церкви Михаила. В Киево-Могилянскую академию он поступил в 1769 г. и учился от нижних классов до философского «чрез семь месяцев» с «успехом хорошим». «Жития и состояния был честного в пороке и подозрении никак не был, дел до него никаких не казалось». Присягал на верность Российскому престолу 22 мая 1769 г. В мае 1778 г. лет ему от роду было 20 [318].

В 1778 г. уезжал в Санкт-Петербургские госпитальные школы изучать медицину Иван Молтянский. Он родился в 1759 г. в г. Нежине, который в те годы был центром Нежинского полка. Его отец священник Фома Молтянский правил службу в Николаевской церкви, но к 1778 г. его не стало. Иван поступил в Киево-Могилянскую академию в 1770 г., когда в городе разразилась эпидемия чумы и родители, вероятно, увезли 11-летнего сына домой. С возобновлением занятий в академии Иван Молтянский изучил все предметы, преподававшиеся в нижних классах и дошел до философии, которую слушал семь с половиной месяцев «с успехом изрядным». Рекомендую своего студента продолжать учебу в северной столице, ректор и префект подтверждали, что «жития и состояния был честного» присягу на верность Императрице Екатерине II и Великому князю Павлу Иван Молтянский дал 14 мая 1773 г. [319].

В отдельном «Реестре», поданном на утверждение Митрополиту Гавриилу, ректор Кассиан перечислил студентов Киево-Могилянской академии из семей разночинцев, пожелавших в 1778 г. изучать медицину. Среди них был студент школы Богословия

Андрей Макиевский — сын умершего казака села Макиевки Хмеловской сотни Лубенского полка Ефима (Литвиненка). В Киевскую академию Андрей поступил в 1768 г. и изучал все науки от нижних классов до Богословия, которое слушал семь месяцев *«с успехом изрядным»*. Поведения он был честного. В документе, выданном ему Академией, указывалось, что лет ему от роду 20 [320].

В 1778 г. подал прошение о желании продолжить образование в одной из госпитальных школ Санкт-Петербурга студент школы Богословия Киево-Могилянской академии Стефан Григоренко, родившийся в 1757 г. *«в Азовском местечке Самара»* в семье атамана Запорожской Сечи Федора Григоренка. В 1767 г. родители определили Стефана (Степана) в нижние классы Киево-Могилянской академии, в которой изучил весь курс наук до Богословия *«с успехом изрядным»*. Поскольку *«жития и состояния был честного, в пороке и подозрении никак не был»*, а присягу на верность Российскому престолу дал 6 июня 1768 г., Степана Григоренка, которому от роду был 21 год, рекомендовали в *«медико-хирургическую науку»* [321].

Проучившись в школе Богословия Киево-Могилянской академии *«чрез семь месяцев»*, уезжал в Санкт-Петербург для продолжения образования в одной из медицинских школ Иван Туча. Он родился в 1756 г. в местечке Огульцы Слободского Харьковского полка в семье посполитого Ивана Тучи. В 1767 г. родители определили его в нижние классы Киево-Могилянской академии, в которой он прошел весь курс наук до Богословия. По свидетельству учителей, ректора и префекта Иван Туча учился *«с успехом хорошим, жития и состояния был честного, в пороках и подозрениях никаких не был»*. Вместе со своими товарищами присягал 6 июня 1768 г. на верность императрице Екатерине II и наследнику престола Великому князю Павлу. В конце «Свидетельства», выданного академией Ивану Туче в мае 1778 г. значилось, что *«лет ему от роду»* было 22 [322].

Тринадцать лет изучал науки в стенах Киево-Могилянской академии (1765—1778) уроженец *«Нижнего города Киева»* (Подо-

ла) сын горожанина Василия — Федор Когодовский. В школе Богословия он проучился семь месяцев «с успехом изрядным» и принял решение с согласия родителей стать лекарем. От роду ему было 21 год, «*жития и состояния*» Федор всегда был честно-го, «*в пороке и подозрении никак не был*». Присягу на верность Российскому престолу дал в 1765 г. 14 мая. Ректор Академии Кассиан и Префект иеромонах Иоанн включили Федора Васильевича сына Когодовского в «Реестр», рекомендованных в медико-хирургические госпитальные школы Санкт-Петербурга (1778) [323].

Уроженец г. Чернигова (Черниговской епархии) сын умершего священника Михаила, правившего службу в церкви Крестовоздвижения, Михаил Жиравский учился в Киево-Могилянской академии с 1777 по 1778 г. сначала в классе философии, а потом — в богословском. Курс наук от нижних классов, включая риторический, он, вероятно, освоил в Черниговском коллегиуме. Поскольку 20-летний Михаил Жиравский учился в Киевской академии «с успехом изрядным» и «*состояния был честного*», его рекомендовали в медико-хирургическую науку и отправили в одну из госпитальных школ Санкт-Петербурга (1778) [324].

С группой студентов Киево-Могилянской академии, уезжавших в Санкт-Петербургские госпитальные школы, отправился в 1778 г. и студент школы Богословия Петр Чедневский. Он родился в 1756 (1757?) в семье священника села Прачова Борзненской протопопии Нежинского полка (имя умершего отца в архивном деле отсутствует). В 1763 родители определили Петра в нижние классы Академии, а в 1777—1778 учебном году он изучал богословские науки семь месяцев «с успехом преизрядным». Поскольку «*жития и состояния он был честного*» и 5 мая 1764 г. присягнул на верность Российскому престолу в церкви Богоявления Господня Киево-Братского училищного монастыря, ректор Академии Кассиан и префект иеромонах Иоанн поддержали его желание стать военным лекарем [325].

20-летний студент школы философии Киево-Могилянской академии Василий Рейницкий тоже изъявил в 1778 г. желание стать военным лекарем. Он родился в сотенном местечке Соснице Черниговского полка в семье казака (1758). Родители привезли сына в Киев и определили в нижние классы учебного заведения (1769). В 1778 г. Василий, оставшись после смерти отца Трофима сиротой, завершил свое образование школой философии, которую изучал семь с половиной месяцев «с успехом изрядным». В «Свидетельстве», которое ему было выдано перед отъездом в Санкт-Петербург, отмечалось, что «*жития и состояния Василий Рейницкий был честного*», а Российскому престолу присягал 20 мая 1770 г. [326].

С 1765 г. учился в Киево-Могилянской академии Стефан Протанский, уроженец г. Белой Церкви Житомирского повета Киевского воеводства. Его отец Павел был польским шляхтичем, но к 1778 г. Стефан осиротел. Изучив все предметы от нижних классов академии до философии, которую слушал семь с половиной месяцев, 20-летний студент Протанский вместе с товарищами уезжал продолжать свое образование в Санкт-Петербургских медицинских школах. В его «Свидетельстве» руководство и учителя Киевской академии записали, что учился он «с *успехом хорошим, жития и состояния был честного*». Присягу на верность Екатерине II и наследнику Павлу дал 14 июня 1773 г. в церкви Богоявления Господня Киево-Братского училищного монастыря. Как сложилась его дальнейшая судьба и служба пока не известно [327].

В 1778 г. покинули Киево-Могилянскую академию и продолжили образование в Санкт-Петербургских госпитальных школах четверо студентов школы риторики: Владимир Федорович, Стефан Веснинский, Иван Костич и Василий Переяславец.

Владимир Федорович родился в 1759 г. в еврейской семье города Умани. В Киевскую академию поступил в 1776 г. и до 1778 г. изучал риторику. В каком учебном заведении он получал первоначальное образование архивный документ не сообщает [328].

Стефан Веснинский родился в 1759 г. в семье войскового товарища г. Нежина Ивана Веснинского. В Киево-Могилянскую

академию поступил в 1773 г. и в течении пяти лет прошел учебу от нижних классов, включая риторический, «с успехом хорошим». Поскольку «жития и состояния» Стефан был честного и присягу на верность Российскому престолу дал в церкви Богоявления Господня академии, его записали в список рекомендованных для поступления в Санкт-Петербургскую госпитальную школу [329].

Иван Костич — ученик школы риторики Киево-Могилянской академии родился в 1762 г. в семье казака Ивана Костича, служившего в сотенном местечке Борзна Нежинского полка. В нижние классы Киевской академии Иван поступил в 1772 г. и с успехом учился восемь месяцев риторике. В 1778 г. вместе со своими товарищами подал прошение ректору академии Кассияну о желании продолжить свое образование в Госпитальной школе Москвы или Санкт-Петербурга, и был записан в «Реестр» отобранных, который рассмотрел Митрополит Киевский и Галицкий Гавриил и благословил изучать медицину и стать врачом [330].

В медико-хирургическую школу решил поступить в 1778 г. и Василий Переяславец. Он родился в 1760 г. в семье Ивана Переяславца — мещанина крепости Св. Елизаветы Елисаветградской провинции. В Киево-Могилянскую академию Василий поступил в 1774 г. и учился от нижних классов, включая риторический «с успехом изрядным». «Жития и состояния» он был честного. Никаких поступков, порочащих его, за ним не наблюдалось. Присягу на верность Екатерине II и наследнику Павлу дал 14 мая 1774 г. в церкви Богоявления Господня Киево-Братского училищного монастыря на Подоле. Ректор Киевской академии Кассиян и преподаватели считали кандидатуру Василия Переяславца достойной для обучения медицине в одной из госпитальных школ Санкт-Петербурга или Москвы [331].

В 1778 г. пожелали изучать медицину и стать военными врачами два ученика школы пиитики Киево-Могилянской академии — Иван Пашенков и Андрей Васнехнов. Они были сыновьями казаков.

Иван Пашенков родился в селе Махновке Ивангородской сотни Нежинского полка в 1760 г., где нес казацкую службу отец

Прокоп Пашенков. В 1774 г. 14-летнего сына родители определили в нижние классы Киевской академии. К 1778 г. он окончил класс пиитики, которую изучал восемь месяцев *«с успехом изрядным»*. В «Свидетельстве», выданном Ивану Пашенкову, отмечалось, что *«жития и состояния он был честного»*, присягу на верность императрице Екатерине II и наследнику престола Великому князю Павлу дал 14 мая 1775 г. в церкви Богоявления Господня Киево-Братского училищного монастыря.

Андрей Васнехнов родился в 1759 г. в селе Чепелевка Воронежской сотни Нежинского полка в семье казака Максима Васнехнова. В Киево-Могилянскую академию Андрей поступил в 1775 г. и проучился от нижних классов до пиитики, которую изучал восемь месяцев *«с успехом изрядным»* и в течение учебы в академии отличался *«житием и состоянием честным»*. Вместе со своими товарищами присягал Российскому престолу служить верой и правдой. В 1778 г. продолжил свое образование в одной из госпитальных школ, куда направляла Медицинская коллегия по приезду студентов Киево-Могилянской академии в Москву [332].

В Киево-Могилянской академии учились студенты, родившиеся не только в Киевской, но и в других епархиях. Поэтому, все, кто хотел продолжить свое образование в медико-хирургических госпитальных школах Москвы и Санкт-Петербурга обязаны были обратиться за разрешением к своему епископу. Так произошло и в 1778 г., когда два студента школы философии – Иван Максимович и Василий Мокиевский решили стать лекарями. В Центральном государственном историческом архиве Киева (ЦГИАКУ) сохранились их «Нижайшие донесения» епископу Переяславскому и Бориспольскому Иллариону, написанные 23 января 1778 г. [333].

Иван Максимович сообщал о себе, что он *«нижайший, принадлежавший до Епархии Вашей, протопоии Миргородской, села Зайчинец, умершего священника Максима Данилевского сын¹... По*

¹ Это интересно. Уезжая, Иван подписывается фамилией не «Данилевский», а «Максимович» – по имени отца – Максим

изобучении русской грамматики, обучался в Киевской академии от начатков и прохожу ныне первой год философии...» «Теперь избрал для себя медико-хирургическую науку, разсуждая о настоящем состоянии жизни моей». Далее Иван просит епископа позволить ему вступить «в оную науку» и дать ему аттестат. Подпись под прошением — Иван Максимович.

Василий Мокиевский в своем «*нижайшем доношении*» Епископу Переяславскому и Бориспольскому Иллариону сообщил о себе, что он протопопии Сорочинской, местечка Богачки, сын половинного священника церкви Рождества Богородицы Дамиана. В киевской академии Василий учился от нижних классов до философии, которую слушал один год. «*Но разсуждая о настоящем состоянии жизни моей, — писал он, — избрал для себя оное в медико-хирургической науке.*» И в заключении своего «*нижайшего доношения*» Василий Мокиевский просил у Епископа разрешения ехать изучать медицину.

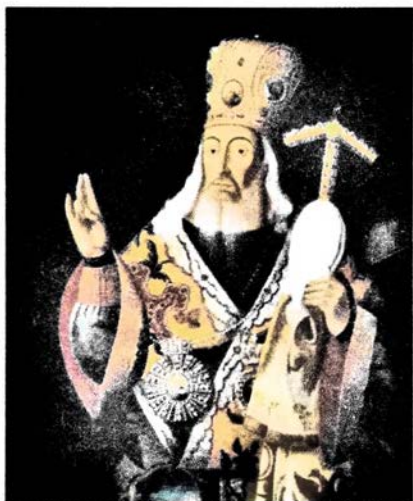
Все студенты Киево-Могилянской академии (классов поэтики, риторики, философии, богословия), принявшие решение изучать медицину, отлично знали латынь, которую они изучали начиная с нижнего грамматического класса на протяжении всего обучения — в среднем и высшем грамматических классах, в поэтическом, риторическом, философском и богословском. Если при окончании грамматических классов ученики уже могли вести школьные разговоры на латинском языке, то в поэтическом — сами сочиняли разного рода латинские стихи и продолжали разговаривать по-латински. В последующих классах студенты читали лучших латинских авторов с риторическим разбором и сочиняли речи, которые произносили в классе. Краткую историю философии, логику, метафизику, нравственную философию, церковную историю и другие дисциплины в последних классах академии слушали уже на латинском языке. В публичных диспутах знание старшеклассников проверялись по всем предметам [334].

Глава 9

СЛУЖБА В АРМИИ И НА ФЛОТЕ ВЫПУСКНИКОВ КИЕВО-МОГИЛЯНСКОЙ АКАДЕМИИ В 80-е ГОДЫ XVIII СТОЛЕТИЯ

На образование и воспитание студентов Киево-Могилянской академии 80-х и 90-х годов XVIII в. (как и в предшествующие десятилетия) большое влияние оказывали ректоры: Кассиан Лехницкий (1775–1784 гг.), Варлаам Миславский (1784–1791 гг.), Иероним Блонский (1791–1795 гг.), Феофилакт Слонецкий (1795–1803 гг.) и митрополит Самуил Миславский (с 1783 г.). 21 год преподавал в Академии (1783–1804) выдающийся ученый Ириней Фальковский. Все они были в прошлом студентами Киевской академии и, став выдающимися учеными, возглавляли ее, думали не только об общем руководстве учебным заведением, но проверяли и оценивали подготовленные педагогами лекции, еженедельно посещали занятия в старших классах – философии и богословия, сами опрашивали учеников, проверяли домашние и школьные работы, обязательно присутствовали на диспутах. Сами ректоры занимали должности профессоров богословия и ежегодно заботились о подборе преподавателей. Все, кто учил и кто учился в Киево-Могилянской академии, старались пополнить ее библиотеку, которая была ценнейшей в Украине [335].

Самуил Миславский (1731–1796) —
Ректор Киево-Могилянской
академии (1761–1768)

Ириней Фальковский (1762–1823).
В 1783–1804 гг. обучал студентов
Киевской академии математике,
астрономии, гидравлике, оптике, архи-
тектуре, философии, теологии и ино-
странным языкам. Ректор 1803/1804.

Приняв сан Митрополита Киевского и Галицкого, Самуил Миславский поставил перед собой задачу — *«первым долгом пастырского своего звания обратить внимание на Академию»*. И с первых же дней своего управления начал вводить в курс ее преподавания новые предметы и определять новых учителей, которые бы смогли научить студентов не только хорошо читать по немецким и французским книгам, но и правильно выговаривать, чисто писать и бегло говорить на этих языках. Кроме того, он пригласил из Троице-Сергиевой семинарии лучшего преподавателя российской поэзии Д.И. Сигиревича для приобщения учеников к творениям М. Ломоносова. Во всех этих распоряжениях Самуила Миславского преследовалась цель — сравнять курс преподавания в Киевской академии с университетскими [336].

В политическую, экономическую, духовную и медицинскую жизнь государства из Киевской академии выпускались студенты с

хорошей подготовкой. Это следует отметить, поскольку в последующие два десятилетия XVIII в. Россия переживала не лучшие времена в области дипломатии и политики. Турция, проиграв войну 1768—1774 гг. и окончательно потеряв Крым в 1783 г., готовилась к реваншу. Швеция не могла примириться с конкуренцией России в Балтийском море и стремилась вытеснить соседа с Финского залива, захватить Санкт-Петербург. Сама императрица Екатерина II вынашивала планы участвовать в очередных разделах Польши. В этих условиях шла подготовка армий к предстоящим войнам, а вместе с тем, госпиталей и дополнительного количества врачей.

Военные действия не заставили себя долго ждать. В 1787 г. началась война с Турцией, которая продлилась до 1791 г., потом со Швецией (1788—1790 гг.), второй (1793 г.) и третий (1795 г.) разделы Польши [337, 338].

Архивы Киева позволили нам уточнить биографии студентов Киево-Могилянской академии, поступавших изучать медико-хирургическую науку в последние два десятилетия XVIII в.

25 июня 1780 г. в адрес Переяславского епископа Иллариона было послано «Нижайшее доношение» от студента школы философии Киево-Могилянской академии Ильи Трипольского, в котором он сообщал о том, что родился в селе Скопец, относящегося к Переяславской епархии и обучался в Переяславской семинарии *«от русской грамматики до риторики»* в течение пяти лет. Его отец — половинный парафиальный священник Иоанн разрешил ему продолжить обучение в классе философии Киевской академии. Там Илья Трипольский в течение 1779—1780 гг. изучал философию и немецкий язык. Далее он просил епископа Переяславского и Бориспольского Иллариона *«исключить его из вверенной ему епархии и ... благословить отлучиться в Санкт-Петербург, в медицинское учение»*. Такое разрешение и благословение было получено [339].

В 1762 г. родился в семье священника сотенного местечка Решетилровка Полтавского полка Василий Григорьевич Жуковский. В середине 70-х годов он был определен родителями в Киево-Могилянскую академию, в которой с нижних классов

стал изучать латынь, российскую грамматику и другие науки. Не исключено, что отец собирался передать свою парафию сыну. Однако, не пройдя полного курса наук в академии, включая богословие, Василий предпочел светское звание духовному и поступил в медико-хирургическую школу при Санкт-Петербургском генеральном госпитале, в которой уже учились его товарищи по Киевской академии.

С одним из них — Степаном Семеновичем Андриевским в будущем тесно переплетется служебная карьера Василия Григорьевича. В 1786 г. они окажутся в одной экспедиции в Оренбургской губернии по изучению сибирской язвы (1786—1791 гг.). Звание лекаря В.Г. Жуковский получил в 1787 г., а штаб-лекаря — в 1791 г. В эти годы он нес еще службу лекаря и во 2-м Оренбургском батальоне, а после 1791 г. — в Челябинском округе. В историю медицины Василий Григорьевич Жуковский войдет, как один из лучших знатоков лечения сибирской язвы. Ему принадлежит ряд научных работ по этой проблеме — «О сибирской язве» (1793—1794 гг.), «О свирепствующей в Челябинске болезни» (1793 г., рукопись).

В последующие годы своей службы (1797—1817 гг.) он исполнял обязанности инспектора Оренбургской и Уфимской врачебных управ, уделяя большое внимание обучению учеников в Оренбургском госпитале. До конца жизни жил в Оренбурге, где и похоронен в 1822 г. [340].

В 1783 г. завершил свою учебу в Киево-Могилянской академии и уехал изучать медицину в Московскую госпитальную школу, родившийся в мещанской семье г. Киева (1762 г.) Федор Григорьевич Чернявский.

Получив звание подлекаря, Федор Чернявский в 1788 г. начал службу в Курске, где штаб-лекарь Горбатовский создал школу по изучению и лечению каменной болезни. После трехлетнего пребывания в этой школе Ф.Г. Чернявский получил звание лекаря (1791 г.), а в 1801 г. — штаб-лекаря. Дальнейшая его служба проходила с 1792 г. поветовым лекарем в городе Богатом Курской губернии,

а с 1797 г. — в г. Щиграх. В 1808 г., когда в Астрахани разразилась эпидемия чумы, штаб-лекарь Ф.Г. Чернявский был командирован туда для оказания помощи местным медикам. За свой добросовестный труд лекаря он получил чин коллежского асессора. До конца жизни жил в Щиграх, где и скончался в 1812 г. [341].

В 1783 г. из Киево-Могилянской академии уехали изучать медицину в госпитальную школу при сухопутном госпитале Санкт-Петербурга 24-летний Григорий Базилевич и 23-летний Иван Тышевский. Судя по их возрасту, они были студентами школы философии или богословия.

Григорий Базилевич (1759–1802 гг.) родился в слободе Боромля Ахтырского повета Белгородской епархии. Его отец — священник Иоанн правил службу в одной из местных церквей и готовил сына к духовному званию. Однако, Григорий, получив согласие отца, которое обычно направлялось в Правление академии, решил стать медиком. Хорошо образованный и способный Григорий Базилевич уже через два года получил звание лекаря (1785 г.) и был направлен повышать свою квалификацию на медицинском факультете Страсбургского университета — старейшего в Европе учебного заведения. Основанный в 1621 г. германским императором он отошел к Франции, после захвата французским королем Людовиком XVI западного берега р. Рейна. В 1791 г. Г.И. Базилевич защитил диссертацию на звание доктора медицины и хирургии («О всасывающей системе»). Его научная работа была посвящена вопросам патологии сосудов и их лечению. Диссертация вызвала большой интерес в научном мире и была переиздана в Лейпцигском университете (1793 г.), а сам автор остался еще на два года в Гёттингенском университете — одном из самых крупных и старейших университетов Нижней Саксонии (Германия)¹.

¹ Воспитанником прославленного университета в Гёттингене А.С. Пушкин сделал Владимира Ленского — героя романа «Евгений Онеги».

В 1795 г. Григорий Иванович Базилевич возвратился в Санкт-Петербург и Главным директором Медицинской коллегии бароном А.И. Васильевым был назначен профессором патологии и терапии Медико-хирургического училища столицы. Он стал первым профессором клинической кафедры в Российской империи и в 1799 г. избирался ученым секретарем Государственной Медицинской коллегии. Судя по его рукописным научным работам, Г.И. Базилевич уделял большое внимание вопросам организации и совершенствования высшего медицинского образования в государстве («Об устройстве госпиталя» — 1797 г.), «Мнение о повивальном институте» — 1800 г.) [342].

Будущий участник Русско-турецкой войны 1787–1791 Иван Тышевский, завершив учебу в Киево-Могилянской академии (1783 г.), уехал в Санкт-Петербург для поступления в Медико-хирургическую школу при сухопутном госпитале. Он родился в семье украинской шляхты (1760 г.), жившей в селе Сачковичи Топальской сотни Стародубского полка. Прочувшись два года (1783–1785) в медицинской школе и получив звание подлекаря, Иван Григорьевич начал свой путь военного медика в Полтавском легкоконном полку, где заслужил чин лекаря (1788 г.).

Начавшаяся в 1787 г. очередная война России с Турцией за северное побережье Черного моря потребовала сосредоточения на юге двух армий — Екатеринославской (главной) под командованием фельдмаршала Г.А. Потемкина-Таврического и Украинской (вспомогательной) — во главе с фельдмаршалом П.А. Румянцевым-Задунайским. Но были еще такие дивизии, перед которыми ставились самостоятельные задачи. К таким относилась дивизия генерал-аншефа А.В. Суворова. Медицинское обеспечение армий было спланировано так, что наиболее численную армию фельдмаршала Г.А. Потемкина обслуживали госпитали в Херсоне, Ольвиополе и Богоявленске, а армию П.А. Румянцева — в Киеве, Райгородке (а потом в Атакаре и Сороке) [343]. В гуще этих военных событий оказался и лекарь Иван Дмитриевич Тышевский, спасавший раненых после боев

при Очакове, Аджибее и Бендерах. После окончания войны (1791 г.) он был оставлен в Екатеринославском наместничестве (1792–1794 гг.), в котором долечивались в госпиталях раненые и больные, пострадавшие в прошедшую войну.

Последующая служба военного лекаря И.Д. Тышевского проходила в Преображенском полку, в котором он получил звание штаб-лекаря (1795 г.), а в 1797 г. переехал служить в Полтаву городовым лекарем. Там на свои средства штаб-лекарь И.Д. Тышевский построил аптеку и гражданскую больницу. Проработав один год (1802) акушером в Черниговской врачебной управе, он вернулся в Полтаву на ту же должность и на протяжении 27 лет был первым официальным акушером Полтавской губернии. Умер в Полтаве (1830 г.). После себя он оставил не только добрую память у полтавчан, но и ряд научных работ (в рукописях): «Медико-хирургические наблюдения» (1797 г.), «Операции литотомии» (1800 г.), «О предосторожности от рожков в хлебе» (1803 г.). Он принял участие и в разработке программы обучения студентов Черниговской семинарии основам медицины [344].

Будущий главный доктор Балтийского флота (1800 г.) Марк Иванович Гороховский родился в Киеве. Образование получил в Киево-Могилянской академии и в 1785 г. уехал изучать медицину в Московский университет, который имел практическую базу в госпитале и его школе, славившимися своими традициями, заложенными еще в начале века их создателем Н. Бидлоо. Прослушав полный курс медицинских наук в университете, Марк Иванович хотел поехать в старейшие европейские университеты для повышения квалификации и написания диссертации, но поездка не состоялась, и он был направлен служить подлекарем в Санкт-Петербургский сухопутный госпиталь (1793 г.). В 1795 г. М.И. Гороховский подал в Государственную Медицинскую коллегию свою научную работу «О физиологии дыхания», написанную на латинском языке и, сдав экзамен, получил звание доктора медицины. В 1796 г. его служебная деятельность проходила в Воронежской губернии, а через год, вернувшись в Санкт-

Петербург, недолго служил лекарем в Адмиралтейском госпитале (1798 г.) и вскоре получил назначение на госпитальный корабль Балтийского флота. В связи с постоянными войнами в XVIII в. со Швецией за берега Финского залива и выход в Балтийское море, еще со времен Петра I встал вопрос о создании госпиталей на кораблях. Первые такие судна закупались в Голландии.

В конце XVIII в. госпитальные корабли претерпели значительные усовершенствования благодаря деятельности предшественника доктора медицины Гороховского — Главного доктора российского флота (1776—1800 гг.) Андрея Гавриловича Бахерахта (1724—1806 гг.). Этот талантливый исследователь и организатор всесторонне изучил жизнь и деятельность матросов на кораблях, опубликовал наставление «Способ к сохранению здоровья морских служителей и особливо в Российском флоте находящихся» (1780 г.). Оно было разослано командирам и лекарям как официальное руководство. Многие положения этого труда не потеряли актуальности и в наше время. Они предусматривали обращать особое внимание на отбор служителей на морскую службу, поскольку они болели чаще, чем сухопутные из-за отсутствия *«привычки к морю, к морской пище и корабельной работе...»* Особое внимание Бахерахт уделял вопросам организации лечебной работы в корабельных условиях, содержании больных в лазарете, мерах по предупреждению инфекционных болезней. Через три года вышла вторая книга А.Г. Бахерахта «Аптека для Российского флота или роспись всем нужным лекарствам коих по рангу корабля для шести месяцев вояжа в корабельном ящике иметь должно» (1783 г.). Учитывая специфические корабельные условия, препятствующие приготовлению сложных лекарственных прописей на борту корабля, медицинские ящики, по мнению автора, должны содержать заблаговременно заготовленные в береговых аптеках лекарственные формы и их набор. По мнению Бахерахта, для штатных кораблей Балтийского флота следовало изготовить для мирного времени — 40 ящиков, а для военного — 48. В перечне медикаментов корабельного ящика

предусматривалось иметь 140 наименований простых лекарств, 42 — сложных и перевязочные материалы. Он разработал вопросы о количестве коек в корабельных госпиталях, о питании больных матросов, о соблюдении чистоты и порядка, о целесообразной и удобной одежде и др.

А.Г. Бахерахт был многосторонне подготовленным врачом. Кроме вопросов организации медицинской службы флота, фармацевтики, его интересовали и другие методы лечения. Так, он один из первых в России стал применять лечение магнитом, в частности, при зубной боли [345].

В 1800 г. главный лекарь Российского флота А.Г. Бахерахт ушел в отставку, предоставив Марку Ивановичу Гороховскому возможность дальнейшего совершенствования обеспечения флота и борьбы с эпидемическими заболеваниями. М.И. Гороховский оправдал возложенные на него обязанности, уделив особое внимание созданию портовых карантинных пунктов. В бытность его руководителем медицинской службы Российского флота, был утвержден «Устав пограничных и портовых карантинных пунктов» [346].

Спустя два года доктор медицины М.И. Гороховский получил назначение на должность инспектора Слободской управы в Украине, а потом Олонецкой. В 1806 г. его служба еще продолжалась. В историю медицинской литературы М.И. Гороховский вошел как переводчик «Лекарственника» Пернера с латинского языка (1792 г.) и «Лечебника» Штерна — с немецкого (1789 г.). [347].

В 1788 г. из Киево-Могилянской академии уехал изучать медицину в Московский университет 20-летний сын священника Черниговской епархии, завершивший класс философии, Фома Барсук-Моисеев (Мойза) (1768—1811 гг.). Учился он отменно, получив в студенческие годы золотую медаль за работу о повивальном искусстве, и первым из питомцев университета был удостоен степени доктора медицины (на основании привилегии, данной в 1793 г. Московскому университету, разрешавшей присваивать такие высокие звания). Диссертация Фомы Ивановича на тему «О дыхании» была напечатана в университетской типо-

графии. В 1796 г. он представил ученому совету свою очередную работу — перевод с латинского языка книги Блюменбаха «Физиология или наука о естестве человеческом» (в 2-х частях). В последующие годы им были переведены с латинского языка сочинения Гамбергера «Способ лечить болезни» (1798 г.) и Шлере-та «Аптека или наука составлять разные как внутрь, так и снаружи употребляемые лекарства» (в 3-х частях) (1793–1811 гг.). В 1801 г. в Москве была издана его научная работа на русском языке «О влиянии воздуха, времен года и метеоров на здоровье человека». Профессор Московского университета Фома Иванович Барсук-Моисеев был первым отечественным физиологом. В 2011 г. Московский университет отметил 200-летие со дня его смерти [348, 349].

О жизни студентов Киево-Могилянской академии в госпитальных школах Москвы и Санкт-Петербурга до 1786 г. (когда они были преобразованы в училища) сообщали многие историки медицины. Мы приводим свидетельство историка Я. Чистовича, основательно изучавшего в XIX веке архивные документы: *«Ученики госпитальных школ, принятые в комплект по штату госпиталя, жили все вместе в казенных госпитальных зданиях и пользовались содержанием от госпиталя, и кроме того получали жалованье по 24 р. в год, а в московском госпитале еще и сукна на платье»*. Питание учеников в госпитальных школах производилось на основании регламента о госпиталях. С первых же дней открытия этих учебных заведений школьники кормились *«по большому рациону»* наравне с больными. В Московской госпитальной школе, благодаря заботам Петра I и доктора Н. Бидлоо, дело обстояло хорошо и молодежь была довольна. Но в середине 40-х годов они стали отказываться от чарки вина, предлагая заменить ее выдачей денег — питание ухудшилось. Особенно в санкт-петербургских госпитальных школах. Пиво и квас, которые варили в госпиталях по монастырским рецептам, в ежедневном рационе сохранялись [350].

Учащиеся подчинены были непосредственно главному лекарю. Старшему доктору подчинялись все госпитальные чины. Число учеников в госпитальных школах было не одинаковым. В Московском госпитале оно определено было Петром I — в 50 учеников и оставалось неизменным целое столетие. В двух Санкт-Петербургских генеральных госпиталях — по 20. Хотя в течение XVIII в. это число иногда несколько увеличивалось. С самого основания госпитальных школ учащиеся делились на два больших класса — на подлекарей и учеников. Это были две последовательные степени школьного образования. Ученик, хорошо успевавший в течение нескольких лет и выдержавший экзамен, производился в подлекари, но не имел права заниматься самостоятельной медицинской практикой, пока не завершит полный курс медицинских наук. Начиная с 1735 г. учеников подлекарей стали посылать в полки помогать врачам во время военных действий, но с обязательным условием возвращаться в свои госпитальные школы для сдачи экзамена на звание лекаря. Так подлекарское звание из учебного превратилось в служебное [351].

Глава 10

ОТКРЫТИЕ МЕДИКО-ХИРУРГИЧЕСКИХ УЧИЛИЩ В РОССИИ (1786) И ИХ ПЕРВЫЕ ПРОФЕССОРА

1786 г. был переломным годом в жизни госпитальных медицинских школ России. Указом от 15 июля 1786 г. Государственная медицинская коллегия реформировала эти учебные заведения. Учебная программа в них была пересмотрена и расширена, поднята до уровня, позволяющего *«доводить докторскую степень»*, т.е. отныне стала соответствовать программам медицинских факультетов европейских университетов. В нее были включены новые предметы, в частности, акушерство, женские и детские болезни. Количество учеников в госпитальных училищах отныне доходило до 80 человек, их годовое жалование составляло 80 рублей. Разрешалось принимать на учебу и сверхштатных («своекоштных») учеников. Преподавательский состав в реформированных медицинских школах составлял: 3 профессора, 2 учителя — латинского и других иностранных языков, рисования, а также прозектор анатомии. Однако, вскоре ввели четвертую профессорскую должность для преподавания акушерства [352].

Преподавание велось по учебникам и пособиям, переведенным с иностранных языков. Причем, эти переводы сопровождались

комментариями и замечаниями уже отечественных медиков-переводчиков, в том числе профессоров госпитальных школ. К их числу относится, например, перевод М.И. Шеиным учебника по анатомии Гайстера (1757 г.) и учебника по хирургии Платнера (1761 г.). Н.М. Амбодик-Максимович подготовил для учащихся учебник из 3-х частей — «Врачебное веществословие или описание целительных растений в пищу или лекарство употребляемое», ставшее наиболее полным отечественным руководством по лечению лекарственными растениями. Полезными для студентов были и его словари: «Медико-хирургический словарь (1780 г.) и «Анатомо-физиологический словарь» в двух частях (на латинском, русском и французском языках). Н.М. Амбодик-Максимович перевел с иностранных языков ряд ценных медицинских сочинений Пленка и Соссерота. Еще в 1768 г. П.И. Погорецкий перевел с немецкого на латинский язык учебник по диагностике и лечению Шрайбера. Учебники Шрайбера и Гейстера будут использоваться и в начале XIX в. в качестве руководства учениками Киево-Могилянской академии.

Уже с 1781 г. новый предмет — акушерство стал читать учащимся Санкт-Петербургских госпиталей выдающийся ученый-энциклопедист Нестор Максимович Амбодик-Максимович (1744—1812). Первый лекарь царской России, удостоенный звания профессора акушерства (1782), родился в сотенном местечке Веприке Гадяцкого полка в семье священника. Историки медицины называют год его рождения разным — 1740 (В. Аскоченский), 1742 (Л.А. Периг), 1744 (Сб. Медицина в Україні...). Поступив в 1755 г. в Киево-Могилянскую академию, он имел возможность слушать лекции выдающихся ученых своего времени — ректора Манасия Максимовича (знатока иностранных языков, философии и богословия), Давида Нещинского (одаренного востоковеда, знатока арабского, греческого, древнееврейского языков), Самуила Миславского (талантливейшего преподавателя грамматики, поэтики и риторики, профессора богословия) [353].

Чтобы избежать однозвучия в своем отчестве и фамилии (Максимовича), Нестор придумал себе новую фамилию из двух латинских слов (*ambo-die*) и обращался с нижайшей просьбой за решением изменить ее на Высочайшее имя. Окончив в 1768 г. полный курс наук Киевской академии от нижних классов до Богословия, в числе отличившихся студентов он был направлен продолжать свое образование в открывшееся в Санкт-Петербурге Главное Народное училище, готовившее педагогов. Однако, ознакомившись в городе с медицинскими школами, решил поступить волонтером в сухопутный военный госпиталь для слушания курса врачебных наук. Блестящее знание латыни, иностранных языков, особенное призвание к медицине, обратили внимание всех известных тогда врачей на Нестора Амбодика-Максимовича и княгиня Екатерина Дмитриевна Голицына (ур. Кантемир) на свои средства отправила его в европейские университеты изучать повивальное искусство и другие медицинские науки. В Страсбурге он слушал лекции по акушерству у знаменитого профессора Ридерера, а в 1776 г. защитил диссертацию на тему «О печени человеческой» и первый из русских получил за рубежом звание доктора медицины. Тогда же, вернувшись в Санкт-Петербург, начал преподавать курс акушерства на русском языке в медицинских школах сухопутного и адмиралтейского госпиталей [354].

Как практик в области акушерства, Н.М. Амбодик-Максимович при переводе иностранных учебных пособий по венерическим болезням и другим медицинским предметам, к 140 страницам авторского текста добавил 60 собственных страниц с приложением историй болезни [355].

Кроме указанных выше учебников для учеников медико-хирургических училищ, Нестор Максимович в 1800 г. издал работу «Врачебные наставления о болезнях наиболее изнуряющих», которые изучали слушатели и медико-хирургических академий Санкт-Петербурга и Москвы.

Вскоре Н.М. Амбодика-Максимовича назначили и на должность акушера при Императорском воспитательном доме. Какое-то время он исполнял обязанности главного городского акушера.

Большая служебная нагрузка, однако, не мешала талантливому человеку заниматься научной деятельностью [356].

Почетный член Медицинской коллегии (с 1793 г.), член Вольного экономического товарищества Нестор Амбодик-Максимович скончался в Санкт-Петербурге в 1812 г.

Вторым профессором, назначенным в медико-хирургическое училище Санкт-Петербурга был Мартын Матвеевич Тереховский (1740–1796 гг.). Он родился в полковом городе Гадяче в семье священника. Получив основательное образование в Киево-Могилянской академии, Мартын поступил в 1763 г. в медицинскую школу при Санкт-Петербургском сухопутном госпитале [357].

В числе наиболее способных учеников был направлен на повышение своей квалификации в Страсбург, где в 1775 г. защитил диссертацию на тему «О хаосе инфузорий Линнея». По возвращении в Россию, М.М. Тереховского направили служить младшим доктором в Кронштадтский госпиталь, затем перевели в Санкт-Петербургский сухопутный, где он преподавал анатомию и ботанику, которой увлеченно занимался в течение трех лет в Ботаническом саду еще после окончания медицинской школы. В 1796 г. был завершен его большой научный труд — «Каталог растений Санкт-Петербургского ботанического сада». В 1792 г. выдающегося ученого-микроскописта избрали почетным членом Медицинской коллегии. Во вновь созданном медико-хирургическом училище доктор медицины М.М. Тереховский преподавал ботанику, «материю медику» и химию [358].

Одновременно с профессором М.М. Тереховским служил в училище Никон Карпович Карпинский (1745–1810) — воспитанник той же госпитальной школы. Он родился в семье казака села Даниловки Лубенского полка. Первоначальное образование получил в Харьковском коллегиуме, программа которого предусматривала большое количество светских предметов — французского и немецкого языков, геометрии, рисования, инженерства, артиллерии, геодезии. После окончания медицинской школы при Санкт-Петербургском сухопутном госпитале он получил

звания лекаря (1776 г.). Тогда же написал учебник по дисмургии — «Курс хирургических повязок». С 1778 по 1781 г. Н.К. Карпинский обучался в Страсбургском университете, где защитил диссертацию («О затруднениях встречающихся при иссечении камней»). В 1787 г. им была написана «Анатомия или трупоразъятие» и тогда же, в канун Русско-турецкой войны (1787—1791) он предложил новый образец хирургического набора для полковых лекарей. Таким был профессор Санкт-Петербургского медицинского училища, с которым встретились первые его ученики, приехавшие из Киево-Могилянской академии после 1786 г. Он преподавал им анатомию, хирургию и физиологию.

Четвертый профессор — Петер Фридрих Гофман, читавший лекции по вопросам патологии, терапии и медицинской практики не оставил после себя заметного следа в истории Санкт-Петербургского медицинского училища [359].

В Московском медико-хирургическом училище преподавание анатомии, хирургии и физиологии возглавил профессор Я.А. Риндер; ботаники, «материи медики» и химии — профессор Ф.Х. Стефан; патологи, терапии и повивального искусства — А.М. Шумлянский. Московское медико-хирургическое училище стало первым учебным медицинским заведением России, получившим право присваивать врачам ученую степень «доктора медицины».

В училище с 1793 г. работал профессором кафедры патологии и терапии Матвей Христофорович Пекен, впервые в России создавший особую клиническую палату на 10 коек, специально предназначенную для обучения студентов у постели больного. Куратором ее был назначен Ефрем Осипович Мухин, прибывший в госпиталь в 1795 г. на должность младшего доктора, с именем которого связана целая эпоха российской медицины [360].

Стремление Медицинской коллегии и передовых докторов медицины реформировать процесс преподавания медико-хирургической науки в стране привело к повышению качества подготовки кадров лекарей.

Медико-хирургические училища в Москве и Санкт-Петербурге просуществовали 12 лет (с 1786 по 1798 гг.), затем были реорганизованы в Медико-хирургические академии.

Преобразование в 1786 г. госпитальных школ в самостоятельные училища закрепило принципы, положенные в основу системы военно-врачебного образования в России XVIII в. Они заключались в том, что преподавание медицины осуществлялось на фундаменте естественно-научных знаний, на тесной взаимосвязи основных отраслей клинической медицины – хирургии и терапии. Изучение теории медицины происходило в единстве с практической работой учащихся у постели больного. В отличие от европейских университетов, в России осуществлялась подготовка медико-хирургов, а не отдельно – хирургов и докторов. Введение в программы обучения к концу XVIII в. таких предметов как физика, химия, математика, улучшило общеобразовательный уровень лекарей. К концу XVIII в. увеличилось число профессоров из числа *«природных россиян»*, преподававших в медико-хирургических учебных заведениях и нужда в иностранных педагогах исчезла. Мы уже отмечали в предыдущих главах о большом количестве докторов медицины, вышедших из числа студентов Киево-Могилянской академии, которые стали блестящими учеными-лекторами, вызывая зависть и ненависть со стороны иностранцев.

Глава 11

ПЕРВЫЕ УЧЕНИКИ МЕДИКО-ХИРУРГИЧЕСКИХ УЧИЛИЩ – ВЫПУСКНИКИ КИЕВСКОЙ АКАДЕМИИ

Нам не удалось найти в архивах Киева списков студентов Академии, пожелавших изучать медицинские науки в северной столице в 1787 г, но в последующие годы они появились. Не исключено, что одной из причин была начавшаяся очередная Русско-турецкая война 1787–1791 гг., создание госпиталя в Елисаветграде и госпитальной школы при ней.

Студентам Киево-Могилянской академии и украинских семинарий было проще и удобнее получить медицинское образование у себя на родине, тем более что по инициативе фельдмаршала Григория Александровича Потемкина для обеспечения лекарями южных армий планировалось открытие в Елисаветграде университета с медицинским факультетом. Однако, воспитанники Харьковского коллегиума, приехавшие в 1787 г. для поступления туда учиться, оказались в эпицентре военных событий. Строительство университета приостановилось, всех начинающих медиков направили в Крюковский госпиталь, в котором начались регулярные занятия по медицине, а потом (31 октября 1787 г.) их перевели в Елисаветградский генеральный госпиталь, поближе к театру военных действий. В течение всей войны молодые люди совмещали учебу с основательной практикой в госпиталях [361].

В Санкт-Петербургское медико-хирургическое училище уехал из Киева в 1788 г. сын цехмистра кравецкого цеха Иван Андреевич Смиловецкий (Смиловский) (1760—1808). Поучившись до 1773 г. в приходской школе, он поступил в Киево-Могилянскую академию и окончил ее полный курс. Иван хорошо знал латынь, немецкий и французский языки, а также греческий и еврейский. Владел высшим латинским и российским красноречием. Поэтому неудивительно, что способного студента после завершения учебы, оставили в Киевской академии для преподавания греческого языка (1785), а через год — в нижнем классе грамматики. Греческому языку в Киевской академии уделялось большое внимание. Его изучение давало возможность приобщаться с юных лет к богатейшим сокровищам мировой культуры, развивать научные связи с представителями греческой науки. В грамматических классах ученики под руководством Ивана Андреевича изучали латынь, польский язык, украинский книжный, старославянский. Педагоги стремились сохранить старославянский язык, поскольку он помогал приобщать украинский народ к богатым национальным традициям прошлого и гордиться ими. Такой просветительской деятельностью занимался И.А. Смиловецкий в Академии и свою службу нес «с всевозможным рачением». Так написал он в своем «Нижайшем доношении» в 1787 г. на имя Киевского митрополита Самуила Миславского, прося повышения по службе. Но повышение по неизвестной причине не состоялось и, получив из Киевского магистрата документ о том, что он уплатил через кравецкий цех государственные налоги в количестве 20 рублей и 91 коп. за 17 лет вперед, уехал в Санкт-Петербургское медико-хирургическое училище для получения медицинского образования (1788—1790) [362].

Присвоение И.А. Смиловецкому звания лекаря (1790) совпало с периодом войны со Швецией и он был направлен в один из госпиталей, располагавшихся в районе боевых действий. В послевоенное время его служба проходила в Витегре Олонецкой губернии, где он в течение трех лет был поветовым лекарем.

Получив очередное назначение — в Санкт-Петербургский адмиралтейский госпиталь (1794), Иван Андреевич по совместительству исполнял обязанности помощника ученого секретаря Медицинской коллегии. В 1796 г. он вернулся в свое медико-хирургическое училище, в котором начинал первые шаги в изучении медицины, но теперь уже в качестве адъюнкта кафедры патологии и терапии.

В 1797 г. за научную работу, представленную им на латинском языке, «Элементы практической медицины» И.А. Смиловецкий был удостоен звания штаб-лекаря.

С открытием Санкт-Петербургской Медико-хирургической академии он был назначен профессором кафедры патологии и терапии, а в 1805 г. возглавил кафедру патологии и гигиены. Студенты Киево-Могилянской академии, пожелавшие изучать медицину в Санкт-Петербургской Медико-хирургической академии в начале XIX в., будут слушать лекции своего земляка. В своей научной работе профессор уделил особое внимание лечению чахотки, которой болело в то время большое количество людей. 5 апреля 1796 г. он прочитал лекцию в присутствии членов Медицинской Коллегии на тему «О болезненных причинах вообще и чахотке». Свои труды И.А. Смиловецкий писал на латинском и немецком языках, делая их содержание доступным для зарубежных врачей. Чтобы познакомить отечественных медиков с важнейшими достижениями иностранных авторов (Грегори, Гартмана) по вопросам патологии, он делал переводы их книг на русский язык [363].

В 1790 г. из Киево-Могилянской академии уехал изучать медицину в Санкт-Петербургское медико-хирургическое училище Федор Васильевич Иваницкий. Сведений о нем сохранилось немного. Поскольку он был определен родителями сначала в Переяславский коллегиум, то можно предположить, что Федор был родом из Переяславско-Бориспольской епархии. Его отец — священник Василий, правил службу в одной из церквей этой епархии. Переяславский коллегиум, в котором учился Федор во

второй половине 80-х годов XVIII в. традиционно укомплектовывался высокообразованными педагогами, выпускниками Киево-Могилянской академии. Так было заведено с основания коллегиума в 1738 г. епископом Арсением Берлой (1680–1744) — сыном сотника Воронежской сотни Переяславского полка, получившего образование в Киевской академии. Сохранились сведения и о некоторых учителях, у которых учился Федор Иванович в Переяславе. В 1790 г. была составлена ведомость о них и «их нижеявленных качествах» [364].

Префектом в коллегиуме был 38-летний Федор Домонтович (1752–1819) — сын казака, которого удостоили за службу дворянским званием. Учился Федор Домонтович сначала в Переяславском коллегиуме, а потом в Киево-Могилянской академии. В Переяславском коллегиуме он преподавал предметы от нижних классов, включая риторику, а став ректором (1802 г.) преподавал и богословие. Его знание латыни было столь совершенным, что удивило даже римского прелата, занимавшего придворную должность при Папе Римском, с которым они вместе ездили в Санкт-Петербург.

Большим авторитетом у учеников пользовался 25-летний учитель высшего класса грамматики и географии Анастасий Ставинский. Он преподавал эти предметы (включая и французский язык). В 1790 г. 29-летний учитель нижнего класса грамматики, арифметики и греческого языка Петр Зеленский приобщал с первых дней учебы к латыни и греческому языку, которые впоследствии очень пригодятся всем ученикам, поступавшим в медицинскую науку [365].

Федор Васильевич Иваницкий, завершив учебу в Санкт-Петербургском медико-хирургическом училище, в звании лекаря начал службу в Охтырском морском госпитале. В 1803 г. он получил звание штаб-лекаря и приступил к службе в г. Жиздра Калужской губернии. До нашего времени дошла лишь одна его работа, которая была опубликована в 1805 г. — «О роге, с успехом вырезанном из лба» [366].

17 июля 1790 г. убыл из Киево-Могилянской академии в Санкт-Петербург Александр Плисковский. Как свидетельствует

документ, выданный ему из академии, Александру было 22 года, родился он в Киеве, на Подоле в семье священника Филиппа, правившего службу в Вознесенской церкви Флоровского монастыря. 16 сентября 1783 г. Александр поступил в Киевскую академию и учился в ней от нижних классов до риторики, которую изучал с успехом и по мнению учителей был студентом способным [367]. Как сложилась его карьера лекаря после окончания Санкт-Петербургского медико-хирургического училища, пока установить не удалось.

20-летний студент Киево-Могилянской академии Алексей Иванович Данилевский (1770—1815) после завершения учебы в Киеве (1790) связал свою дальнейшую судьбу с медицинским факультетом Московского университета, который был учрежден 13 августа 1758 г. в царствование императрицы Елизаветы Петровны.

В 1791 г. Указом императрицы Екатерины II Московскому университету предоставлялось право присвоения ученого звания доктора медицины. Отныне было не обязательно ехать для этого в иностранные университеты, тем более, что время было военное — шла очередная Русско-турецкая война 1789—1791 гг. [368].

Новый император — Павел I, вообще запретит своим указом в 1799 г. поездки врачей за границу для совершенствования своего образования. В конце XVIII в. базой для проведения практических занятий для студентов медицинского факультета продолжал оставаться Московский госпиталь, что способствовало открытию в нем особой «клинической палаты» (1797) [369].

Алексей Данилевский, после окончания учебы на медицинском факультете Московского университета (1803) был оставлен в нем прозектором (1804—1811). В 1805 г. получил степень доктора медицины после защиты диссертации на тему «О разрушении костей». С этого времени А. Данилевский стал адъюнкт-профессором повивального института Московского воспитательного дома. В начале XIX в. Данилевского считали одним из ведущих акушеров страны. В 1813 г. его удостоили звания экстраординарного профессора акушерства при Московском университете, где кроме своего

предмета он читал студентам лекции по хирургии и детским болезням [370].

В институте рукописей Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского хранится список студентов Киево-Могилянской академии за 1790 г. и их учителей [371]. В классе риторики в том году учились три товарища — Семен Казаковский, Гавриил Грушинский и Иван Кащинский [372].

Лекции по риторике они слушали у 44-летнего иеромонаха Афанасия. Родом он был из разночинной семьи Лебедина Сумской Слободской провинции. После успешного завершения полного курса Киево-Могилянской академии, талантливого студента оставили в 1777 г. преподавать латынь, поэзию, потом риторику и французский язык. Курс лекций по поэтике и риторике читались на латинском языке. Образцы этих лекций, прочитанных в Киево-Могилянской академии за 1636, 1731, 1738 гг. и в начале XIX в. бережно хранятся в Институте Рукописей [373, 374].

17-летний Семен Казаковский (1773—1848) завершил свое обучение в классе риторики Киево-Могилянской академии и принял решение получить профессию медика. Он был родом из села Глевахи Киевской епархии, сыном священника Федора. Отец привез Семена в Киев и 11 сентября 1783 г. поместил в академию, в которой тот, начав учебу с нижних классов, с успехом окончил риторикой [375].

Постигать медико-хирургическую науку Семен Казаковский поехал в госпитальную школу при генеральном Елисаветградском госпитале.

Это было то время, когда шли тяжелые бои на суше и на море с Турцией за берега Черного моря. 11 декабря 1790 г. по приказу фельдмаршала Г. Потемкина Александр Суворов повел войска на штурм крепости Измаил. После 12-часового боя крепость была взята ценой больших потерь. В своих донесениях в Санкт-Петербург Потемкин сообщал о чудесах храбрости солдат русской армии и казацких полков — Черноморского, Бугского и

Донского, а свидетели сражения сочиняли восторженные стихи о полководце А.В. Суворове — «Суворов как орел, слетал с холмов высоких, ко граду взор пустил — нет града, рвов глубоких» [376]. По официальным данным потери при взятии крепости Измаил составляли убитыми 1895 человек, а ранеными 2733. Пришлось срочно создавать помимо уже существовавших госпиталей еще один — Трифоутский генеральный госпиталь и полевой в Козмешти. Работы для учеников госпитального Елисаветградского училища было много и приходилось совмещать учебу с оказанием помощи раненым [377].

В такой обстановке начал свою медицинскую службу Семен Федорович Казаковский. После окончания учебы в госпитальном училище он в звании подлекаря еще надолго оставался на юге — сначала в Севастопольском Мушкетерском полку (1792), а с 1797 г. служил на флоте, где и получил звание лекаря. В сохранившемся его послужном списке, как в зеркале, отразилась нелегкая судьба военного лекаря. В 1801 г. он служил в Ахтырских артиллерийских ротах, 1802 г. — в Московском мушкетерском полку, в 1803 г. — в Бутырском, в 1804 г. — в Псковском гарнизонном батальоне. В 1806 г. там его застала Французская кампания с армией Наполеона, который продолжал перекраивать карту Европы и навязал России генеральное сражение под Аустерлицем. За спасение раненых в этом сражении Семен Федорович Казаковский получил чин старшего лекаря 1-го класса и в 1806 г. в чине штаб-лекаря продолжил службу в Могилевском мушкетерском полку. С 1808—1809 г. оказался с госпиталем в плену у шведов. А по возвращении служил в Стародубском драгунском полку, в котором его застала начавшаяся Отечественная война с наполеоновскими войсками (1812). После их изгнания с территории России штаб-лекарь Казаковский руководил Гомельским военным госпиталем и одновременно осуществлял наблюдение за госпиталями в Белоруссии (1814). С таким большим опытом военного врача в 1825 г. он получил назначение в Киевский военный госпиталь, имея чин коллежского

советника (1822) [378]. В киевском госпитале он служил сначала ординатором (1825), потом старшим лекарем (1829), а в 1832 г. был назначен Главным доктором Киевского военного госпиталя [379]. В 1835 г. он получил назначение в Московский генеральный госпиталь, в котором прослужил до своей смерти в 1848 г., умерев от тифа [380]. С.Ф. Казаковский был кавалером орденов Св. Владимира 4-й ст, Св. Станислава 3-й ст. и Св. Анны 3-й ст. за участие в борьбе с эпидемией холеры в Киеве [381, 382].

Гавриил Федорович Грушинский — товарищ Семена Казаковского по классу риторики Киевской академии (1790) тоже принял решение стать лекарем. Он родился в 1773 г. в селе Михайловке «зарубежной благочестивой Коадьюторской епархии» в семье священника. Но отец умер и Гавриил, поступив 16 октября 1785 г. в Киево-Могилянскую академию, учился в ней за казенный счет [383]. Где изучал он медицину и как сложилась его дальнейшая судьба мы пока не знаем. Не исключено, что сирота уехал в Елизаветградское медико-хирургическое училище вместе с Семеном Казаковским. Однако, документально установлено, что встретятся они в Киевском военном госпитале, в котором с 7 сентября 1817 г. начнет служить Гавриил Федорович. Поскольку на службе военного медика он числился с 1790 г., его служебная биография могла быть очень похожей на биографию товарища: Русско-турецкие войны и сражения с наполеоновскими войсками, наполнявшими госпитали большим количеством раненых и больных. В сохранившихся документах Киевского военного госпиталя за 1827–1828 гг. он еще значился в списках лекарей, получая за выслугу лет 600 рублей годовой пенсии [384].

Третий товарищ Семена Казаковского и Гавриила Грушинского по классу риторики Киево-Могилянской академии — Иван Кашинский не поехал в 1790 г. изучать медицинские науки, а продолжил учебу в философском классе и только в 1793 г. подал прошение о направлении его в медицинскую науку [385].

Глава 12

НАБОР В МЕДИЦИНСКУЮ НАУКУ СТУДЕНТОВ КИЕВО-МОГИЛЯНСКОЙ АКАДЕМИИ В НАЧАЛЕ 90-х ГОДОВ XVIII в.

В первой половине 90-х годов XVIII в., ведя подготовку к созданию Медико-хирургической академии, Медицинская коллегия особое внимание обратила на студентов Киево-Могилянской академии. В 1793 г. в адрес Киевской Духовной консистории ею было послано важное сообщение: «...не имея способов доставить для хирургических училищ с ведомств ей состоящих учеников, знающих совершенно латинский язык и для того определено в Киевскую Духовную консисторию сообщить, дабы она благоволила из своего училища, находящихся в классах от риторики до философии и богословия учеников, знающих порядочно латинский язык присылать в каждую треть года: в феврале, июне и октябре месяцев для училищ Московского, в Москву, Санкт-Петербургского и Крондштатского с надлежащими успехами в Аттестатах... Давать на дорогу до Москвы — 10 рублей, а до Санкт-Петербурга — по 15 рублей» [386].

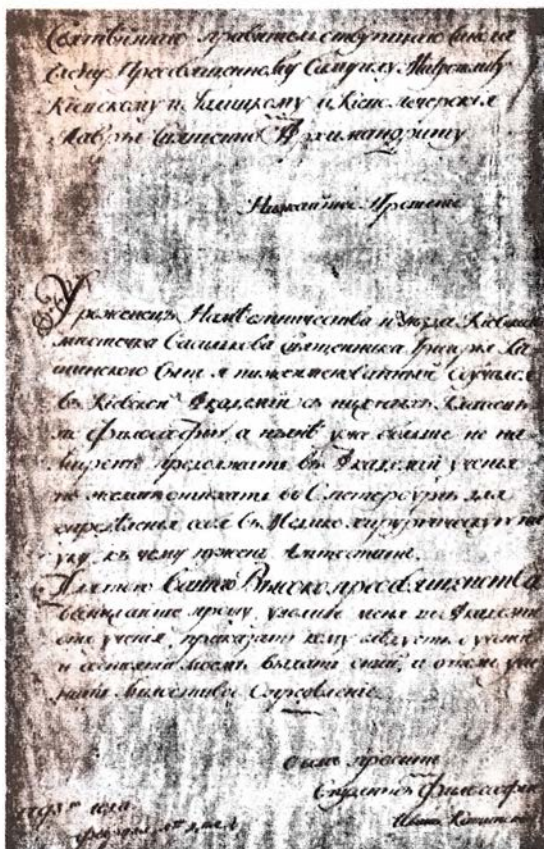
В начале 90-х XVIII в. Киево-Могилянская академия оставалась по-прежнему учебным заведением, направлявшим в медицинское ведомство отлично подготовленных учеников. Учебный процесс в ней к концу XVIII в. составлялся из тех предметов,

какие изучались с давнего времени, но под влиянием времени были введены и новые науки — доскональное изучение немецкого и французского языков, латинского и русского красноречия, сельской и домашней экономики. Весь учебный курс, при нормальном ходе продолжался 12 лет, из которых три года приходились на три низших класса, шесть — на классы поэтики, риторики и философии (по 2 года — на каждый класс) и три года богословия. За эти годы обучения учащиеся приобщались к достижениям отечественной и мировой культуры и науки, и могли уверенно поступать в Медико-хирургическую академию [387]. Необходимый уровень учебного и воспитательного процесса в Киевской академии с середины 80-х гг. до конца 90-х годов XVIII в. поддерживался и контролировался ее ректорами — Варлаамом Миславским (1784—1791), Иеронимом Блонским (1791—1795) и Феофилактом Слонецким (1795—1803). Все они были выходцами из Киево-Могилянской академии, известными учеными своего времени, способными и заботливыми ее руководителями [388]. Они и педагоги, которых назначили в эти годы, дали путевки в освоение медицинских знаний большой группе студентов. О некоторых из них мы имеем возможность рассказать в этой главе.

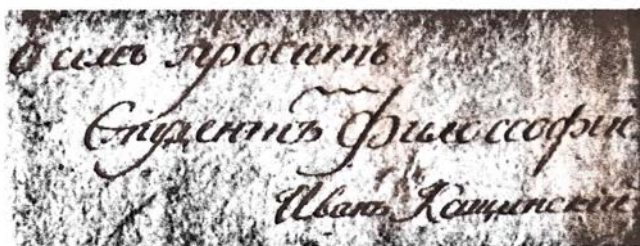
2 февраля 1793 г. одним из первых подал прошение Киевскому и Галицкому Митрополиту, члену Правительствующего Синода Самуилу Миславскому студент класса философии Иван Кащинский, пожелавший изучать медико-хирургическую науку [389]. В документах Киево-Могилянской академии о нем записаны такие сведения: родился в семье священника Киевского наместничества и Киевского уезда, села Василькова Григория Кащинского, правившего службу в церкви Покрова Божией Матери. В Киевскую академию Иван поступил 19 сентября 1783 г. В 1790 г. ему было 20 лет¹ [390].

На «Нижайшем прошении» Ивана Кащинского Митрополит Самуил написал резолюцию: *«Ежели проситель окажется поведения честного и надежных успехов в учении, то его отпустить в*

¹ В справочнике «Медицина в Украине». — Вып. 1. — К, 1997. — С. 67 — год рождения указан иной — 1772.

Прошение Ивана Кащинского для определения его
в «медико-хирургическую науку»

Подпись Ивана Кащинского на его «Нижайшем прошении»
в увеличенном виде

медико-хирургическую науку в Санкт-Петербург, снабдив от Академии должным Аттестатом, а от Дикастерии паспортом». Копия Аттестата Ивана Кащинского сохранилась, в нем указано, что он проучился в Академии с 1783 по 1793 г., начиная от нижних классов до философского. С успехом изучал все предметы: латынь, поэтику, риторику, логику, метафизику, французский и немецкий языки, рисовальное искусство, математику, историю и др. Документ об окончании учебы в Академии подписал Ректор Иероним (Блонский) и Префект — иеромонах Амвросий. В прошлом оба были студентами Киево-Могилянской академии [391].

Во время учебы в Санкт-Петербургском медико-хирургическом училище Иван Кащинский имел возможность слушать лекции прекрасных профессоров, пользоваться в течение четырех лет хорошей библиотекой и образцовыми кабинетами — анатомическим, химическим, физическим и натуральной истории. При открытии Санкт-Петербургской медико-хирургической академии все они будут перевезены туда.

После завершения учебы и годовой службы палатным ординатором в госпитале, И.Г. Кащинский получил звание лекаря 1-го класса и место в родильном отделении Воспитательного дома. В 1799 г. его переместили лекарем в Государственное училище земельного строительства. Вся дальнейшая судьба и служба его будет связана с армией: лекарь в Новом Осколе (1802), штаб-лекарь в Московском военном госпитале (1803—1806) и в лейб-гвардии Измайловского полка (1806). Он участвовал в работе госпиталей, обслуживавших раненых и больных во время военных действий против французской армии (1806—1807), служил в Преображенском полку (1807) и в 5-й пехотной дивизии. Во время Отечественной войны 1812 г. прилагал максимум усилий по спасению, лечению и эвакуации солдат и офицеров. После возвращения армии и госпиталей из европейского похода (1815) И.Г. Кащинский вышел в отставку в чине надворного советника. За научные работы и операции, проведенные в боевых условиях, он был удостоен звания доктора медицины. После ухода из ар-

мии Иван Григорьевич в звании профессора стал преподавать скульпторам и художникам пластическую анатомию в Санкт-Петербургской академии художеств. В 1824 г. он уехал в Тамбов на должность инспектора временной Врачебной управы [392].

Интересы бывшего студента Киево-Могилянской академии доктора медицины Ивана Григорьевича Кашинского были чрезвычайно разнообразными. О неожиданном повороте в его биографии в молодые годы рассказал И.И. Гольдин в 2006 г. на страницах сборника, посвященного 300-летию Московского госпиталя [393]. На очень интересном материале, собранном из газет и журналов 1805–1806 гг., автор рассказал об Иване Кашинском, положившем в нашей стране начало освоения неба. Со своей стороны мы только немного уточним, опираясь на найденные о нем документы в Центральном государственном историческом архиве Украине (Киев). Его фамилия была не Кашинский, а Кашинский. Именно так он подписал четко свою фамилию на «Нижайшем доношении» Киевскому Митрополиту Самуилу в 1793 г., прося разрешение уехать изучать медицину в Санкт-Петербургское училище. И точно также писали его фамилию ректор Киево-Могилянской академии, префект и учителя выдавая ему «Аттестат». Обширные знания штаб-лекаря в области математики, физики, химии, механики позволили ему в 1805 г. сделать самостоятельно, без государственной поддержки, за свои средства воздушный шар и с позволения правительства предпринять на нем путешествие над Москвой с дачи Зубова. До Ивана Григорьевича в небо над древней столицей России поднималось уже два иностранца — француз Гарнерен и фламандец Робертсон. Они были «обласканы» императором Александром I, а соотечественника «наградили» лишь всеобщим вниманием восторженные москвичи, отказавшиеся в тот день от посещения театров. Такие интересные подробности из биографии И.Г. Кашинского, заявившего о начале эры воздухоплавания в стране во имя отечества, опубликованные И.И. Гольдиным, побудили нас продолжить поиск о нем в архивах Киева.

В историю медицины доктор Кащинский вошел как автор оригинальных сочинений и переводчик зарубежных работ — Рихтера («Полная диететика») и Пленка — «Избранные предметы к судебной медицины относящиеся». Сам же он является автором капитального труда — «Краткая медико-хирургическая материя медика, или наука о лекарствах, как обыкновенно употребляются для врачевания внутренних и наружных болезней человеческого тела, выбранная из лучших писателей врачебного вещевания (в 2-х томах) — СПб, 1797—1800». Ему же принадлежит «Русский лечебный травник», опубликованный в Санкт-Петербурге в 1817 г. В этой работе автор описал более трехсот отечественных лекарственных растений и представил 333 оригинальных рисунка растений, сделанных с натуры. В этом исследовании растений для каждого вида приводилось русское и латинское название, описывались места их произрастания и способы изготовления лекарственных форм в домашних условиях, а также сушки и хранения лекарственного сырья — цветков, трав, листьев, плодов, коры и корней. В одной из глав книги Иван Григорьевич привел сведения о действующих веществах, содержащихся в лекарственных растениях, описывая их физико-химические свойства. На примере труда И.Г. Кащинского ученые считают, что фитохимические исследования в России были начаты в тот же период, что и в Западной Европе [394].

Доктора медицины И.Г. Кащинского интересовали и целебные свойства минеральных вод. Этому вопросу он посвятил свою научную работу, напечатанную в Санкт-Петербурге (1808) под названием «Способ составлять целебные минеральные воды». К этой работе он приложил четыре гравированных чертежа, изображающих восемь простейших приборов служащих для составления разнообразных минеральных вод. Доктору медицины И.Г. Кащинскому хотелось, чтобы люди, жившие в далекой глубинке империи использовали минеральную воду для своего здоровья. Наблюдая антисанитарные условия в сельских больницах и домах крестьян, он выступил и как заботливый гигиенист,

пропагандируя испытанное им *«предохранительное окуливание помещений смесью истертой селитры с купоросным маслом»* [395].

Как свидетельствует архивный документ, одновременно с И.Г. Кашинским с класса философии Киево-Могилянской академии в 1793 г. уезжал изучать медицину в Санкт-Петербургское училище Михаил Михайлович Елинский [396]. В «Аттестате», выданном ему 9 марта 1793 г. и подписанном Ректором Иеронимом и Префектом учителем философии Амвросием, сказано, что он уроженец Киевской епархии Золотоношского уезда села Чернобай. Его отец Михаил был священником. Сначала сын Михаил обучался в Переяславской семинарии от нижних классов, включая риторику, а потом продолжил образование в классе философии Киево-Могилянской академии, где изучил логику и метафизику «с успехом преизрядным». Однако, как сложилась его дальнейшая судьба и служба лекарем пока узнать не удалось.

На основании распоряжения из Государственной Медицинской коллегии Киевская академия в 1793 г. отпустила в Санкт-Петербург изучать медико-хирургическую науку не только двух студентов из классов философии, но и группу учеников, изучавших риторику. Архивный документ предоставляет лишь краткие сведения о них — чьи сыновья, где родились и как учились в Киевской академии. Все «Аттестаты» уезжавших в Санкт-Петербург изучать медицину были подписаны Ректором Иеронимом и Префектом иеромонахом Амвросием [397].

Мы сообщаем эти сведения историкам медицины, надеясь, что кто-либо из них отыщет в недоступных нам архивах сведения о службе нижеперечисленных выходцев из Киево-Могилянской академии.

Якимович Яков Яковлевич — уроженец Киевской епархии, Хорольского повета села Березняков, сын священника. В Киевской академии обучался от нижних классов, включая риторику с успехом изрядным и поведения был честного. В «Аттестате» перечислены предметы, которые он изучал [398].

Корниевский Ефим Андреевич — уроженец Киевской епархии, Киевского уезда села Заборья, сын священника. Учился в

Киевской академии от нижних классов, включая риторику с успехом и поведением отличался хорошим [399].

Калиновский Илья — уроженец Киевского наместничества, Остерского уезда, местечка Барышевки, сын дворянина. Обучался в Киевской академии от нижних классов, включая риторику, «проходя поэзию, латинский язык, историю, географию, латинское и российское красноречие». Поведение был честного [400].

Пискорский Адриан Федорович — уроженец Киевского наместничества, Пирятинского уезда села Сгуровки, сын священника. Обучался в Киевской академии от нижних классов, включая риторику, изучив все науки с успехом изрядным. Поведения честного [401].

Шматковский Яким Тимофеевич — уроженец Киевского наместничества, Киевского уезда, города Остра, сын дьячка. Обучался в Киевской академии от нижних классов, включая риторику, освоив все предметы: поэзию, латинское и российское красноречие, начатки математики с успехом очень хорошим. Поведение честного. 23.03.1793 г. он получил «Аттестат» и паспорт под № 477 [402].

Стоцкий Михаил Васильевич — родился в г. Киеве, сын священника протоиерея Старокиевской Троицкой церкви. В Киевской академии учился от нижних классов, включая риторику. 5 марта 1793 г. обратился с просьбой отпустить его изучать медицину. Отец умер и Михаил решил продолжить учебу в медико-хирургическом училище [403].

Фаворский Алексей Иванович — уроженец Киевского наместничества Переяславского уезда села Демьянец, сын священника. Обучался в Киевской академии от нижних классов, включая риторику. Изучил все предметы с успехом изрядным и поведения был честного. «Аттестат» получил 9 марта 1793 г. Однако, он заболел и вынужден был остаться на какое-то время в Академии. [404].

Стефановский Федор Андреевич — уроженец села Ничаговки Козелецкого уезда Киевского наместничества, сын священника Троицкой церкви. Обучался в Киево-Могилянской академии с

1788 г. по 1793 г. от нижних классов до риторики включительно с успехом похвальным. 21 сентября 1793 г. Федор обратился с «Нижайшим прошением» к Киевскому Митрополиту Самуилу Миславскому с просьбой отпустить его в Санкт-Петербург для изучения медико-хирургической науки. Его *«дядя — штаб-лекарь Сандул-Стурдза, проживающий там, требует к себе»*. Сохранилась резолюция Митрополита от 21 сентября 1793 г. с разрешением выдать Федору Стефановскому «Аттестат» и паспорт. Документы выданы ему 27 сентября [405].

В архивном деле [406] имеется значительный список студентов Киево-Могилянской академии, которым было разрешено продолжить обучение в 1793 г. В Санкт-Петербургском училище, но копии их «Аттестатов» не сохранились. Мы печатаем этот список в надежде, что отыщутся со временем их биографические данные и послужные списки врачей: Мошинский Карп — сын священника Киевской епархии; Нестеровский Андрей — сын священника Киевской епархии; Усовский Павел — сын дьякона из Новгород-Северской епархии; Созонович Тимофей — сын священника Черниговской епархии; Сементовский Сергей — сын казачий из Черниговской епархии; Лаштопов Григорий — сын казачий из Черниговской епархии; Шафаревский Моисей — сын посполитого из Черниговской епархии; Дамаров Василий — сын вахмистра из Киевского наместничества; Пашкевич Матвей — сын мещанина Киевского наместничества; Клеопович Максим — сын лекаря Киевского наместничества, Топольский Стефан — сын мещанина Киевского наместничества; Могилевский Василий — сын мещанина из Киевского наместничества; Грушинский Семен — сын купеческий из Киевского наместничества; Фомицкий Лев — сын мещанина из Киева.

В конце XVIII в. в Киево-Могилянской академии обучались три родных брата Велланских — Матвей, Данила и Василий. Эта фамилия хорошо известна историкам медицины благодаря доктору медицины профессору Медико-хирургической академии в Санкт-Петербурге Даниле Михайловичу Велланскому.

Однако, в опубликованных работах (В. Аскоченского, в Большой медицинской энциклопедии, Киево-Могилянской академии в именах. XVII—XVIII в.) есть разногласия в годе его рождения (1773 или 1774(?)), месте рождения (в г. Киеве или Борзне Нежинского полка?), кто был его отец (казак-ремесленник, мещанин или дворянин?) и, наконец, сама фамилия («Кавунник» или придуманная Данилой «Велланский» от латинского слова «дергать»).

Поскольку нами было установлено, что в Академии училось три брата и все они посвятили себя медицине, то решили начать поиск в киевских архивах, чтобы ответить хотя бы на некоторые вопросы, поскольку они касались всех братьев. Поиск дал интересные результаты. В Государственном архиве Киевской области [407] оказались сведения о том, что старинный род Велланских имеет польское происхождение и за свои военные заслуги в 1587 г. получил от светлейшего князя Лешка Белого герб «Латский». Рисунок его в деле сохранился: на щите красного цвета изображен разъяренный крылатый дракон, а сверху рыцарский крест. Прадед братьев — Иосиф, служил мозырским скарбником и за свою преданную службу получил от князя Попеля II часть земель в селе Велланцы Мазовецкого воеводства, а владельцев стали звать Велланские. После смерти прадеда Иосифа, земли перешли к его сыну Ивану (деду братьев), служившего сандомирским ловчим, который покинул Польшу и переселился в Украину. Поскольку братья Велланские (Матвей, Данила и Василий) родились в Борзне — в 26 км от полкового города Нежина, можно предположить, что дед и отец Михаил Иванович служили в Борзненской сотне до ее ликвидации в 1782 г. Вероятно, это и послужило причиной, что Киевский магистрат в 1782 г. вписал братьев (на основании ревизии в тот год) мещанами в «гродскую» книгу, поскольку Матвей поступил в Киевскую академию и жил в бурсе (1782).

В 1792 г. старшие братья стали хлопотать (отца к тому времени, по-видимому, уже не стало) о получении дворянской грамо-

ты за заслуги предков и вписание их в Родословную книгу Киевских дворян. Для этого они обратились к 12-ти свидетелям, которые хорошо знали семью и были известными и авторитетными личностями. 1 сентября 1792 г. 12 таких людей из Мазовецкого, Сandomирского и Волынского воеводств своими подписями и печатами заверили свидетельство о дворянском происхождении рода Велланских.

В 1794 г. Матвей Михайлович Велланский, завершив учебу в Киево-Могилянской академии уехал в Санкт-Петербургское медико-хирургическое училище, а Данила — студент старших классов академии и Василий — ученик низшего грамматического класса подписали 2 марта 1795 г. за себя и за отсутствующего брата Матвея просьбу в Дворянское Собрание дать им дворянское звание на основании документа от 1 сентября 1792 г. Просьба была удовлетворена и братья Велланские получили грамоту с внесением их в 4-ю часть Родословной книги Киевского Дворянства.

Матвей Велланский, окончив Санкт-Петербургское медико-хирургическое училище (1794—1798) и получив звание лекаря, наверняка, связал свою службу с армией и теми политическими событиями, которые переживало государство — войны с Турцией и Наполеоновской Францией. Мы не смогли проследить документально его продвижение по службе до 12.12.1821 г., пока М.М. Велланского, имевшего Знак отличия за безупречную 25-летнюю службу, не назначили Главным лекарем Киевского военного госпиталя [408]. Спустя три года, он получил чин коллежского советника [409], а в 1826 г. его назначили Главным доктором Киевского военного госпиталя [410].

Под руководством Матвея Михайловича Велланского в эти годы в госпитале служили лекари со значительным стажем и опытом, выходцы из Киево-Могилянской академии — С.Ф. Берлинский, И.Ф. Ризенко, С.Ф. Казаковский, Г.В. Грушинский, Е.П. Рудыковский, В.И. Вернадский и др. — лекари овеянные славой участников Отечественной войны 1812 г. и заграничного похода.

Матвей Михайлович Велланский как Главный доктор, обладал исключительными организаторскими способностями, мобилизуя многочисленный персонал на решение сложных и неотложных задач по размещению потока раненых и больных, доставлявшихся в Киев во время Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Среди них были и пленные турки, доставлявшие госпиталю и лекарям много хлопот. За свой многолетний честный труд доктор М.М. Велланский был награжден двумя орденами – Св. Анны 2-й степени и Св. Владимира 4-й степени [411, 412]. Чином статского советника он был удостоен в 1830 г. Для госпиталя большие испытания наступили в 1830 г., когда в Польше царским правительством подавлялся мятеж, а раненых (в том числе и пленных поляков) везли в Киевский военный госпиталь, до отказа переполненный пострадавшими. Последнюю награду – ценный подарок, Матвей Михайлович получил за участие в ликвидации вспыхнувшей эпидемии холеры в Киеве, хотя к тому времени он уже числился в отставке. Свой врачебный долг он исполнял до самой смерти, последовавшей в 1837 г. [413].

В 1796 г. уезжал изучать медицину студент философии Даниил Михайлович Велланский (1773(?), 1774(?) – 1847). Вместе с ним ехали в Санкт-Петербургское медико-хирургическое училище его товарищи по классу студенты Афанасий Кошаровский (сын священника) и Павел Пекалицкий [414].

В 1801 г., завершив учебу в Санкт-Петербурге и получив звание кандидата хирургии, Д. Велланский уехал за границу для усовершенствования в университетах Берлина, Вены, Парижа и Вюрцбурга (1802–1805).

По возвращении в Россию, Даниил Михайлович Велланский был определен адъюнкт-профессором кафедры физиологии, патологии и гигиены Медико-хирургической академии, где в 1807 г. защитил диссертацию на звание доктора медицины – «О форме теории медицинских и физических наблюдений философии природы вообще». В 1808–1809 гг. Его назначили адъюнкт-профессором кафедры ботаники и фармакологии, анатомии и

физиологии. В 1814 г. Д.М. Велланский был утвержден ординарным профессором кафедры анатомии и физиологии Академии, а через три года — ординарным профессором кафедры физиологии и общей патологии, которой он руководил до 1837 г. По совместительству (с 1811 г.) он служил ординатором военного госпиталя, выполняя обязанности библиотекаря Академии (1818—1838). Отдав 35 лет напряженной медицинской деятельности, доктор Велланский в 1838 г. вышел в отставку в чине действительного статского советника [415]. В молодости, будучи в европейских университетах, Даниил Михайлович увлекся процветавшей в них модной идеалистической философией Фридриха Вильгельма Шеллинга (1775—1854), который в это время выступил с серией работ по вопросам философии природы. Он считал, что философия должна ответить на вопрос — каким образом развитие бессознательной духовной природы приходит к возникновению сознания. В итоге своих рассуждений Ф. Шеллинг сделал заключение, что гарантия исторического и нравственного прогресса только в боге. Изучая Ф. Шеллинга, Даниил Михайлович стремился установить роль природоведения в общем познании природы. У современников он пользовался авторитетом не только как доктор медицины и профессор педагог, но и как человек оригинально мыслящий. Студенты слушали Д.М. Велланского *«...с таким вниманием, что если бы профессор умолк, то в тишине стало бы, кажется слышно движение паутины в воздухе. Во время лекции четыреста глаз студентов не сводили с профессора взгляда»*. А историк медицины Я. Чистович писал, что студенты *«...на его лекции смотрели как на какое-то откровение и восхищались им до самозабвения. Курс его был, можно сказать, бесперервным экстазом, о котором бывшие ученики его не могли вспоминать без восторга даже через 20 лет по выходе из академии»* [416].

В историю медицины Д.Велланский вошел такими научными работами: «Биологические исследования природы в творящем и творимом ее качестве» (1812 г., СПб), «Опытная, наблюдательная,

умозрительная физика» (1831, СПб), «Основное начертание общей и частной физиологии или физика органического мира» (1836, СПб), «Физиологическая программа лекции (о внешних чувствах, внутреннем действии мозга и наружном очертании головы)» (1819, СПб).

Свой жизненный путь Даниил Михайлович Велланский завершил в 1847 г. Похоронен в Санкт-Петербурге на Большой Охте, где ему установлен памятник [417, 418].

Младший из братьев Велланских — Василий Михайлович, который в 1796 г. был в нижнем грамматическом классе Киево-Могилянской академии, в 1802 г. завершил учебу в классе риторики и 7 октября 1802 г. обратился с «Прошением» в Правление академии сообщив о том, что изучил все предметы от нижних классов до риторики *«и определился в учение медицинской науки при здешней Врачебной управе»*, которая требует «Свидетельство» о его образовании. Далее Василий указывает, что он сын дворянина из Черниговской губернии Сосницкого повета города Борзны [419]. Так начал свой путь в медицину Василий Велланский. В Санкт-Петербургскую медико-хирургическую академию в 1802 г. он, вероятно, не мог поехать по ряду причин — несовершеннолетний возраст и отсутствие там старших братьев (Матвей — служил в армии, Даниил — учился в Европе).

В 1796 г. Киево-Могилянская академия направила в Санкт-Петербургское медико-хирургическое училище (помимо выше указанных трех студентов-философов) еще группу с класса риторики: Ивана Германа, Игната Морашкина и Леонтия Гловацкого. Первый был сыном дворянина, а двое его товарищей — из священнической среды [420]. А годом раньше пожелали стать медиками Антон Гальковский и Григорий Яворский.

17 ноября 1795 г. студент школы Богословия Антон Гальковский написал «Прошение» Киевскому Митрополиту Самуилу Миславскому, в котором «нижайше просил» разрешить определиться ему в медицинское ведомство. О себе сообщил, что родился в селе Галки Роменского уезда Черниговского наместни-

чества в семье священника. В Киевскую академию поступил в 1786 г. и проучился в ней девять лет от нижних классов до Богословия, которое изучал 2 месяца. В течение учебы освоил латынь и все необходимые науки.

В 1795 г. с «Аттестатом» из Киево-Могилянской академии уехал изучать медицину в Санкт-Петербургское училище Яворский Григорий Иванович (1770–1834). Как свидетельствует историк Л.Ф. Змеев, Григорий родился в Киеве, в семье купца, учился в Киево-Могилянской академии и в 1795 г. подал прошение отпустить его в медицинскую науку. Окончив медицинское училище и получив звание лекаря, Григорий Иванович служил в войсках и оказался участником боевых действий в начале XIX в. с Наполеоновской армией. В первые месяцы Отечественной войны 1812 г., действовавшая в то время система медицинского обеспечения армии столкнулась с большими трудностями из-за отсутствия единого руководства медицинской службой. Ситуация стала улучшаться после назначения 8 августа 1812 г. на должность директора Медицинского департамента Военного министерства придворного врача трех российских императоров — Павла I, Александра I и Николая I — Я.В. Виллие, а генерал-штаб-доктором действующей армии — доктора медицины и хирургии Г.И. Яворского [421]. До 1820 г. доктор медицины и хирургии Г.И. Яворский продолжал служить в войсках. Вышел в отставку после 25-летней службы. О последних 14 годах его жизни сведения не сохранились [422].

Студенты Киево-Могилянской академии, поступавшие в середине 90-х годов XVIII в. в Санкт-Петербургское и Московское медико-хирургические училища оказались свидетелями их совершенствования в подготовке будущих специалистов. В эти годы профессорам, обучавших студентов, предписывалось *«знать совершенно русский язык для точного и вразумительного выражения своих на оном мыслей при преподавания учения»*. Одновременно совершенствовалась и программа обучения, рассчитанная на пять лет. Начав с изучения в первый год математики, физики, химии, ботаники, анатомии и физиологии,

слушатели осваивали на следующий год «материю медику», рецептуру, патологию и терапию. На третий год обучения, продолжая осваивать предыдущие предметы, изучали хирургию и дважды в неделю занимались препарированием в анатомическом театре. Желавшие могли заниматься рисованием. По окончании трех курсов и выдержав экзамены, молодым людям присваивалось звание подлекаря. Для желающих продолжить свое медицинское образование открывалась возможность учиться еще два года, постигая акушерство, хирургию, службу в госпиталях, выполняя все задания госпитального доктора — лечение больных, дежурства у постели больного, ведение историй болезней. По завершению этой программы обучения и сдачи экзамена, присваивалось звание лекаря [423]. Такие же преобразования происходили и в Московском медико-хирургическом училище.

К этому времени в Москве и Санкт-Петербурге стало появляться больше медицинской литературы (оригинальной и переводной) на русском языке, что облегчало учебный процесс для учеников. После того, как Медицинская коллегия обзавелась своей типографией в 1796 г., число изданных медицинских трудов достигло к 1799 г. 89 наименований, в отличие от начала 60 годов XVIII в., когда было издано 24 книги в типографии Военной коллегии [424]. В 1793–1795 гг. Медицинская коллегия сочла возможным издать 103 сочинения русских врачей. Однако далеко не все работы отечественных ученых увидели свет. Противодействие иностранных лекарей, работавших в России, еще было сильным. В архивах Медицинской коллегии к концу XVIII в. лежало 463 неизданных рукописей отечественных лекарей [425].

Большое значение в преподавании медицинских предметов в училищах имела наука о лекарственных веществах. Наиболее полные и концентрированные сведения о лекарствах были представлены в фармакопеях. Естественно, что они использовались в целях преподавания.

Вначале российские фармакопеи издавались на латинском языке. Для учеников медико-хирургических училищ знавших, как правило, латинский язык в совершенстве, изучение их не

представляло особых трудностей. Фармакопеи были изданы в 1765, 1778, 1782, 1798, 1799 г. [426].

Автором первой обстоятельной фармакопеи для морского ведомства был главный доктор флота А.Г. Бахерахт, о котором мы уже сообщали в предыдущих главах. Ее издали в 1783 г. А для сухопутных войск подобное сочинение написал по заданию Медицинской коллегии Санкт-Петербургский штатт-физик Иоганн Георг Еллизен [427].

Так как И.Г. Еллизен служил в Киевском военном госпитале и был незаурядной личностью, остановимся на его деятельности несколько подробнее.

В начале очередной Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. генерал-фельдмаршал Петр Александрович Румянцев-Задунайский направил 24 октября 1787 г. в Киевский военный госпиталь опытного иностранного лекаря Иоганна Георга Еллизена (1756–1830), которого в госпитальных документах называли Егором Еллизеным (иногда Елезиным). Немец по происхождению, получивший медицинское образование в Европе, издавший ряд научных трудов в Германии, он долгие годы работал в России. Эллизен был определен на должность главного доктора и ему вменялось в обязанность взять под свой контроль всех больных и раненых из батальонных лазаретов тех полков, которые выступили из города на войну. Приложив «отличные труды и попечение», доктор Г. Еллизен успешно справился с задачей, поставленной фельдмаршалом и, передав в 1791 г. небольшую группу солдат «к общему призрению в Кирилловский монастырь», находившийся в Нижнем городе Киева (Подоле), по указанию Медицинской коллегии вернулся а Санкт-Петербург [428].

В 1801 г. он опубликовал монографию «Врачебные известия о преждевременном погребении мертвых», в которой поднимал проблему установления верных признаков смерти, проблему врачебных ошибок в определении смерти, проблему мнимой смерти. В книге описал 56 случаев мнимой смерти (в результате чахотки, истерии, обморока, угара, потери сознания при значи-

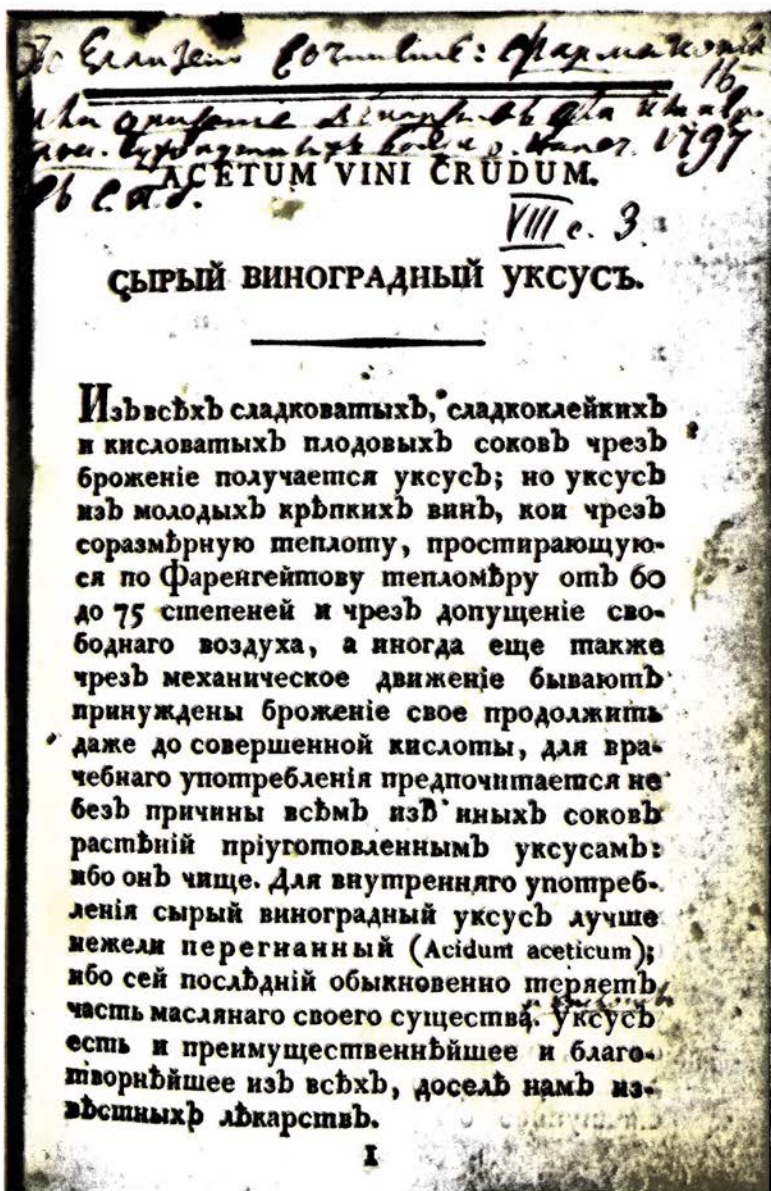
тельных кровопотерях и т.д.), привел обширную библиографию (167 наименований) по этому вопросу. Обращал внимание врачей и общественности на тот факт, что умирание организма совершается не сразу, а то, что кажется смертью, часто не является таковой с физиологической точки зрения. Поэтому не редко людей хоронили, когда смерть еще не наступила¹ [429].

Находясь в северной столице, Г. Еллизен стал работать по заданию Медицинской коллегии над «Фармакологией» для сухопутных войск, снабдив ее эффективными средствами, которые были достаточно распространенными и дешевыми. Такой труд в 264 страницы был написан и сыграл большую роль в медицинском обеспечении сухопутных войск.

Нам посчастливилось найти это сочинение в Институте Рукописей Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского. Оно было подшито к двум рукописным «Лечебникам» XVIII в. У него отсутствовала обложка, но на 1-й странице, в верхней ее части старинным почерком сохранилась надпись: «(Это) Еллизена сочинение «Фармакопея» или описание лекарств для Императорских Российских войск. Напечатано в СПб в 1797 г.».

Каждая глава в книге посвящена описанию лечебного средства, наименование которого давалось на латинском и русском языках [430].

¹ В последующем Г. Еллизен был старшим врачом Обуховской больницы в Санкт-Петербурге, снискал авторитет как грамотный фармаколог и проницательный диагност. Его общественная репутация определялась не только деятельностью в качестве врача, но также активным участием в масонских ложах. Он был основателем ложи «Трех колон» (1788), затем возглавил одну из самых авторитетных масонских лож Санкт-Петербурга «Петра к Правде» (1810). Был инициатором реформирования деятельности масонских лож (выборное начало в управлении, равноправие в системе управления, терпимость ко всем религиям, призывал масонское руководство отказываться от высших иерархических степеней и ограничиваться тремя низшими и др.). В результате этой дискуссии возникла новая великая масонская ложа Астрен.

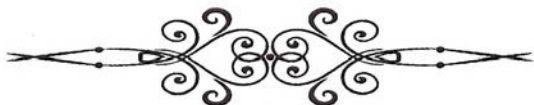
СЫРЫЙ ВІНОГРАДНЫЙ УКСУСЪ.

Изъ всѣхъ сладковатыхъ, сладкоклеихъ и кисловатыхъ плодовыхъ соковъ чрезъ броженіе получается уксусъ; но уксусъ изъ молодыхъ крѣпкихъ винъ, кои чрезъ соразмѣрную теплоту, простирающуюся по Фаренгейтову тепломѣру отъ 60 до 75 степеней и чрезъ допущеніе свободнаго воздуха, а иногда еще также чрезъ механическое движеніе бывають принуждены броженіе свое продолжити даже до совершенной кислоты, для врачебнаго употребленія предпочитается не безъ причины всѣмъ изъ иныхъ соковъ раствѣній приуготовленнымъ уксусамъ: ибо онъ чище. Для внутренняго употребленія сырой виноградный уксусъ лучше нежели перегнанный (*Acidum aceticum*); ибо сей послѣдній обыкновенно теряетъ часть маслянаго своего существа. Уксусъ есть и преимущественнѣйшее и благотворнѣйшее изъ всѣхъ, доселѣ намъ извѣстныхъ лѣкарствъ.

Подводя итог деятельности Российского государства в XVIII веке про подготовке медицинских кадров, можно констатировать, что за это время была успешно решена задача как по подготовке отечественных врачей, так и по созданию государственной системы здравоохранения, обеспечивающей цивилизованный европейский подход к оказанию медицинской помощи населению, и военным людям.

Так, Московская госпитальная школа, основанная Н.Л. Бидлоо, за 90 лет своего существования выпустила 800 врачей, получивших фундаментальные знания по оперативной хирургии и лечению от наружных болезней. Дипломы этой школы с первых же ее выпусков скреплялись печатью, поскольку этот документ считался общегосударственного значения [431].

А всего, как считает историк Б.Н. Палкин, госпитальные школы и училища выпустили в XVIII в. около 2000 врачей [432].

Глава 13

РЕФОРМИРОВАНИЕ УЧЕБНОГО КУРСА В КИЕВО-МОГИЛЯНСКОЙ АКАДЕМИИ НА РУБЕЖЕ XVIII–XIX вв.

Наступившее XIX столетие Киевская академия — «святилищник духовного просвещения, образования и науки», как ее называли современники, встречала очередными реформами. Уже начиная с 60-х годов XVIII в. она под влиянием обстоятельств, сообразно требованиям времени начала постепенно пополнять свой учебный курс новыми предметами и преобразовываться в учебное заведение типа европейских университетов.

В Академии были открыты классы «чистой математики», в которых изучали алгебру и геометрию и «смешанной» математики, знакомявшей студентов с гражданской и военной архитектурой, механикой, гидростатикой, гидравликой, оптикой, тригонометрией, астрономией.

Среди математиков, преподававших эти науки особенно отличался своим талантом и большими организаторскими способностями Иван Якимович Фальковский (1762–1823), окончивший помимо Киево-Могилянской академии еще и Пештскую королевскую гимназию в Венгрии. В 1783 г. он основал при библиотеке Киевской Академии первый в истории физический кабинет с земными и астрономическими глобусами, воздушными насо-

КІЕВСКІЙ
МѢСЯЦОСЛОВЪ
НА 1870
ОТЪ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА
1800*,
которое есть
ВЫСОКОСНОЕ
Содержащее 28-себя 366-дней
СОЧИНЕННЫИ
ВЪ КІЕВСКОЙ АКАДЕМІИ.

Издатель въ Типографіи Академіи Херсон-
ской Кіевскаго университета.

[illegible][illegible]

194

В 1799 г. студентам стали читать курс сельской и домашней экономики, знакомя их с методами экономического ведения хозяйства, с земледелием, садоводством, рыболовством, пчеловодством, правилами содержания и лечения скота.

Лекции по этому предмету до 15 августа 1806 г. читал Дмитрий Александрович Иванишев (Иваниш) — (1767–1820) — бывший воспитанник Киево-Могилянской академии, отлично освоивший ее полный курс, включая богословие. С 1795 г. ему предложили читать в академии латинский и еврейский языки, а потом и математику. Талантливый педагог, потомок казацкой старшины Прилуцкого полка¹ пользовался у студентов большим авторитетом, но всенародная слава пришла к нему в 1811 г., когда будучи уже священником Успенской церкви (Пирогощи), Дмитрий Александрович спас ее во время небывалого пожара, охватившего весь Подол² [434].

Одновременно с Д.А. Иванишевым в 1804 г. сельскую и домашнюю экономику преподавал 28-летний Иван Носков — уроженец Киево-Подолы, сын священника Введенской церкви. В Киевскую академию он поступил в 1789 г. изучив полный курс наук от нижних классов, включая богословие [437].

С 1802 г. в Киево-Могилянской академии стали преподавать медицину для студентов классов риторики, философии и богословия. Завершая учебу, они разъезжались служить не только в отдаленные районы государства, но часто и за рубеж — в Китай, Монголию, Турцию, где медицинская помощь могла оказаться крайне необходимой. Знание основ медицины было весьма полезным и для тех студентов, которые в последующем выбирали для себя медицинскую профессию. Программа курса была рассчитана на два года. Она включала лекции по анатомии, физио-

¹ Прадед Дмитрия Александровича был сотником Прилуцкого полка, а дед — Николай Иванович — значковым товарищем. [435].

² Один из сыновей Дмитрия Александровича Иванишева — Николай Дмитриевич (1811–1874) 12 лет будет служить деканом юридического факультета Киевского университета Св. Владимира, а потом (1862–1865) станет ректором [436].

логии, хирургии и обязательно практические занятия. В расписании учебных занятий медицина значилась дважды в неделю.

Преподавали медицинские предметы доктора медицины — служащие Киевской губернской медицинской инспекции [438]. Курс медицины, предназначавшийся для студентов старших классов — риторика, философия и богословие посещался ими активно. Так, в списках изучавших этот предмет насчитывалось в риторических классах — 83 человека, философских — 52 и богословских — 31 студент [439].

Первым преподавателем медицины в Академии был Афанасий Федорович Масловский (1750—1804)¹. Он родился в селе Церковщине Остерской сотни Черниговского полка, в которой его отец Федор (? — ок. 1790) был сотенным атаманом (1749—1752), а позднее — значковым товарищем Киевского полка (1787—1790). В его распоряжении было 10 подчиненных² [440].

Окончив класс риторики в Киевской академии (1769), Афанасий после сдачи экзамена по латинскому языку, в апреле 1770 г. уехал в Московскую госпитальную школу изучать медико-хирургическую науку.

Физиологию и фармакологию в ней преподавал ученикам доктор медицины Касьян Иосифович Ягельский (1736—1774), в прошлом воспитанник Киево-Могилянской академии, уехавший в 1756 г. в Санкт-Петербургский адмиралтейский госпиталь, в котором получил звание лекаря в 1761 г. В 1765 г., защитив диссертацию в Лейденском университете, служил в Санкт-Петербургской госпитальной школе профессором физиологии, патологии и «материи медики». С 1768 г. — преподавал в Московской госпитальной школе [443].

¹ По мнению историков Б. Палкина и Д. Российского Афанасий родился в 1753 г. В документе Киевской академии за 1804 г. записано, что он умер в возрасте 64 лет [441].

² Своего младшего сына и младшую дочь будущий надворный советник доктор медицины Афанасий Федорович Масловский назовет именами отца — Федора и матери Ульяны. [442].

Второй ученый, занимавшийся подготовкой медиков в Московской госпитальной школе, когда в ней учился А. Масловский, был в 1770 г. старший лекарь Афанасий Филимонович Шафонский (1740—1811) — доктор права, доктор философии и доктор медицины. Однако занятия с этими педагогами были прерваны в ноябре месяце, когда в Москве на Введенских горах внезапно заболели чумой 32 человека, среди которых были женщины и дети. В городе началась паника и все медики, включая учеников медицинской школы, были мобилизованы на борьбу с этой страшной эпидемией. Афанасий Масловский вместе со своими товарищами работали в филиале Московского госпиталя на Введенских горах, потом на карантинной заставе и в больнице для больных чумой, где возможно и заразился сам, но выжил. Дальнейшая служба А.Ф. Масловского проходила в армии — на Днепровской линии (1772) и до 1781 уже в звании лекаря продолжал находиться в армии. В 1781 г. его перевели служить лекарем 4-го киевского батальона.¹ За свой самоотверженный труд в борьбе с чумой, а потом и цингой среди солдат его представили к званию штаб-лекаря (1784). В декабре того же года Медицинская коллегия назначила его губернским лекарем Киева. На этом посту, который Масловский занимал 20 лет, он проявил свои большие организаторские способности, открывая первые гражданские больницы в городе, участвуя в создании первой психо-неврологической больницы в Украине на окраине Киева в Кирилловском монастыре (1789) и педиатрической больницы на Печерске с кабинетом оспопрививания. В 1792 г. он представил свою научную работу на тему «О конвульсивной болезни, заканчивающейся гангреней и неврозом при эпидемии» (1792), за которую получил звание доктора медицины, не учась в зарубежных университетах. Афанасий Федорович Масловский был автором свыше 15 научных работ и

¹ 4-й киевский батальон располагался на Печерске и А.Ф. Масловский поселился со своей семьей в приходе Вознесенской церкви, исповедные росписи которой сохранились до нашего времени в Историческом архиве Киева (ЦГИАКУ). Они свидетельствуют, что в 1783 г. у прихожанина А.Ф. Масловского семья состояла из 36-летней жены Надежды Матвеевны, 10-летней дочери Дарьи, 8-летнего сына Александра, 3-х летней дочери Нимфодоры, годовалых двойняшек — Захария и Елизаветы [444]. Потом будут еще Федор, Вера и Ульяна.

первым практикующим врачом, избранным в почетные члены Медицинской Коллегии.

С открытием в Киевской академии медицинского класса, он стал первым преподавателем в нем медико-хирургических наук [445].

Посетив лекции доктора медицины А.Ф. Масловского, префект Академии Иакинф докладывал митрополиту Киевскому и Галицкому С. Александровскому, что лекции проводятся «с хорошим пояснением, с надлежащим прилежанием и с пользой для учащихся»... «в оном классе было 100 человек». Архивный документ сохранил названия учебников, по которым преподавал А.Ф. Масловский — анатомию он читал «по Шармидту», физиологию — «по Галлеру», хирургию — «по Гейстеру» [446, 447, 448]. Эти учебники были избраны не случайно, именно по ним медицина изучалась в госпитальных школах.

1804 г. оказался последним, в течение которого Афанасий Федорович еще преподавал в Киевской академии и числился в списке ее учителей. Об этом сообщил учитель богословия и ректор Иоакинф [449]. Однако к весне он тяжело заболел и, предчувствуя свой конец, за «четыре дня до смерти 21 апреля 1804 г. подписал «Завещание», которое сохранилось [450]. В нем *«надворный советник Афанасий Федорович сын Масловский, будучи при старости своих лет и слабости здоровья но при совершенной памяти»*, завещал все свое движимое и недвижимое имение и крестьян своей супруге «по смерти ее». Только после смерти матери дети смогут разделить имение на равные части, кроме тех детей, которые уже получили приданое при супружестве.

Это касалось малолетних детей — Федора, Ульяны и Веры. А старший сын — Александр, который к этому времени был уже надворным советником, вероятно, выступал как гарант исполнения воли отца. В 1810 г. он купил себе дом на Подоле в приходе церкви Николы Притиска [451].¹

¹ Попутно отметим, что в Киеве в эти годы (1810–1811) жил какой-то титулярный советник **Масловский Антон Федорович**, имевший дом на Печерске, «на могилках», доставшийся ему от отца. Не исключено, что он мог быть родным бра-

8 июня 1804 г. после смерти преподавателя «первоначальных правил врачебной науки» А.Ф. Масловского на его место был приглашен читать лекции в Киевскую академию по патологии, терапии и фитотерапии штаб-лекарь оператор Киевского Приказа общественного призрения Петр Андреевич Гординский (Городинский) (1760—1834). Его год рождения нами установлен на основании архивного документа за 1804 г., в котором Киевская академия в «Реестре преподавателей» указала его возраст — 44 года [452]. Он родился в сотенном местечке Омельнике Миргородского полка [453]. Есть сведения, что местом его рождения было сотенное местечко Келеберда Полтавского полка [454]. Отец его принадлежал к казацкой старшине времен Гетманщины и нес службу значкового товарища, а потом полкового хорунжего. За свою службу и службу предков имел земли, хутор, а выйдя в отставку и получив «Абшит», стал священником Кобеляцкой Троицкой церкви [455].

Петр Гординский получил медицинское образование в Санкт-Петербургском сухопутном госпитале, в школу которого он поступил 15 октября 1779 г. Звание подлекаря ему было присвоено 14 февраля 1782 г. Первоначально он служил в Днепровском егерском батальоне, а с 6 апреля 1786 г. в звании лекаря приступил к службе в Белевском пехотном полку. Во время вспыхнувшей эпидемии чумы в Крыму, помогал лечить пострадавших (1786). 25 февраля 1787 г. указом Государственной Медицинской коллегии П.А. Гординского перевели в Глуховский карабинерский полк. Во время войны с Турцией он спасал раненых после Хотинского сражения (1788), а в 1789 г. — после штурма крепости Измаил.

После окончания войны находился в армии за р. Дунаем, где в госпитале оставалось много раненых и больных (1791). За участие в боевых сражениях и за спасение военнослужащих во

том Афанасия Федоровича Масловского [456]. Мы сообщаем эти подробности о большой семье Масловских в надежде, что потомки живы, и возможно даже, живут в Киеве.

время чумы, П.А. Гординский был удостоен звания штаб-лекаря 21 сентября 1792 г. В этом же году его направили из Молдавии на территорию Польши, где российское правительство подавляло восставших поляков в районе Брест-Литовска. 18 февраля 1797 г. штаб-лекаря перевели в Старобельский повет Слободской Украины, где он прослужил до 1800 г., пока его не командировали на Кавказскую линию, где он инспектировал лазареты и аптеки, служил в Георгиевском госпитале (1802) и исследовал целебные свойства Кавказских минеральных вод. В 1803 г. штаб-лекарь П.А. Гординский был переведен в Киев для службы оператором в больницах Приказа общественного призрения. К этому времени он уже имел чин коллежского асессора (с 2.09.1802). В связи со смертью преподавателя медицины в Киево-Могилянской академии А. Масловского, П.А. Гординского пригласили на его место [457].

Реформирование учебного процесса в Киево-Могилянской академии на рубеже XVIII–XIX веков еще раз подтверждает, что Академия, будучи крупным центром развития научных знаний, воспитывала у своих учеников интерес к окружающему миру, природе, человеку, к его жизненным потребностям. Направляя выпускников в различные сферы государственной деятельности, профессора вооружали их идеями Гуманизма и Просветительства.

Глава 14

СТУДЕНТЫ КИЕВО-МОГИЛЯНСКОЙ АКАДЕМИИ, ПОПОЛНИВШИЕ РЯДЫ МЕДИКОВ В 1798—1799 гг.

Завершая список студентов Киево-Могилянской академии 1798—1799 гг., решивших посвятить себя медицинской профессии, следует отметить, что они получили, как и предыдущие выпускники, отличное образование.

В конце XVIII в. Академия оставалась в административном отношении такой же, какой она была в предыдущие десятилетия: высшую власть над ней осуществлял Святейший Синод, Киевский Митрополит, а во главе стоял Ректор с академическим правлением. Во все рассматриваемое нами время Киевская академия оставалась до своего закрытия в 1817 г. общесловным, общеобразовательным и многолюдным учебным заведением, а посылка лучших учеников изучать медицину в медико-хирургические училища не прекратилась.

Историк В. Асконченский опубликовал их список за 1798—1799 гг. В 1798 г. уехали: Хмельницкий Иван (из дворян), Словицкий Харитон (из дворян), Родецкий Игнат (сын священника), Бажуловский Григорий (сын священника), Августинович Федор (сын священника), Иванов Матвей (сын отставного сержанта); 6 мая 1799 г. отправили: Ясневича Федора (сына свя-

щенника), Михаила Головащенко (сына мещанина); 12 августа 1799 г. убыли — Белявский Павел (сын священника), Петров Артемий (сын священника), Левицкий Иван (сын священника). Кайданов Яков (сын дьякона), Сиротинский Григорий (сын дьякона) [458].

Подписав студентам «Аттестаты» отъезжавшим в Санкт-Петербургскую Медико-хирургическую академию, Ректор Феофилакт Слонецкий благословил их на дальнейшее приобретение знаний.

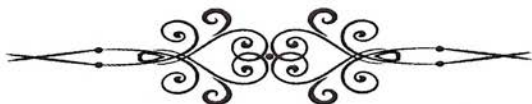
Из этого списка история медицины сохранила сведения лишь о двух студентах Киево-Могилянской академии, уехавших изучать медицину в 1799 г. в Санкт-Петербургскую Медико-хирургическую академию — Артемии Петрове и Якове Кайданове.

Артемий Петров (1780—1849) — сын священника из местечка Хомутца Миргородской сотни Миргородского полка. Окончил Санкт-Петербургскую Медико-хирургическую академию в 1806 г. и был оставлен в ней репетитором. Потом несколько лет он повышал свою квалификацию за рубежом, где в одном из университетов получил звание доктора медицины за свои научные сочинения. Вернувшись на родину, служил экстраординарным профессором в Санкт-Петербургской Медико-хирургической академии до 1827 г., а затем — ординарным профессором. С 1829 по 1833 г. А. Петров в звании академика исполнял обязанности ученого секретаря академии. Студенты Киевской академии, которые поедут в Санкт-Петербург изучать медицину в начале XIX в., будут слушать лекции своего земляка. Эпидемия холеры, разразившаяся в 1849 г., унесла жизнь профессора Артемия Петрова [459].

Яков Кузмич Кайданов (1779—1855), распростившись с Киево-Могилянской академией в 1799 г., станет со временем первым профессором терапии и фармакологии ветеринарного отделения Санкт-Петербургской Медико-хирургической академии и организатором высшего ветеринарного образования в России. Сын дьяка из Лохвицы Лубенского полка, окончив Санкт-Петербургскую академию в 1803 г., уехал в 1807 г. изучать

ветеринарию за границу и в 1813 г. защитил докторскую диссертацию на тему: «Трактат жизни, или о различиях в последовательных изменениях четырех основных форм жизни, исследованных преимущественно у человека». До наших дней сохранилось в рукописи его пособие по вопросам ветеринарной патологии и терапии. В молодости, участвуя в ликвидации горячки в Витебской губернии, он описал ее в 1807 г. Заботясь о сохранении здоровья русских солдат, перевел для них с немецкого языка «Карманную книгу военной гигиены» Энегольма (1813). В 1823–1831 гг. доктор медицины Я.К. Кайданов выполнял обязанности вице-директора медицинского департамента [460].

1799 год вошел в историю военной медицины как год, когда были ликвидированы должности подлекаря в русской армии и на флоте и введена должность фельдшера [461]. Поэтому все воспитанники Киево-Могилянской академии, окончившие Медико-хирургические академии в Санкт-Петербурге и Москве, получали должности уже только лекарей.

Глава 15

МЕДИЦИНСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АРМИИ В НАЧАЛЕ XIX в. И НЕОБХОДИМОСТЬ СОЗДАНИЯ МЕДИКО-ХИРУРГИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

В связи с войнами, которые вела Россия в царствование Екатерины II во второй половине XVIII в., в стране значительно расширилась сеть постоянных лечебных учреждений и к концу века насчитывала 15 сухопутных и 9 адмиралтейских госпиталей. В 1805 г. в России действовали около 12 штатных генеральных госпиталей, в том числе: в Санкт-Петербурге главный сухопутный на 1500 мест и инженерно-артиллерийский на 350 коек, Московский главный, который мог принять 1000 больных, Рижский, Ревельский, Киевский, Георгиевский, Александровский и другие сухопутные госпитали. Помимо штатных госпиталей воинские власти имели право в местах расположения полков учреждать по своему усмотрению лазареты и таких нештатных лечебных учреждений в 1808 г. насчитывалось 34.

Для обеспечения работы этих военно-медицинских учреждений нужны были кадры. Учитывая, что к началу XIX в. в стране насчитывалось всего лишь 1519 докторов и врачей, из которых 422 служили е

армии, 218 — на флоте, 879 — во врачебных управах, карантинах и госпиталях, их некомплект в армии составлял 475 человек [462].

Кроме большого количества недостававших врачей, необходимо было побеспокоиться и о качестве их подготовки. Медико-хирургические училища уже не соответствовали требованиям времени. Необходимо было давать будущим врачам современное университетское медицинское образование.

С этой целью 29 мая 1792 г. главный директор Медицинской коллегии И.П. Фитингоф представал свой доклад императрице Екатерине II об очередной реформе в области медицинского образования — создание Высшего врачебного училища с новым проектом его устава. Начинать подготовку к открытию в Санкт-Петербурге Медико-хирургической академии вместо училища пришлось осуществлять уже с 1793 г. новому Главному директору Медицинской коллегии А.И. Васильеву в связи со смертью И.П. Фитингофа (1792 г.) Завершит реформу по совершенствованию в России медицинского образования император Павел I, подписав Именной Указ «Об устроении при главных госпиталях особого здания для врачебного училища и учебных театров». Датой подписания этого указа — 18 декабря 1798 г. считается дата основания Медико-хирургической академии [463].

В 1799 г. был Высочайше утвержден доклад Главного директора Медицинской коллегии барона А.И. Васильева «О задачах и структуре Медико-хирургических академий в Санкт-Петербурге и Москве». В этом докладе имеется и первое письменное упоминание названия «Медико-хирургическая академия» [464].

Вместе с А.И. Васильевым подготовкой к открытию Медико-хирургической академии занимались три бывших студента Киево-Могилянской академии — штаб-лекарь Степан Семенович Андриевский (член Медицинской коллегии с 1792 г.), профессор медико-хирургического училища Григорий Иванович Базилевич и доктор медицины Яков Осипович Саполович. Они приняли самое активное участие в подготовке документа «О переустройстве медицинского дела в России», включавшего вопросы подготовки медицинских кадров [465].

С воцарением Александра I (1801–1825 гг.) в государстве стали проводиться реформы в системе управления страной, ее вооруженными силами и военным здравоохранением: упразднились коллегии и замещались министерствами (1802 г.). Медицинская коллегия была подчинена Министерству внутренних дел, а потом преобразована в «экспедицию Государственной медицинской управы». Из ее управления были выведены дела приказов общественного призрения и учрежден Медицинский совет *«для разрешения ученых дел к усовершенствованию и приращению медицинской науки»*. В это же время впервые было разделено управление военным и гражданским здравоохранением (1805 г.).

Главным инспектором *«всей медицинской военной части под начальством министра Военных Сухопутных Сил»* Указом Императора Александра I был назначен в 1806 г. Я.В. Виллие¹ (1768–1854 гг.) [466].

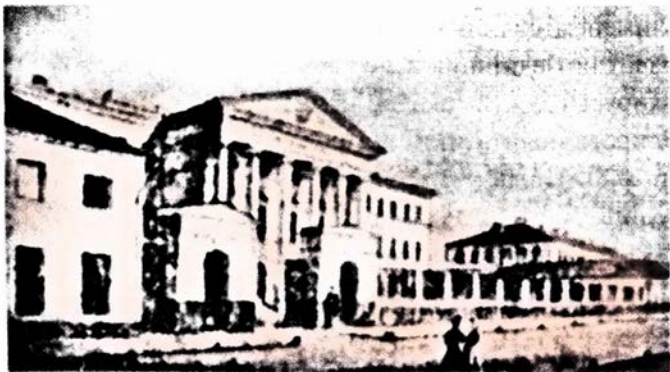
¹ Яков Васильевич **Виллие** – шотландец по происхождению, после учебы на медицинском факультете Эдинбургского университета (1786–1783 гг.), приехал в 1790 г. в Россию и, поступив на службу, был определен лекарем в Елецкий пехотный полк. Ему пришлось участвовать во всех войнах, которые вела Россия в первые два десятилетия XIX в.: с Францией (1805–1807 гг.), с Персией (1804–1813 гг.), с Турцией (1806–1812 гг.), со Швецией (1808–1809 гг.) и, наконец, в Отечественной войне 1812 г. с наполеоновскими войсками. Он выступал в них и как прекрасный организатор медицинского обеспечения армий и как талантливый хирург. Признанием заслуг Я.В. Виллие перед Россией явилось награждение его многими орденами и присвоение высшего для медиков звания – действительного тайного советника. Ему принадлежит несколько талантливо написанных научных работ, предназначенных для оказания помощи военным людям и войсковым врачам: «О желтой американской горячке» (1805 г.), «Краткое наставление о важнейших хирургических операциях» (1806 г.), «Наставление, служащее руководством врачам при наборе рекрут находящимся» (1806, 1810 гг.), «Российская полевая фармакопея» (1808 г.), которая переиздавалась при жизни Я.В. Виллие четыре раза – в 1808, 1812, 1818, 1840 гг. За выдающиеся заслуги Я.В. Виллие после его смерти, на территории Санкт-Петербургской Медико-хирургической академии был установлен памятник, а на средства, которые он завещал, построена в 1872 г. по проекту архитектора К.Я. Соколова больница из 2-х трехэтажных и 1-го пятиэтажного корпусов – «Михайловская клиника баронета Виллие». Она сохранилась до нашего времени и является лучшим памятником Якову Васильевичу Виллие, посвятившему свою жизнь медицине в России [467].

С его именем связан полувековой период истории становления и развития медицины в России. 30 лет он будет возглавлять Медико-хирургическую академию, начиная с 1 августа 1808 г. Этот эрудированный и инициативный медик настойчиво проводил идеи, заложенные еще генерал-штаб-доктором П.З. Кондоиди в середине XVIII в. по подготовке национальных кадров для государства и обучения на русском языке. Им был разработан новый устав академии, которым она ставилась на один уровень с университетом, разделяясь на Санкт-Петербургское и Московское отделения. Число кафедр с 7 увеличилось до 12. Для поступления в нее открывался доступ людям любых сословий, а отличившиеся в учебе получали возможность совершенствовать свои знания в лучших медицинских учебных заведениях Европы.

Санкт-Петербургская Медико-хирургическая академия

К началу деятельности Я.В. Виллие в Санкт-Петербургской Медико-хирургической академии в качестве президента, заканчивалось строительство здания в стиле классицизма, спроектированного архитектором Антонио Порто, и имевшего в плане П-образное расположение (1808—1809 гг.). До смерти архитектора было осуществлено возведение лишь главного, центрального корпуса, в котором разместились конференц-зал, библиотека,

Московская Медико-хирургическая академия

столовая и комнаты для учащихся (1800 г.). Учебные же занятия приходилось проводить первоначально в недостаточно приспособленном для этих целей церковном помещении, в котором температура воздуха в зимнее время не превышала 7 градусов. Когда к главному корпусу пристроили с двух сторон длинные флигели с 82-мя комнатами, занятия в академии стали проходить в хороших условиях. В распоряжении 120 студентов Академии имелась прекрасная библиотека из 12611 томов, часть которых была передана при закрытии Медицинской коллегии и открыт ботанический сад для изучения лекарственных растений. С первых же дней своего существования Санкт-Петербургская Медико-хирургическая академия стала центром подготовки высококвалифицированных кадров для отечественной медицины и профессоров для университетов. В ней начали издаваться первые медицинские учебники. Срок обучения в Академии составлял 4 года и еще один год выпускники стажировались в госпиталях и только после этого получали лекарское звание.

Количество предметов, которые должен был усвоить и сдать на экзаменах студент Академии — впечатляет: латынь, немецкий язык, арифметику, алгебру, геометрию, физику, химию, естественную историю, общую терапию, фармакологию, рецептуру, акушерство, хирургические операции в госпитальных палатах [468].

С момента своего основания и по 1804 г. Медико-хирургическая академия находилась в ведении Медицинской коллегии и не имела устава. Ее деятельность регламентировалась временной инструкцией. До появления должности президента, Академия управлялась Ученым советом — Конференцией.

В 1800 г. ее возглавлял надворный советник И.Х. Ринтебройг. В 1803 г. его сменил действительный статский советник И.Ф. Буш.

С 1804—1805 гг. Ученым советом руководил П.А. Загорский. Он был выходцем с Украины, уроженцем села Понорницы Новгород-Северского наместничества Черниговской губернии, где его отец-священник правил службу в местной церкви. После окончания Черниговского коллегиума (1784 г.) медицинское образование получил в медицинской школе Санкт-Петербургского сухопутного госпиталя. Петр Андреевич был человеком блестящих способностей, что позволило ему с 1800 по 1833 гг. возглавлять в Санкт-Петербурге кафедру анатомии и физиологии Медико-хирургической академии и пополнять при ней музей, в котором хранилась коллекция голландского анатома Ф.Рюйша, купленная в 1717 г. Петром I [469].

Он был автором русского учебника по анатомии человека (в двух томах) — «Сокращенная анатомия или руководство к познанию строения человеческого тела в пользу обучающихся врачебной науке». Книга эта выдержала 5 изданий (1802—1830). П.А. Загорский внес крупный вклад в создание русской анатомической терминологии. Он первым ввел для студентов обязательные занятия по анатомии на трупах, создал первую русскую анатомическую школу, подготовив прозекторов, которые впоследствии заняли самостоятельные кафедры [470].

В 1805 г. на должность ректора Академии был приглашен из Вены знаменитый ученый Иоганн Петер Франк (1745—1821 гг.), а все последующие годы с 1808 и до 1838 г. ее возглавлял действительный тайный советник Я.В. Виллие [471].

Среди почетных членов Санкт-Петербургской Медико-хирургической академии первых двух десятилетий XIX в. были знатнейшие люди страны, начиная от Императора Александра I,

великого князя Константина Павловича, министра внутренних дел, сенатора А.Б. Куракина, обер-камергера сенатора, президента Академии художеств А.С. Строганова, был и его Высокопреосвященство Серапион, митрополит Киевский и Галицкий, архимандрит Киево-Печерской лавры (1808 г.). В этом же списке значатся и такие талантливейшие выпускники Киево-Могилянской академии XVIII в. профессора медицины и хирургии — Павел Михайлович Шумлянский (1750—1824 гг.) — сын казака Полтавской сотни, один из основателей и первых профессоров Харьковского университета; Яков Осипович Саполович (1760—1830 гг.) — сын казака села Срибно Прилуцкого полка, в чине статского советника будет служить гражданским губернатором г. Астрахани (1814 г.); Степан Семенович Андриевский (1760—1818 г.) — действительный статский советник — сын священника местечка Салтыкова Девица Нежинского полка. В 1795 г. он вместе с Я.О. Саполовичем разработали предварительные наставления об обязанностях преподавателей и учеников Медико-хирургической академии [472, 473].

Среди членов-корреспондентов Санкт-Петербургской Медико-хирургической академии были преподаватели и бывшие ученики Киево-Могилянской академии XVIII в. К ним следует отнести, в первую очередь, оператора Киевской Врачебной управы (1810 г.) Петра Андреевича Гординского, преподававшего медицину студентам классов философии и богословия. В Академии успешно трудился доктор медицины и хирургии Григорий Иванович Яворский (1770—1834 гг.) — выпускник Киево-Могилянской академии 1795 г., овладевший профессией лекаря в Санкт-Петербургском училище при сухопутном генеральном госпитале. Сын киевского купца связал свою судьбу с армией и за участие в кампании 1812—1815 гг. против наполеоновской армии был удостоен звания доктора медицины. С 1813 г. имел чин штаб-лекаря действующей армии. В отставку вышел в 1820 г. Свой большой опыт врача-хирурга, участника Отечественной войны 1812 г. талантливый человек обобщал в своих научных работах, которые посылал в адрес Медико-хирургической академии Санкт-Петербурга [474].

Среди членов-корреспондентов Санкт-Петербургской Медико-хирургической академии числился и Михаил Яковлевич Трохимовский (1739–1813 гг.) – уроженец села Безугловки Нежинской сотни Нежинского полка, в котором его отец-священник правил службу в местной церкви. В 1761 г., завершив учебу в Киево-Могилянской академии, он продолжил свое образование в медицинской школе Санкт-Петербургского сухопутного госпиталя, после окончания которой в звании лекаря приступил к службе военного хирурга. Во время Русско-турецкой войны 1768-1774 гг. лечил раненых в госпиталях в районе Бендер и Перекопа. В период разразившейся эпидемии чумы принимал активное участие в ее ликвидации (1770 г.), написав для лекарей инструкции о распознавании и лечении этого заболевания. Выйдя в отставку (1772 г.) жил и работал в Украине в селе Сорочинцах [475].

Членом-корреспондентом Санкт-Петербургской Медико-хирургической академии (1816 г.) был доктор медицины и хирургии, гоф-медик Иван Григорьевич Кашинский – сын священника местечка Василькова Киевской сотни Киевского полка, завершивший Киево-Могилянскую академию классом философии в 1793 г. Этому талантливому человеку мы посвятили рассказ в одной из предыдущих глав нашей работы [476].

Таким образом, постепенное совершенствование в течение XVII–XVIII вв. процесса подготовки военно-медицинских кадров закончилось в конце XVIII в. созданием Медико-хирургических академий в Санкт-Петербурге и Москве. Это открывало, как считал историк Я.А. Чистович *«новую эру в русском медицинском образовании»*.

Глава 16

СТАРЕЙШИЕ КАФЕДРЫ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ МЕДИКО- ХИРУРГИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ, ИХ РУКОВОДИТЕЛИ И ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Студенты Киево-Могилянской академии, приступившие к занятиям с момента образования Санкт-Петербургской Медико-хирургической академии, начинали осваивать программы 7 кафедр.

Старейшей из них была кафедра анатомии. Она учреждалась в числе первых семи кафедр. Ее история начиналась в 1786 г., когда на базе двух хирургических школ, работавших при Сухопутном и Адмиралтейском госпиталях, было образовано Медико-хирургическое училище. Изучение строения тела человека осуществлялось на трупах. Такую анатомию называли «черной», но она позволяла повысить уровень подготовки врачей. Первоначально эту кафедру возглавлял (в училище) доктор медицины профессор Никон Карпович Карпинский (1745 – 1810) – сын казака села Совеевки Радомысльского повета, окончивший в юности Харьковский коллегий, школу при Санкт-Петербургском сухопутном госпитале и Страсбургский университет, в котором защитил диссертацию на звание доктора медицины (1781) [477].

Кафедру анатомии в Академии после Н.К. Карпинского возглавил П.А. Загорский (1764—1846) — создатель первой анатомической школы и автор учебника на русском языке «Сокращенная анатомия» (1802).

Днем создания хирургической кафедры в Академии считается 17 сентября 1800 г., когда профессор Иван Федорович Буш прочитал собравшимся студентам свою первую лекцию, хотя изучение этой науки началось еще в школе профессора Николая Бидлоо в Москве (1707) и в школах Петербургских госпиталей (1733) — Сухопутном, Адмиралтейском и Кронштадтском. В 1710 г. Н.Л. Бидлоо написал для студентов первый учебник по хирургии. Из-за отсутствия в начале XIX в. в Академии клиники, знания учеников по вопросам хирургии восполнялись в госпиталях под наблюдением врачей. Первая клиника была создана только в 1806 г. при Адмиралтейском госпитале на 13 коек. В этом была большая заслуга И.Ф. Буша (1771—1843). Он вошел в историю как основатель первой русской научной хирургической школы. Его труд — «Руководство к преподаванию хирургии» (1808), напечатанное на русском языке, выдержало 5 изданий.

В числе 7 кафедр, учрежденных с открытием Санкт-Петербургской Медико-хирургической академии 48 декабря 1798 г. была кафедра патологии и терапии. Первым ее руководителем и преподавателем был Григорий Иванович Базилевич и студенты Киево-Могилянской академии, поступившие в тот год изучать медицину, слушали его лекции.

Г.И. Базилевич (1759—1802) родился в семье священника слободы Баромля Ахтырского повета. Первоначальное образование получил в Харьковском коллегиуме, а завершал в Киево-Могилянской академии, откуда уехал изучать медицину в школу Санкт-Петербургского сухопутного госпиталя и в 1783 г. ее окончил. Затем работал в этом же госпитале. С 1787 по 1795 г. учился за границей. Звание доктора медицины он получил за свою работу в Стасбургском университете (1790), после чего совершенствовал знания в Париже и Гёттингенском университете.

Вернувшись в Россию, повторно сдал экзамен у доктора Андрея Бахерахта, был признан доктором медицины и определен в Санкт-Петербургское медико-хирургическое училище для преподавания «патологии с частями ее» на кафедре патологии и терапии. В 1798 г. он первым в Медико-хирургической академии получил звание клинического профессора и возглавил организованную среди первых 7 кафедр в Академии кафедру патологии и терапии. С 6 марта 1799 г. Г.И. Базилевич занимал должность ученого секретаря Медицинской коллегии. Уволен со службы по состоянию здоровья в 1801 г. и умер в 1802 г. [478].

С 1799/1800 учебного года кафедрой патологии и терапии стал руководить адъюнкт Иван Андреевич Смеловский (1762–1808) – в прошлом тоже выпускник Киево-Могилянской академии (1788). Он получил звание лекаря в школе при Адмиралтейском госпитале, а штаб-лекаря – в 1796 г. Возглавив кафедру, И.А. Смеловский до 1806 г. стремился дать слушателям основательные теоретические знания.

С 1808 по 1823 г. кафедру терапии возглавлял профессор Конрад Фридрих Уден (1754–1823), который уделял большое внимание клиническому преподаванию предмета, поручив со временем читать лекции профессору С.Ф. Гаевскому (1778–1862) – уроженцу села Жуки близ Полтавы, в прошлом выпускнику Екатеринославской семинарии, студенту Санкт-Петербургской медико-хирургической школы (1796–1862), удосконалившего свои знания в университетах Галле, Лейпцига, Ены, Геттингена. С 1806 по 1810 г. студенты Медико-хирургической академии слушали лекции адъюнкт-профессора Семёна Федоровича Гаевского [479].

Кафедра «материя медика» была тоже одной из старейших кафедр Академии. Она включала помимо фармакологии, фармакогнозии (науку о лекарственном сырье растительного и животного происхождения) и фармацию (науку об изготовлении лекарств). История сохранила имена прославленных врачей XVIII в., препода-

вавших этот предмет в медицинских школах и училищах и мы им уделили достаточно внимания на страницах своей работы.

Первым профессором кафедры «материя медики» предполагалось назначить Григория Федоровича Соболевского (1741–1807) – уроженца г. Глухова, воспитанника Троице-Сергиевской лавры и Киево-Могилянской академии (1757), откуда он поступил изучать медицину в школу при Санкт-Петербургском госпитале. Повышая свою квалификацию за рубежом, изучал в Париже природоведческие науки, защитил докторскую диссертацию и с 1779 г. был директором Санкт-Петербургского ботанического сада. Однако, из-за болезни не смог руководить кафедрой, но оставил за собой чтение лекций по ботанике (1804) [480].

Первым профессором кафедры «материя медики» Санкт-Петербургской академии истории считают Карла (Иоганна-Христиана) Ринтебройга (1754–1802) – уроженца Вестфалии. Медицине обучался в университетах Галле, Гёттингена и Йены. В 1780 г. в Йене получил звание доктора медицины. В начале 1783 г. приехал в Россию и, получив право медицинской практики, служил врачом в Выборгском наместничестве в г. Фридрихсгале. 13 января 1787 г. он был назначен профессором ботаники, материи медики и химии Кронштадтского медико-хирургического училища, а с 2 августа 1799 г. по 1802 г. – профессором кафедры материи медики (фармации), повивального искусства и судной врачебной науки МХА. В сентябре 1800 г. К. Ринтебройг был избран «председательствующим Конференции, как старший по службе» и по сути был первым руководителем академии. Эту должность он занимал до конца жизни.

К. Ринтебройг вошел в историю Академии как основатель преподавания систематического курса материи медики (фармации) и организатор практических занятий по фармации в аптеках сухопутного и морского госпиталей [481].

После его смерти лекционная работа на кафедре перешла к адъюнкт-профессору кафедры Тимофею Андреевичу Смеловскому (1769–1815) – выходцу с Украины. С 1808 г. он уже был профессором [482].

В 1808 г. профессором ботаники и фармакологии был назначен Фридрих Христианович Стефан — уроженец Саксонии, получивший докторский диплом в Лейпцигском университете. Его сменил на кафедре профессор Иоганн Генрихович Рудольф, который умер в 1809 г. После его смерти лекции по ботанике и фармакологии стал читать Ясон Яковлевич Петров (1780—1823), выпускник Санкт-Петербургской Медико-хирургической академии, стажировавшийся в течение трех лет за рубежом. В 1813 г. он стал ординарным профессором кафедры ботаники и фармакологии. Среди его научных работ большую ценность имел составленный им «Каталог растений ботанического сада Санкт-Петербурга» (1816).

Кафедра химии была учреждена сразу же при открытии академии 18 декабря 1798 г. За время своего существования она прославилась своими классическими исследованиями и была тесно связана с историей развития химии в стране. С момента создания кафедры ее возглавлял профессор Василий Михайлович Севергин (1765—1826) — известный минеролог и химик, академик Санкт-Петербургской Академии Наук (1793) и член ряда зарубежных минералогических обществ, основатель и редактор «Технологического журнала». В.М. Севергин руководил кафедрой в течение 6 лет и был одним из шести профессоров, участвовавших в первом заседании Конференции, учрежденной в 1798 г. Медико-хирургической академии. Он успешно развивал химическое направление в минералогии и был автором первых русских руководств по химической технологии добывания минеральных солей и получения селитры. Под его руководством был переведен на русский язык единственный в то время учебник химии для медицинских школ. В.М. Севергин создал в Академии богатый минералогический кабинет [483].

С 1804 г. в течение 19 лет кафедрой химии в Академии руководил доктор философии, в прошлом профессор Дерптского университета Александр Иванович Шере (1771—1824). Это был ученый с мировым именем. Академик Санкт-Петербургской Академии наук А.И. Шере был одновременно академиком

Копенгагенской и Эрфрутской Академий Наук и членом многих европейских обществ естествоиспытателей.

Кафедра акушерства и гинекологии была создана в Санкт-Петербургской академии с момента ее открытия (1798). Однако, изучение «бабьего дела» началось в России значительно раньше и было связано с указом Медицинской коллегии от 14 февраля 1763 г., в котором рекомендовалось госпитальным школам Санкт-Петербурга и Москвы направлять по 6 подлекарей посещать лекции профессоров «повивального искусства» А. Линдемана и И. Эразмуса.

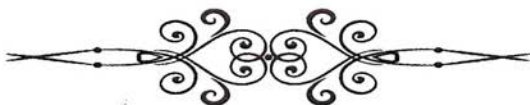
С 1799 г. чтение лекций по этому предмету в Академии было поручено адъюнкту Григорию Ивановичу Сухареву (1770–1807), который в 1800 г. и возглавил в Академии кафедру акушерства. Он был родом из семьи харьковского священника, учился в коллегии своего города, а медицинское образование получил в училище Санкт-Петербургского сухопутного госпиталя (1792–1795). После прочтения пробной лекции «О трудных родах» (1796) он был утвержден адъюнктом кафедры акушерства. В 1799 г. ему было присвоено звание штаб-лекаря и предложена должность адъюнкт-профессора акушерства. Однако, уже в 1803 г. Г.И. Сухарев был назначен главным врачом курорта на Кавказе, где он изучил лечебные свойства минеральных вод и тем самым положил начало их большой славе [484].

В первое десятилетие существования кафедры акушерства при Академии наблюдалась довольно частая смена ее руководства, отсутствие четких программ в обучении и клинической базы, которую создали лишь в 1842 г., несмотря на ходатайства профессоров Н.Я. Дьякова в 1804 г., С.А. Громова в 1808 и в 1816 гг. и самого ректора Академии П. Франка. Профессор Громов руководил кафедрой 26 лет. Сергей Алексеевич много сделал для совершенствования учебного процесса и подготовки отечественных преподавателей «повивального искусства». С 1810 г. кафедра, руководимая профессором С.А. Громовым, получила название «повивального искусства, судебной медицины и медицинской помощи».

Кафедра математики и физики входила в число первых кафедр, открывшихся в 1798 г. в Санкт-Петербургской Медико-хирургической академии. Необходимость учреждения этой кафедры диктовалась тем, что экзамены на степень доктора медицины включали математику и физику наряду с медицинскими дисциплинами. Штат кафедры со времени ее основания предусматривал профессора и адъюнкта. Студенты слушали лекции два раза в неделю.

Первым профессором кафедры стал знаменитый русский ученый-естествоиспытатель Василий Владимирович Петров (1761–1834). В своей научной работе «Известия о гальвани-вольтовых опытах...» (1803) он описал почти все явления электрического тока. Задолго до знаменитого ученого Г. Ома, профессор В.В. Петров установил обратную зависимость между током и сопротивлением и открыл электрические источники света («дуга Петрова»). Большое значение придавал руководитель кафедры и оснащению кабинета современными приборами и его усилия увенчались успехом – кабинет физики при Академии стал одним из лучших в России (после кабинета в Московском университете и Санкт-Петербургской Академии Наук). Высокообразованный и энергичный профессор В.В. Петров оставался бессменным руководителем кафедры математико-физики от ее основания до 1833 г. [485].

Даже краткий обзор работы семи первых кафедр Санкт-Петербургской Медико-хирургической академии в первые два десятилетия XIX в. свидетельствует, что по числу высококвалифицированных профессорско-преподавательских кадров, оснащенных кабинетов, изданных научных трудов, она становилась одной из лучших среди европейских высших медицинских учебных заведений.

Глава 17

ВОСПИТАННИКИ КИЕВО-МОГИЛЯНСКОЙ АКАДЕМИИ – СТУДЕНТЫ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ МЕДИКО- ХИРУРГИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ (ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ XIX ВЕКА)

Студенты Киево-Могилянской академии, уезжавшие в северную столицу в первое десятилетие XIX века приобретать профессию лекаря, были современниками и свидетелями важных политических, экономических и культурных событий тех лет.

Конец правления Павла I увенчался в 1800 г. его указом, согласно которому были введены официальные медицинские звания: лекарь, штаб-лекарь и доктор [486].

Военные врачи полков стали подчиняться Врачебным управам, введенным с 1793 г. в губернских городах *«для лучшего смотрения за военной и гражданской медицинскими частями»*. При новом делении войск в мирное время на 12 дивизий (территорий) появились и местные военно-медицинские начальники – дивизионные доктора [487].

После смерти Павла I русский престол перешел к его сыну Александру I (1801), получившего в наследство государство,

площадь которого к концу XVIII в. увеличилась на треть, население составляло 36 миллионов человек [488].

Вместе с огромной территорией новый монарх получил огромные проблемы, накопившиеся в государстве. Отсталая экономика, крепостное право, давно не реформировавшаяся армия и военная угроза со стороны амбициозного Наполеона Бонапарта — тяжелым грузом легко на плечи нового руководства России.

В начале XIX века Киево-Могилянская академия оставалась учебным заведением, направлявшим в медицинскую науку своих лучших студентов пополнять ряды национальных лекарей.

Под влиянием своего наставника профессора Ириней Фальковского в 1800 г. уехал изучать медицину в Московский университет ученик класса риторики Василий Павлович Ризенко (1783—1827). Он был коренным киевлянином, потомком старшинского рода, имевшего герб «Лада». Его отец — авторитетный купец, служил в городском магистрате. Завершив учебу на медицинском факультете Московского университета, который считался филиалом Санкт-Петербургской Медико-хирургической академии, Василий Ризенко два года (1806—1808) стажировался в Санкт-Петербурге у лейб-медика И. Франка, возглавлявшего Медико-хирургическую академию. Защитив диссертацию «Об обосновании теории динамики развития нормальной и ненормальной матки» на звание доктора медицины в Московском университете, Василий Павлович Ризенко всю свою дальнейшую деятельность связал с ним, будучи в 1814 г. — экстраординарным, 1819 г. — ординарным профессором повивального искусства и одновременно он занимался организацией повивального дела в городе и консультировал больных в Московской больнице для бедных [489, 490].

Будущий доктор медицины, профессор, академик Артемий Петров (1780—1849)? сын священника из местечка Хомутца Миргородской сотни Миргородского полка, завершив свою учебу в Киево-Могилянской академии в 1801 г., продолжил ее в Медико-хирургической академии Санкт-Петербурга, после окончания

которой был оставлен при ней репетитором (1806). Несколько лет он имел возможность обучаться в зарубежных университетах. После возвращения в Россию А. Петров, имея уже звание доктора медицины, служил сначала экстраординарным, а потом и ординарным профессором в Медико-хирургической академии. С 1829 по 1833 г. он избирался ученым секретарем Академии [491].

В сентябре 1801 г. Правление Киевской академии направило в городскую врачебную управу к штаб-лекарю Д.В. Волчанецкому для экзаменования группу студентов из классов богословия, философии и риторики в количестве 14 человек, изъявивших желание изучать медицину в Санкт-Петербургской академии [492]. Среди них были: студент богословия Григорий Оробьович, студенты класса философии — Иван Петрашевский, Иван Сорочинский, Лаврентий Бедрин, Иосиф Якубинский и завершавшие класс риторики — Яков Малкович, Власий Березовский, Данила Белошицкий, Василий Краковецкий, Ефим Яворский, Михаил Кохановский, Василий Велланский, Николай Концевич, Павел Черняховский. Однако, Д.В. Волчанецкий, сводя свои какие-то счета с Академией, *«признал годными к отправке в Петербург лишь двоих — Григория Оробьовича и Николая Концевича»*.

Последний был родом из Богуславского повета, села Емчихи, сын священника. В Киево-Могилянской академии учился с 1797 г. с *«успехом похвальным»* и 22-х летний студент *«был поведения честного»*. *«Он жил в сиротском доме на одной казенной пище»*, поскольку осиротел [493].

Несправедливое решение штаб-лекаря Д.В. Волчанецкого вызвало у академического Правления удивление и *«против него было возбуждено дело»*. В 1801 г. Волчанецкий уехал из Киева, а Киевскую врачебную управу возглавил Афанасий Федорович Масловский, активно сотрудничавший с Академией и, вероятно, все желающие получить медицинское образование смогли осуществить свое решение.

Это предположение в известной мере подтверждается документами, найденными в Историческом архиве г. Киева [494]. 23 сентября 1801 г. студент класса философии Иван Петрашевский

— киевский мешанин, обучавшийся в Академии с 1797 г. от нижних классов получит Аттестат и уедет изучать медицину. 7 октября 1802 г. Василий Велланский (из того же списка 1801 г.) получит документ об окончании учебы в классе риторики и *«определится в ученики медицинской науки при здешней Врачебной управе»* [495]. В 1803 г. получит Аттестат из Академии 22-х летний Власий (Василий) Березовский — уроженец Уманского повета села Юрполя, обучавшийся в Киевской академии с 1799 г. *«с успехом изрядным»* и уедет изучать медицину.

В 1803 г. Медицинское ведомство приглашало учиться в Санкт-Петербургскую Медико-хирургическую академию троих студентов из Киево-Могилянской академии. После экзамена во Врачебной Управе были отобраны: Яков Сингалевич — уроженец местечка Гусятина Каменец-Подольской епархии, сын священника, студент класса философии; Андрей Швабич — уроженец села Копиеватой Липовецкого повета, сын священника и Василий Карпинский — уроженец села Красного Конотопского повета Черниговской епархии, сын священника [496]. Более подробные сведения о себе Василий Карпинский сообщил в *«Нижайшем доношении»* 2 сентября 1803 г. Киевскому Митрополиту Гавриилу. В нем он написал, что обучался в здешней Академии от нижних классов, изучив грамматику, поэзию, риторику, два года философию, греческий и немецкий языки, чистую математику, историю и географию. Черниговская Духовная Дикастерия не возражала отправить Василия Карпинского в медицинскую науку, а Киевская Врачебная Управа нашла его способным и разрешила выдать студенту Аттестат [497].

В 1804 г. Правление Киево-Могилянской академии во главе с ее ректором Иринеем Фальковским отобрало 13 студентов *«успеха препохвального и поведения честного»* для отправки на учебу в Санкт-Петербургскую Медико-хирургическую академию. Среди них были: 27-летний студент богословия Иосиф Малецкий. Он родился в селе Черняхово Киевской епархии и Киевского повета. Его отец — священник местной церкви, определил сына в

Киевскую академию в 1792 г., в которой Иосиф освоил полный курс наук от нижних классов, включая богословие.

Стать лекарем решил и студент класса философии 22-летний Стефан Шпаковский. Он родился в семье священника Сквирского повета, правившего службу в церкви села Мыковец (неразборчиво). В Киевскую академию родители направили сына в 1797 г.

22-летний Ефим Яворский – сын священника Крестовоздвиженской церкви на Подоле поступил в Академию 4 января 1794 г. и с успехом усвоил все предметы, включая философию. Теперь он тоже изъявил желание изучать медицину.

С 4 января 1796 г. стал учиться в Киевской академии 23-летний сын дьячка Звенигородского повета Онуфрий Олинский. Он с успехом изучил все науки, включая философию. С согласия родителей Онуфрий решил продолжить образование в Медико-хирургической академии.

Студент класса философии Андрей Шумановский-Пелешенков имея 21 год от рода тоже решил стать лекарем. Его отец служил дьячком в местной церкви. Сына он определил в Киевскую академию 16 сентября 1801 г.

Студент класса философии Онуфрий Дубецкий поступил в Киевскую Академию в 1794 г. и, усвоив все науки с *«успехом преизрядным»*, уезжал в Санкт-Петербург изучать медицину. Он родился в семье священника села Коваленки Васильковского повета Киевской епархии. Отроду ему был 21 год [498].

Из числа отобранных в медицинскую науку в 1804 г. было и 7 студентов класса риторики. Первым подал прошение в академическое Правление Дмитрий Леонтович. Он родился в семье священника села Гробировки Пилятинского повета Переяславской епархии. 20-летний Дмитрий, проучившийся в Киево-Могилянской академии с 7 сентября 1798 г. получил Аттестат, в котором были отмечены его превосходные успехи и честное поведение.

Завершал учебу в Киевской академии и 15-летний ученик класса риторики Александр Красноленский, родившийся в семье священника местечка Линец Липовецкого повета. В Киеве он учился с 3 сентября 1798 г.

«Довольно похвальных успехов в учебе» был и студент класса риторики Иван Семигиновский. Он родился в Киеве. Его отец — священник, правил службу в Свято-Троицкой церкви и отпускал 16-летнего сына, учившегося в Киевской академии с 9 сентября 1799 г., в медицинскую науку.

17-летний ученик класса риторики Андрей Выражевич поступил в Киевскую академию 27 октября 1797 г. и завершил учебу в 1804 г., чтобы продолжить ее в Медико-хирургической академии. Он был уроженцем села Шубины Ставы Звенигородского повята, сыном священника.

Получив Аттестат, в котором отмечались «похвальные успехи в учебе», решил посвятить себя медицинской профессии ученик класса риторики 17-летний Василий Полонский — уроженец села Юшок Васильковского повята Киевской епархии. Он происходил из священнической семьи, определившей Василия в Киевскую академию 9 сентября 1797 г.

Сирота Владимир Кривцовский поступил в Киевскую академию 2 сентября 1797 г. Его уже умерший отец Филипп — священник Ростовского пехотного полка, принимал участие во всех боях и походах, неся свою подчас скорбную миссию, провожая воинов в царство Небесное. Василию в 1804 г. было 18 лет. Учителя отмечали его «изрядные успехи в учебе».

Уезжал изучать медицину в Санкт-Петербургскую Медико-хирургическую академию со своим родным братом-близнецом и 16-летний Роман Семигиновский. Их отец Иоанн при жизни правил службу в Свято-Троицкой церкви Киева. Роман учился в Киевской академии с сентября 1799 г. [499].

В 1805 г. Военное ведомство предложило Киевской академии послать для обучения в Санкт-Петербургскую Медико-хирургическую академию шестерых лучших своих студентов. Правление академии вскоре предоставило такой список.

Первым в нем значился студент класса богословия Александр Меркурьев. 22-летний Александр поступил в Киевскую академию в 1800 г. Он был родом из Оренбургской губернии, Тоболь-

ской епархии, уезда Челябинского, где в Усть-уйской крепости правил службу его отец-священник, перемещенный потом в Киевскую епархию. Где Александр Меркурьев получил начальное образование архивный документ не указывает. В Киевской академии он отличался «изрядными успехами и поведения был честного» [500].

Из класса философии в 1805 г. уехали изучать медицину двое — Павел Новицкий и Иван Баранович. Павел Новицкий родился в семье священника села Крестиновки Уманского повета. В Киевскую академию он поступил 18 сентября 1796 г. и в течение всех лет был «успеха превосходно-изрядного и поведения отличного». В 1805 г. ему исполнилось 22 года.

Иван Баранович — сын дьячка, родился в селе Смоляки Черниговской епархии Нежинского повета. В Киевской академии он начал учиться 9 сентября 1794 г. и в течении 10 лет с успехом освоил все предметы от нижних классов, включая философский. В 1805 г. ему был 21 год.

Из класса риторики академическое Правление назначило в медицинскую науку троих: Николая Дьяковича — 20-летнего сына священника, родившегося в местечке Прилуки. В Киевской академии он учился с 3 сентября 1801 г. и все предметы освоил «с успехом очень изрядным»; 19-летнего Иосифа Яловского — сына дьячка из Киево-Печерской Воскресенской церкви, учившегося в академии с 3 сентября 1792 г. «с успехом изрядным». Третьим студентом класса риторики Киевской академии, пожелавшим изучать медицину был 18-летний сын священника из села Ямкавец Чигиринского повета Семен Высоцкий. Он поступил в академию 10 сентября 1800 г. и отличался «успехом очень изрядным» [501].

Из этой группы студентов, уехавших изучать медицину в Санкт-Петербургскую академию нам известна лишь служба военного лекаря — Ивана Прокоповича Барановича (1783–1852). Подробные сведения о нем нам предоставила его праправнучка кандидат архитектуры, проживающая в Киеве со своими детьми Наталья Васильевна Рогожина.

Оставшись в детстве сиротами, Иван и его родной брат Степан (1772–1839) были взяты под покровительство своего дяди по матери — ректора Киево-Могилянской академии Феофилакта Слонецкого (1795–1803).

Род Барановичей происходил из древней украинской шляхты, предки которой известны с XIV в. Они проживали в Великом княжестве Литовском вблизи Овруча. За свои заслуги род Барановичей имел герб «Сирокомль».

Завершив класс философии Киево-Могилянской академии в 1805 г., Иван поступил в Санкт-Петербургскую Медико-хирургическую академию, где учился до 1809 г. с большим успехом. Все последующие годы (1809–1851) он нес службу военного лекаря. Вместе со своим 36-м Подольским мушкетерским полком во время Отечественной войны 1812 года прошел тяжелый путь от Смоленска к Бородину, спасая раненых и больных. С переходом русской армии на территорию Европы, Иван Прокопович служил в госпиталях, располагавшихся в Силезии, Пруссии, Саксонии, Баварии. Вернувшись на родину, вышел в отставку и с 1819 по 1832 г. имел частную практику в Златополье Чигиринского повета Киевской губернии. Среди его пациентов была семья будущих декабристов Давыдовых, проживавшая в Каменке. Генеральша Екатерина и ее сын Василий были крестными старших дочек И.П. Барановича — Надежды (1818) и Екатерины (1821). После 1832 г. Иван Прокопович вновь вернулся на службу в войска, завершив свою карьеру военного лекаря лишь в 1851 г. в чине коллежского советника и кавалера двух орденов Св. Анны — II и III ст. Похоронен в Златополье (1852). После него осталось трое сыновей и пятеро дочерей. Старший сын — Николай станет со временем вице-губернатором Екатеринослава [502].

Подробно о большом роде Барановичей, учившихся в Киево-Могилянской Академии Наталья Васильевна Рогожина изложила в «Научных записках» Киево-Могилянской академии [503].

23 ноября 1805 г. член Синода Киевский и Галицкий митрополит Архимандрит Лавры Серапион получил из Правительствующего Синода сообщение, что на основании Указа Всерос-

сийского самодержца императора Александра I следует прислать из Киево-Могилянской академии своего лучшего студента для обучения медико-хирургическим наукам «в надежду учительства» в ней. Деньги для обеспечения проезда в Санкт-Петербург одного студента выделил министр финансов граф А.И. Васильев. Только после окончания учебного 1805/1806 года в классе богословских наук, согласился стать преподавателем медицинской науки в Киево-Могилянской академии Евстафий Рудыковский. Архивный документ сохранил «Именной список» о нем, в котором сказано, что Евстафий родился в семье священника села Ольшанки Васильковского повета и поступил в Киевскую академию 8 января 1796 г.. Он обучался в академии от нижних классов, включая богословие, изучив «с упорством превосходным» латынь, немецкий, польский языки, все программные предметы, в том числе и «первоначалия медицинской науки» [504].

Продолжение учебы в Санкт-Петербургской Медико-хирургической академии открывало 22-летнему студенту возможность получить хорошую специальность и помочь матери с малолетними детьми, оставшейся вдовой после трагической смерти мужа, который в весеннее половодье упал с гребли вместе с лошадьми, повозкой и поклажей в ледяную воду. Мужики, находившиеся поблизости, спасли священника, но вскоре он умер от тяжелой простуды [505].

После завершения медико-хирургического образования в Санкт-Петербурге в 1810 г. Евстафию Петровичу Рудыковскому не пришлось вернуться в Киево-Могилянскую академию для педагогической деятельности. Начавшиеся наполеоновские войны потребовали большого числа военных врачей и ему пришлось начать службу младшим лекарем в Томском пехотном полку, входившем тогда в состав корпуса генерала Н.Н. Раевского. Под командованием этого прославленного военачальника лекарь Евстафий Петрович Рудыковский в период Отечественной войны 1812 г. прошел с отступающей армией от Смоленска, Бородина, Мало-Ярославца и Красного, спасая раненых и больных солдат, а потом полк той же дорогой вернулся к границе и держал

путь на Париж через герцогство Варшавское, Силезию, Саксонию, Баварию. В ходе событий 1812 г. Е.П. Рудыковский получил чин лекаря, а 31 июля 1814 г. — штаб-лекаря. 24 января 1814 г. по Высочайшему указу за отличие по службе он был произведен в коллежские асессоры. По представлению фельдмаршала Барклая де Толли Е.П. Рудыковский за свой героический труд по спасению раненых на Бородинском поле получил пожизненную прибавку к жалованию — 139 р. 28 коп. серебром [506].

После окончания войны с Наполеоновской Францией и возвращения на родину, штаб-лекарь Е.П. Рудыковский подал рапорт с просьбой направить его служить в Киевский военный госпиталь. С 24 октября 1818 г. он был зачислен туда на службу ординатором. Находясь в этой должности, по согласованию с Приказом общественного призрения с 17 декабря по 30 июня 1825г. лечил больных в городской больнице, пользуясь большим авторитетом. Штаб-лекарь Е.П. Рудыковский никогда не пропускал возможности пополнять свои знания, знакомясь с опытом работы других докторов. Так, еще в 1814 г., находясь в Париже, он посещал терапевтическую клинику Жана Николаса Корвизара, чтобы на практике освоить новый по тем временам метод — перкуссии. Там же, в столице Франции, Рудыковский познакомился с профессором Дюпюитреном и потом неоднократно посещал его госпиталь, в хирургической клинике которогознакомился с современными достижениями хирургической науки в Европе.

Кроме того, в Киевский военный госпиталь после Отечественной войны 1812 г. и заграничного похода прибыли опытные лекари — В.И. Вернадский (дед будущего академика В.И. Вернадского), Стефан (Степан) Федорович Берлинский (брат историка Максима Федоровича), Матвей Велланский — брат профессора Санкт-Петербургской Медико-хирургической академии Даниила Велланского. Они все дружили и обогащали друг друга своими знаниями.

В 1830-х гг., когда в Киеве вспыхнула эпидемия холеры, основная нагрузка по лечению больных легла на больницы Прика-

за общественного призрения, в которых тогда работал штаб-лекарь В.П. Рудыковский.

В 1831 г. он был *«Всемиловитейше пожалован Знаком отличия за беспорочную службу в течение 20 лет»*.

По желанию Евстафия Петровича Медицинский департамент 30 апреля 1834 г. предоставил ему возможность сосредоточить свою медицинскую службу только в Киевском военном госпитале на Печерске, в котором он получал 419 рублей серебром жалования в год и за участие в Бородинском сражении еще 139 р. 28 коп.

22 августа 1841 г. Е.П. Рудыковский вновь был награжден Знаком отличия уже за 30-летнюю службу. Потом будут еще такие же награды за 35-летнюю службу (1846 г), и 40-летнюю (1851). Тогда же он был награжден орденом Св. Анны 2-й степени.

В городе Евстафия Петровича знали не только как прекрасного доктора, но и как широко эрудированного человека. С ним долгие годы общалась семья генерала Н.Н. Раевского и его гости – А.С. Грибоедов, А.С. Пушкин, будущие декабристы – С. Трубецкой, Н. Лорер, А. Поджио. Дочь штаб-лекаря – Александра Евстафьевна на страницах своего «Альбомчика», который хранится в Институте Рукописей НБУВ, рассказала, что во время прогулок на Шулявке отца сопровождали профессора Университета Св. Владимира – ректор М.А. Максимович, В.Я. Шульгин, С.О. Богородский. Все они были непревзойденными рассказчиками, а Евстафий Петрович читал им еще и свои стихи [507].

В историю медицины XIX в. выпускник Киево-Могилянской академии 1805 года вошел как высокоодаренный практик и исследователь, оправдавший надежды своих учителей, направивших его изучать медицинскую науку. Он скончался в 1851 г., оставив после себя большую семью – жену Екатерину Ивановну (урожденную Башлавскую) и 13 детей [508].

В конце октября 1806 г. Киевский гражданский губернатор Петр Прокофьевич Панкратьев получил сообщение от Министра Внутренних Дел Действительного Тайного советника Сенатора и кавалера Виктора Павловича Кочубея о том, что в 1805 г. было

набрано в Санкт-Петербургскую Медико-хирургическую академию *«недостаточное число молодых людей»*. Поэтому предполагалось, на основании полученной копии Указа Его Императорского Величества о наборе в Санкт-Петербургскую академию, объявить студентам Киево-Могилянской академии об очередном наборе. Сообщив об этом в Правление академии, Панкратьев уточнил, что отныне студенты могут подавать свои прошения непосредственно ему. О полученных от Гражданского губернатора документах, ректор Академии Иоакимф (Логановский) сообщил в Киевскую Духовную Дикастерию, а оттуда передали Митрополиту Серепиону о том, что к П.П. Панкратьеву уже явились 35 студентов со своими прошениями направить их в медицинскую науку. Однако, сделать это без разрешения Митрополита было нельзя, поскольку 32 человека происходили из семей духовного звания и только трое — Кирило Иванченков, Павел Компанеец и Степан Губский, имели светских отцов. Ответ Митрополита не заставил себя долго ждать. На основании решения Правительствующего Синода от 26 сентября 1797 г. разрешалось допускать к экзаменам во Врачебной управе студентов из семей священнослужителей и лучших направлять в медицинскую науку. Список студентов Киево-Могилянской академии, пришедших на экзамен и имеющийся в архивном деле мы сочли нужным напечатать [509, 510].

СПИСОК

студентов Киево-Могилянской академии, желавших поехать учиться в 1806 г. в Санкт-Петербургскую Медико-хирургическую академию [511].

Студенты класса философии: Григорий Духовский, Кирило Иванченков, Яков Селевский, Григорий Левицкий.

Студенты класса риторики: Давид Топольский, Петр Нечаев, Иван Скибинский, Федор Александрович,

Леонтий Дончевский, Автоном Самборский, Михаил Стемжицкий, Дорофей Сенаторский, Федор Серединский, Степан Гловацкий, Прокоп Турский, Лукьян Комарницкий, Авксентий Пленецкий, Андрей Ростопоровский, Семен Дорогонеvский, Иван Любинский, Иван Мотылевич, Дмитрий Шароградский, Венедикт Красницкий, Лев Брояковский, Кирилл Травницкий, Василий Серединский, Иван Бнемтовский, Феодосий Ковальский, Илья Подвысоцкий, Павел Янчуковский, Павел Гребинецкий, Степан Губский, Филипп Вироцкий, Павел Компанейцев (35-го ученика в списке нет).

Всех молодых людей, пожелавших продолжить учебу в Санкт-Петербургской Медико-хирургической академии, Киевский гражданский губернатор ознакомил с правилами приема. Они состояли из 6 пунктов, в которых предусматривалось, что поступающие должны быть обучены словесным наукам — риторике, логике и знать российский и латинский языки, а также иметь *«физические качества неиспорченные»*. Возраст юношей определялся от 16—19 лет. Перед отправкой в Санкт-Петербург все должны быть проэкзаменованы во Врачебной управе. Для проезда до места назначения каждый получит *«прогонные деньги на две лошади»*, а по прибытии в Академию *«тотчас будут приняты на казенное содержание»*. По окончании курса врачебных наук, все производятся в кандидаты хирургии и назначаются в военное ведомство для распределения лекарями к местам службы с жалованьем на первый случай по четыреста рублей в год. Ежели кто из поступивших пожелает вернуться из Академии, не захочет продолжать учение, то может быть уволен, но только возвратив в казну потраченные на него деньги [512].

После посещения Врачебной управы в 1806 г. несколько человек не поехали изучать медицину: Николай Шеремецинский, Иван Волченецкий, Михаил Стемжицкий и Иван Любинский.

Вместо них академическое Правление подобрало другие кандидатуры: Ивана Родецкого и Романа Слодкевича с философского класса и Давида Топольского, Ивана Скибинского из риторического. Двое последних, вероятно, вторично экзаменовались 26.06.1807 года. Об этом сообщили митрополиту [513].

Отправить всех желающих изучать медицину в Санкт-Петербург одновременно было, вероятно, невозможно и отправка осуществлялась в течение последующих лет. 26 июня 1807 г. Правление Киевской академии выдало Свидетельства об окончании учебы и отъезде в Медико-хирургическую академию Санкт-Петербурга шестерым ученикам из большого списка желающих 34-х человек: Давиду Топольскому, Федору Александровичу, Дорофею Сенаторскому, Лукьяну Комарницкому и Ивану Скибинскому.

17-летний ученик класса риторики Давид Топольский — сын дьячка Преображенской церкви местечка Канева Богуславского повета поступил в Киево-Могилянскую академию 5 сентября 1800 г. и освоил все предметы от нижних классов, включая риторику, которую изучал два года; латынь, греческий, немецкий и французский языки знал превосходно.

18-летний Иван Скибинский — уроженец г. Минска поступил в Киевскую академию в 1803 г. До этого сын дьячка учился с 1797 г. в Минской семинарии. В Киеве он поступил в класс поэзии и потом более трех лет «с успехом препохвальным» изучал риторику.

19-летний ученик класса риторики Федор Александрович родился в семье священника села Хиток Богуславского повета. В Киевскую академию он поступил 4 сентября 1800 г. и обучался от нижних классов, включая риторику, которую изучал 2 года «с успехом преизрядным». Федор сдал экзамены по латыни, немецкому, французскому и греческому языкам и всем программным предметам: истории, географии, математике. Врачебная управа рекомендовала его внести в список достойных продолжать образование в Санкт-Петербургской Медико-хирургической академии.

18-летний Лукьян Комарницкий — уроженец села Ладжиженки Уманского повета родился в семье священника местной церкви.

В Киевскую академию он поступил 5 сентября 1799 г. и с успехом изучил все науки от нижних классов, включая риторику, которую постигал три года, получая отличные оценки. Он хорошо знал латынь и греческий язык. Свои знания Лукьян «с *успехом похвальным*» продемонстрировал на экзамене в Киевской Врачебной управе.

С того же класса риторики Киевской академии направлялся в 1807 г. в Медико-хирургическую академию и Василий Серединский. Он родился в селе Дацки Богуславского повета. Его отец — священник, отправил сына в Киевскую академию 9 сентября 1797 г. Василий, начав учебу с нижних классов, изучал риторику четыре года «с *успехом похвальным*». 19-летнего Василия Серединского включили в список отъезжавших в Медико-хирургическую академию (1807).

17-летний ученик риторики Дорофей Сенаторский — уроженец села Вильни Радомысльского повета происходил из семьи дьячка. В Киевской академии он обучался с 3 сентября 1800 г. и «с *успехом препохвальным*» изучил все предметы от нижних классов, включая риторику.

Все шестеро лучших учеников Академии, получив Аттестаты о «*похвальных знаниях*» и «*честном поведении*» уехали в Санкт-Петербург 31 июля 1807 г. Об этом сообщили в Духовную Дикастерию из Академического Правления [514].

Сведения о Дорофее Григорьевиче Сенаторском нам удалось разыскать в киевских архивах. После завершения учебы в Санкт-Петербургской Медико-хирургической академии, он служил ординатором Тифлисского военного госпиталя (1812), потом лекарем 46 егерского полка (1815), а с 1829 г. в военном госпитале Киевского арсенала. За свою службу в военных госпиталях был награжден орденом Св. Анны 3-й степени [515, 516]. Штаб-лекарь Дорофей Григорьевич Сенаторский жил с женой Александрой Павловной (ур. Королевой) в парафии Киевской Троицкой Лыбедской церкви [517].

В 1807 г. по указанию академического Правления в Медико-хирургическую академию было отобрано еще трое учеников

класса риторики: Иван Подвысоцкий — уроженец села Ставище Радомысльского повета, сын священника. Он обучался в Киевской академии «с успехом изрядным» с 4 сентября 1799 г. и изучил все науки, преподававшиеся от нижних классов, включая риторику, которую штудировал три года. Иван хорошо знал латынь и греческий язык. Отец-священник не препятствовал желанию 20-летнего сына стать лекарем.

Из того же класса риторики в 1807 г. уехал изучать медицину Петр Пашенков — 17-летний сын священника Введенской церкви местечка Триполье. Он обучался в Киевской академии с 1800 г. от нижних классов, включая риторический. При проверке во Врачебной управе он показал хорошие знания латыни, греческого и немецкого языков.

Вместе с товарищами по классу риторики уехал в Санкт-Петербургскую Медико-хирургическую академию и 17-летний сын священника села Безродичи Киевского повета Василий Пашкевич. Он поступил в Киевскую академию 6 сентября 1800 г. и освоил всю программу от нижних классов до риторики, которую изучал один год. Он хорошо знал латынь, греческий и немецкий языки.

Все отъезжавшие в Санкт-Петербург были юноши «честного поведения». Их успехи в учебе и моральные качества подтверждал Ректор академии Иоакимф [518].

Будущий доктор медицины, гоф-медик императорского двора Ефим Иванович Андриевский тоже поступил в Медико-хирургическую академию Санкт-Петербурга в 1807 г., но только путь его туда был несколько иной. Он родился в 1777 г. в семье священника местечка Смела Черкасского воеводства. В Киево-Могилянской академии Ефим учился с 13 сентября 1795 г. и успешно освоил программу от нижних классов, включая риторический. Выступая в студенческом хоре, он обратил на себя внимание регента, который оценил красивый голос подростка и Ефима пригласили в хор митрополита. С 13 ноября 1801 г. по 1807 г. он был участником этого хора.

Образованный, талантливый и дисциплинированный Е. Андриевский в 1807 г. принял решение стать врачом. После окончания учебы в Санкт-Петербургской Медико-хирургической академии (1807–1811) он был направлен в лейб-гвардии Преображенский полк, а оттуда вскоре — в лейб-гвардии Литовский. С этим полком он прошел весь путь (1812–1815) во время Отечественной войны с наполеоновскими армиями. За самоотверженный труд по спасению раненых в этой кампании Ефим Иванович Андриевский был удостоен чина коллежского асессора, звания штаб-лекаря, ордена Св. Владимира IV степени и двух драгоценных перстней. С 1815 г. он четыре года служил старшим лекарем лейб-гвардии Павловского полка, после чего был переведен на должность гоф-медика императорского двора (1819). 19 декабря 1834 г. он получил звание доктора медицины и хирургии за большую практическую и научную деятельность. Учтены были и его труды: «Два практических наблюдения о нарыве в легком», «О хронической накожной болезни *impetigo* называемой, и о новом действительнейшем против оной средстве», «Лечение икоты», «Лекарства против кровотечения из заднего прохода».

Е.И. Андриевский был основателем и руководителем Общества русских врачей, имел чин действительного статского советника. Он умер в Санкт-Петербурге в 1840 г. В его семье было два сына. Один из них — Николай, служил сначала харьковским вице-губернатором, а потом губернатором в Перми и Казани. Второй сын — Иван Ефимович Андриевский был ректором и ординарным профессором кафедры полицейского права Санкт-Петербургского университета [519].

В конце июня 1808 г. Академическое Правление в своем рапорте Киевскому митрополиту Серапиону сообщало о том, что во исполнение указа из здешней Духовной Дикастерии от 15 мая под номером 1636 об отправке из Киевской академии *«в число требуемых на нынешней, 1808 год в Медико-хирургическую академию желающих пяти человек»*, список уже составлен и под ним

стояли подписи ректора Академии учителя Богословия Архимандрита Иоакимфа и Префекта иеромонаха Мефодия.

Далее архивный документ сообщал сведения об отобранных студентах в медицинскую науку. Первым в списке был записан Григорий Духовский — студент богословских наук, уроженец села Борисовки Липовецкого повета. 23-летний сын священника. В Киево-Могилянской академии он обучался с 17 сентября 1796 г. Первоначально Григорий учился в польских Немеровских классах (латинской грамматики, арифметике, истории, географии, польскому языку), а с 1800 г. в КМА в высшем классе латинской грамматики, поэзии, риторики, философии и 9 месяцев богословия. За время обучения в Киевской академии Григорий Духовский овладел высшим красноречием, греческим, немецким, французским языками *«с успехом превосходно-похвальным»*.

22-х летний Иван Родецкий — уроженец села Лесович Тарашанского повета родился в семье священника. В Киево-Могилянскую академию поступил 9 сентября 1799 г. и освоил всю программу от нижних классов, включая Богословие, которое изучал 9 месяцев *«с успехом преизрядным»*.

Третьим студентом Киевской академии, рекомендованным в медицинскую науку, был Григорий Поторжинский. 23-х летний сын священника из села Пастырского Чигиринского повета поступил в Киевскую академию 9 сентября 1797 г. и проучился от нижних классов, включая богословский. *«С успехом преизрядным»* он усвоил все предметы, включая высшее красноречие, греческий, немецкий и французский языки, а также «первоначальные правила врачебной науки».

Следующим в списке, уезжавшим в Санкт-Петербургскую Медико-хирургическую академию в 1808 г. был записан студент класса философии Иван Мотылевич. 19-летний сын священника из села Строково Сквирского повета поступил в Киевскую академию 5 сентября 1799 г. и обучался в ней от нижних классов, включая философский. За время учебы он *«с успехом превосходным»* освоил высшее красноречие, греческий и французский языки.

В 1808 г. в классе риторики для учебы в Санкт-Петербургской Медико-хирургической академии был отобран 16-летний сын дьячка с местечка Корсуня Богуславского повета Авксентий Обошинский. Он поступил в Киево-Могилянскую академию 20 августа 1800 г. и учился с нижних классов, включая риторику «с успехом преизрядным».

Ректор Иакинф и Префект Мефодий отметили, что все уезжавшие были «поведения благонравного и честного» [520].

4 августа 1808 г. Киевский митрополит Серапион сообщил в Правительствующий Синод, что на основании Указа Его Императорского Величества отправлено из Киевской академии 5 человек для изучения медицинской науки.

Все приведенные в этой главе архивные документы свидетельствуют о том, что и в начале XIX в. в высокообразованных учениках Киево-Могилянской академии нуждались медицинские академии России для пополнения рядов военных лекарей.

Период 1808–1814 гг. был тревожным в жизни Киево-Могилянской академии. Ее уже давно стремились приравнять к обычным духовным учебным заведениям и лишить всех привилегий, полученных еще в XVII столетии. Однако мудрая политика ректоров, направленная на совершенствование учебного процесса и введения ряда новых светских дисциплин, удержало ее от закрытия в 1814 г., когда был опубликован императорский указ об «Уставе духовных училищ» и Киево-Могилянская академия еще просуществовала три года со своими древними традициями, веками отработанными программами, качеством подготовки грамотных молодых людей для разнообразной государственной деятельности [521]. В 1809 г. Святейший Синод вновь предложил прислать из Киево-Могилянской академии 10 студентов в число слушателей Санкт-Петербургской Медико-хирургической академии.

В сентябре 1809 г. Киевская Врачебная управа и гражданский губернатор Панкратьев сообщили ректору Киево-Могилянской академии, что после экзамена по латыни и российской словесности отобраны для отправки в Санкт-Петербургскую Медико-хирургическую академию 10 лучших учеников философского и

риторического классов. В этом списке значились: с философского класса — Авксентий Пленецкий, Аким Мокошинский, Автoном Самборский, Михаил Козловский и Адам Вирожевич.

Из класса риторики рекомендованы — Андрей Ростопоровский, Леонтий Дончевский, Афанасий Захарченков, Иван Петровский и Афанасий Янчоковский. Этот список позднее был дополнен фамилией студента Ивана Динничева, которого направляли в Московский филиал Академии [522].

30 ноября 1809 г. ректор Киево-Могилянской академии Иоакимф и ее префект иеромонах Мефодий рапортовали в канцелярию Киевского митрополита о том, что студент класса Богословия Василий Гамалея желает поступить в Медико-хирургическую науку и ему можно выдать Аттестат, поскольку собеседование во Врачебной управе он прошел успешно [523]. В копии Аттестата, сохранившегося в этом деле сказано, что Василий Гамалея — сын протоиерея, родился в местечке Новые Санжары Полтавской Малороссийской епархии, Кобеляцкого повета. В Киевской академии обучался с 28 сентября 1805 г. За это время Василий два года изучал философию и два года богословские науки. «С превосходным успехом» он владел высшим красноречием, греческим, немецким и французским языками.

В декабре 1809 г. Аттестат об окончании философского класса Киево-Могилянской академии получил, отправляясь на учебу в Санкт-Петербургскую Медико-хирургическую академию, и студент Михаил Козловский, но биографические сведения о нем в этом архивном деле отсутствуют [524].

В 1810 г. вновь объявлено о наборе студентов Киево-Могилянской академии в медицинскую науку.

Этому предшествовало получение Правлением Киевской академии копии Указа Его императорского Величества о наборе со всех духовных училищ 51 слушателя в Санкт-Петербургскую Медико-хирургическую академию.

Из Киево-Могилянской академии 20 сентября 1810 г. в адрес Министра Внутренних Дел Тайного Советника князя Голицина

поступили прошения от таких студентов – Тимофея Ольховского, Луки Кондрацкого и Якова Яроцкого [525].

Сведения о них академическое Правление сообщает такие: Тимофей Ольховский – студент класса Богословия является уроженцем местечка Екатеринополя Звенигородского повета, где его отец – протоиерей правит службу в Воскресенской церкви. Тимофей поступил в Киевскую академию *«для науки в 1801 г. 16 сентября»* и обучался от нижних классов, изучив латынь, грамматику, поэтику, риторику, философию и Богословие (1 год). Он знал греческий, французский, немецкий языки. От роду ему был 21 год.

20-летний Лука Кондрацкий – сын священника села Орадовка Уманского повета поступил в Киевскую академию 19 апреля 1801 г. и учился в ней от нижних классов, включая философский. *«С успехом очень хорошим»* изучил он латынь, грамматику, поэтику, риторику, философию, высшее красноречие, еврейский, французский и немецкий языки. Поведением отличался благонравным.

Ученик класса философии Яков Яроцкий – уроженец Киева. Его отец – священник правил службу в Иорданской Николаевской церкви Подола. Яков поступил в Киевскую академию 5 октября 1801 г. и *«с успехом преизрядным»* изучил все предметы от нижних классов, включая философию, которую изучал 1 год. Он знал греческий, французский и немецкий языки. Учителя отмечали, что поведения он был *«примерно честного»*. Теперь 20-летний Яков с согласия отца уезжал изучать медицинскую науку. Под этими сведениями подписался Ректор Академии учитель Богословия Архимандрит Иоакимф и Префект Никита Соколовский. 21 сентября 1810 г. они рапортовали Митрополиту в Духовную Дикастерию об отправке в Санкт-Петербург этих трех студентов [526].

Подводя итог первого десятилетия XIX в. изучения медицины студентами Киево-Могилянской академии в Санкт-Петербурге, следует отметить, что каждый из них, проходя затем службу в армии, на флоте и в гражданском ведомстве свои знания и опыт использовали для оказания медицинской помощи людям, совершенствования медицинского образования и развития науки.

Киево-Могилянская академия гордилась также теми студентами, чьи фамилии были занесены на мраморную доску почета Медико-хирургической академии — Даниилом Велланским (окончил в 1802 г.) и Яковом Кайдановым (выпускник 1803 г.). К этим фамилиям мы считаем необходимо присоединить и одного из лучших выпускников Санкт-Петербургской Медико-хирургической академии 1800 года — Семена Гаецкого, родившегося в Полтаве, в семье казацкой старшины Полтавского полка, дед и отец которого были участниками Русско-турецкой войны 1735—1739. В годы отрочества Семена в городе до 1804 г. находилась Екатеринославская семинария, оказавшаяся в немилости у императора Павла I. Ее окончил с успехом Семен Федорович Гаевский [527].

Глава 18

КИЕВ И КИЕВСКАЯ АКАДЕМИЯ В 1811–1812 гг.

В начале второго десятилетия XIX в. в Киево-Могилянской академии произошли трагические события. Жарким летом 1811 года от неаккуратного обращения с огнем, на Подоле загорелся деревянный дом и пламя перекинулось на изгороди, мостовые и соседние дома. Неописуемая паника охватила жителей. Сильный ветер, дувший со стороны Днепра, перебросил огонь и на постройки Киевской академии. Городской архитектор Андрей Меленский, которому потом было поручено распланировать новые улицы выгоревшего Подола, осмотрев территорию Академии в своем описании всех повреждений Братского училищного монастыря сообщил следующее: *«на трехэтажной колокольне сгорел шпиль и вся деревянная отделка третьего и второго этажей, а колокола растопились от сильного жара. На пятикупольном храме Богоявления Господня сгорели деревянные 2 купола, кровля, иконостас, двери, оконные рамы, порвались железные внутренние связи, обгорела вся штукатурка внутри и снаружи. В каменных настоятельских кельях и в поварне уничтожены все деревянные части — потолки, полы, двери и окна. До основания сгорели деревянные корпуса, в которых жил префект, учителя и монахи. В большом каменном 2-этажном корпусе академических классов сгорела крыша, потолки, полы, двери, окна и вся деревянная*

отделка. У каменного двухэтажного здания библиотеки сгорела крыша, но огонь не проник во внутрь помещения и книги остались целыми. Академия лишилась деревянного больничного дома, но двухэтажный каменный дом бурсы чудом сохранился». С этим отчетом архитектора Андрея Меленского можно ознакомиться в Центральном государственном историческом архиве Киева [528].

В 1811–1812 учебном году учеников академии пришлось разместить в разных городских помещениях. На помощь своей Alma mater поспешили в первую очередь ее бывшие студенты – архимандрит Варлаам Баранович, Уманский протоиерей Иоанн Гвоздиевский, статский советник Семен Спешницкий и многие другие. Император Александр I перечислил на ремонт Братского училищного монастыря 162602 р. Свои личные библиотеки с ценными книгами на многих языках завещали – помещик Полтавской губернии Иосиф Маркович, надворный советник Скоропышницкий и соборный старец Киево-Печерской лавры Иерофей Нацинский [529]. 10 книг из своей библиотеки на иностранных языках, изданных в XVII–XVIII вв. во Франфуркте на Майне, Петрополе, Кенигсберге, Лейпциге, прислал в библиотеку Академии ее бывший ученик, а потом ректор епископ Смоленский Ириней Фальковский (1812) [530].

В мае 1812 г. архимандрит первоклассного Киево-Пустынно-Николаевского монастыря Киприан передал в дар Киево-Могилянской академии библиотеку книг на разных языках из своей обители вместе со шкафами, в которых они находились [531].

На основании Указа, последовавшего из святейшего Правительствующего Синода от 26 июня 1811 г., из Киевской академии уезжали продолжать учебу в Медико-хирургической императорской академии 11 студентов, показавших отличные знания на экзаменах во Врачебной управе Киева. Это были выпускники класса философии [532].

Одним из первых учеников философского класса, прошедших проверку и получивший Аттестат в августе 1811 г. разрешавший ехать учиться в Медико-хирургическую императорскую Академию был Василий Гловацкий [533]. В его документе записано,

что он родился в семье священника села Волчкова Радомысльского повета Киевской епархии и от роду ему 21 год. В Киевскую академию Василий поступил 9 января 1801 года и обучался от нижних классов, в которых изучал латинскую грамматику, поэзию, риторiku «и *чрез два года*» философские предметы, высшее латинское и российское красноречие, греческий, польский и французский языки. Кроме этих предметов он знал чистую и смешанную математику, историю и географию. Учился Василий «с *успехом преизрядным*» и поведения был «*весьма честного*».

18 сентября 1811 г. получил Аттестат об окончании Киево-Могилянской академии студент класса философии Севастьян Петрушевский [534]. Он родился в семье священника села Руды Васильковского повета Киевской епархии. В Киевскую академию он поступил 7 сентября 1801 г. и обучался в ней от нижних классов до философского, в котором был 2 года. Все предметы Севастьян изучал «с *успехом порядным и поведения был благоправного*». Об этом свидетельствовал учитель красноречия иеромонах Мелетий. Севастьяну Петрушевскому в 1811 г. был 21 год.

Успешно сдал экзамен в Киевской Врачебной управе и Григорий Петрушевский. Он родился в семье священника села Дулицкого Васильковского повета Киевской епархии. В Киевскую академию его приняли 3 сентября 1801 г. и учился в ней все годы с отменным успехом по всем предметам от нижних классов, включая философский. Помимо общеобразовательных предметов, Григорий хорошо знал латынь, греческий и французский языки. Об этом свидетельствовали его учителя — иеромонах Мелетий, преподававший красноречие, Дионисий Кунацкий, преподававший французский язык и священник Стефан Семеновский, преподававший греческий язык. С «Аттестатом», подписанным префектом Киевской академии Иосифом в августе 1811 г. уезжал изучать медицину в Санкт-Петербургскую Медико-хирургическую академию Григорий Петрушевский, которому от роду было 21 год [535].

Прослушав 2 года курс философии, уезжал в Санкт-Петербургскую Медико-хирургическую академию 19-летний Павел

Сорокин. Он родился в семье священника села Борки Чигиринского повета Киевской епархии. В Киево-Могилянскую академию Павел поступил 6 сентября 1801 г. и учился от нижних классов «с успехом изрядным», освоив латинскую грамматику, поэзию, риторiku, высшее латинское и российское красноречие, греческий, польский и французский языки. Преподаватели и префект Академии считали Павла Сорокина достойным стать слушателем медицинской академии [536].

После проверки знаний во Врачебной управе у 20-летнего студента философского класса Киевской академии Макара Гулькевича, он был включен в список рекомендованных для продолжения учебы в медицинском ведомстве. Вместе со своими товарищами Макар уезжал в Санкт-Петербургскую медико-хирургическую академию. В Аттестате, подписанном префектом и учителями сообщалось, что родился он в семье священника села Выграева Богуславского повета Киевской епархии. В Киевскую академию родители определили сына 15 сентября 1801 г. и он с успехом освоил все предметы от нижних классов, включая философию, которую изучал 2 года. Макар Гулькевич отличался хорошими способностями и честным поведением [537].

В августе 1811 г. получил Аттестат об окончании класса философии Киевской академии и 20-летний Андрей Солухин. Он родился в семье священника села Новоселицы Сквирского повета Киевской епархии. Его приняли в Академию 9 сентября 1802 г. и он проучился в ней от нижних классов до философии, которую изучал 2 года «с успехом изрядным». Теперь Андрей принял решение стать врачом. В Аттестате, который ему выдали, было сказано, не только где он родился, но перечислены все предметы, которые он освоил за время учебы в Киевской академии [538].

В 1811 г. изъявил желание изучать медицину студент класса философии Киевской академии Георгий Богацкий. Он родился в семье священника села Орловец Черкасского повета Киевской епархии. «Для изучения наук» Георгий поступил в Академию 8 сентября 1800 г. и с успехом освоил все предметы от нижних

классов, включая философию, латынь, греческий и немецкий языки, поэтику и риторику. Префект Академии (он же учитель философии), подписывавший Аттестаты всем отъезжавшим в Санкт-Петербургскую медико-хирургическую академию, свидетельствовал, что в 1811 г. Георгию Богацкому было 20 лет [539].

11 сентября из Киевской Врачебной управы в адрес Академического правления поступило сообщение о том, что «*были испытаны*» студенты, желавшие продолжить свое образование в Медико-хирургической академии — Михаил Михнович и Семен Радченко. Экзаменаторы нашли их «*к изучению медицины способными*». Однако, Семен Радченко в сентябре 1811 г. заболел и не смог уехать вместе с товарищами по философскому классу. Видимо, поэтому копия его Аттестата в архивном деле отсутствует, а М. Михновича — имеется.

Михаил Михнович родился в семье священника, правившего службу в селе Бобрицы Богуславского повета Киевской епархии. 7 сентября 1802 г. родители определили Михаила в Киевскую академию, в которой он обучался от нижних классов, включая философский. Учился Михаил «*с успехом изрядным*». В Аттестате перечислены все предметы, которые Михаил Михнович изучал в течение 9 лет. В 1811 г. ему было 19 лет [540].

В этом же архивном деле (Л.21) есть сообщение о том, что два студента Киевской академии — Иван Синкевич и Григорий Янчуковский подали прошение направить их в Медико-хирургическую академию изучать ветеринарное дело.

В 1811 г. поступали просьбы и от других студентов, желавших изучать медицинскую науку, но их не всегда отпускала епархия, к которой они принадлежали. Так, например, сын священника из Остерского повета Михаил Мазюкевич получил отказ из Черниговской Декастерии покидать учебу в классе Богословия Киевской академии, поскольку ему уготовлена служба в одном из приходов Черниговщины [541].

В конце 1811 г. уехал из Киева поступать в Московскую Медико-хирургическую академию студент класса философии Ми-

хаил Усович. Он родился в 1793 г. в семье известного киевского купца Кузьмы Усовича, избравшегося райцею магистрата. Семья имела на Подоле 2 усадьбы. На одной из них до нашего времени сохранилась «камяница», в которой сейчас находится «Музей Гетьманства» (ул. Спасская, 16-а). Завершив медицинское образование и получив чин лекаря 1-го класса, Михаил Кузьмич Усович служил в г. Крапивне Тульской губернии, а потом в г. Каргополе Олонецкой губернии (1826) [542, 543, 544].

Начавшаяся в 1812 г. война с Наполеоновскими армиями приостановила отъезд из Киевской академии студентов изучать медицину в Санкт-Петербург и Москву. Армия генерала Тормасова и Киев готовились встречать войска неприятеля и активно строили укрепления на подступах к городу. Через Днепр наводился понтонный мост. В работах по обороне Киева принимала участие и Киево-Могилянская академия, руководил оборонительными работами киевский войт Георгий Рыбальский (1748—1813). Ему удалось эвакуировать из города все *«присутственные места»*. Когда опасность миновала, учреждения вновь вернулись в Киев. Император Александр I присудил киевскому войту за самоотверженный труд и организаторские способности Золотую медаль, в круте которой сияли бриллианты [545].

Несмотря на начавшуюся войну с Наполеоном, Киево-Могилянская академия получила в июле 1812 г. на основании Высочайшего соизволения из Киевской казенной палаты 29 тысяч 865 рублей для возобновления обгоревшего академического учебного корпуса. Из этой суммы было выплачено в июле 1812 г. брянскому купцу Прохору Будникову и Ивану Семикину за яловые бревна для стропил на крышу классического корпуса 800 рублей. У киевского купца Петра Дегтярева пришлось купить 600 листов железа для покрытия крыши и купола конгрегационной (Благовещенской) церкви. С семьей калужских крестьян Сериковых подписали контракт на многочисленные работы по восстановлению деревянных частей главного учебного корпуса, обгоревших во время пожара. К 1814 г. авторитетная городская

комиссия принимала от мастеров всю проделанную работу. Киевскому городскому архитектору А. Меленскому в апреле 1816 г. «за присмотр» и «возобновление академического классического корпуса было уплачено 900 р.» [546].

События 1812 г. не давали возможности посылать из Киевской академии студентов в медицинские академии столиц, однако уже в 1813–1815 г. приглашения возобновились.

Глава 19

ПОПОЛНЕНИЕ РЯДОВ ЛЕКАРЕЙ ИЗ ЧИСЛА СТУДЕНТОВ КИЕВО-МОГИЛЯНСКОЙ АКАДЕМИИ ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 г. ЗАКРЫТИЕ АКАДЕМИИ

После изгнания наполеоновских войск за пределы России, уезжал в 1813 г. в возрасте 21 год из Киево-Могилянской академии для продолжения образования в Санкт-Петербургской Медико-хирургической академии Осип Федорович Калинин-Гелита (1792–1858 гг.). Он родился в семье дьяка села Соловеевки Радомысльского повета Киевского воеводства. Материальное положение семьи было тяжелым, и способного юношу приняли в Санкт-Петербургскую Академию на казенный счет. В ней Осип проучился 4 года (1813–1817) и его успехи в учебе были столь велики, что фамилию О. Калининского вписали золотыми буквами на мраморную доску «Выпускников Академии, первых по успехам в учебе» (1817 г.) [547]. В 1818 г. талантливому выпускнику была предоставлена возможность в течение четырех лет совершенствовать свои знания в зарубежных университетах. Осип Федорович Калинин-Гелита слушал лекции лучших профессоров в университетах Лондона, Гёттингена, Эдинбурга, Берлина и Вены. Его

диссертация на соискание звания доктора медицины «Трактат о новом методе исследования зрачка», была напечатана в Петрополе (1822 г.). По возвращении в Россию, О.Ф. Калинин-Гелита назначили адъюнкт-профессором окулистики при глазной клинике Санкт-Петербургской Медико-хирургической академии (1822 г.), а через год — профессором и заведующим кафедрой глазных болезней (1823 г.) а со временем кафедрой терапии.

В 1823 г. О. Калинин-Гелита получил звание штаб-лекаря. В 1826 г. посетил Персию в составе делегации генерала князя Меншикова, которого в 1827 г. остался лечить в г. Николаеве. По предложению Президента Медико-хирургической Академии Санкт-Петербурга Я.В. Виллие с 1827 по 1836 г. он читал курс кожных болезней, и в течение четырех лет (1829–1833) — фармакологию и рецептуру. В 1832 г. им была издана книга «Рецептура или наставление сочинять правильно рецепты и прописывать лекарства...». В эти же годы О.Ф. Калинин-Гелита был редактором «Военно-медицинского журнала». В 1839 г. ему была присвоена степень доктора медицины [548]. После выхода в отставку служил до 1856 г. лекарем Почтовой больницы в Санкт-Петербурге. За свою многолетнюю педагогическую, общественную деятельность, за участие в ликвидации холеры в Астрахани (1823) и Санкт-Петербурге (1832 г.) Осип Федорович Калинин-Гелита был награжден несколькими орденами. Бывший выпускник Киево-Могилянской академии вошел в историю медицины как автор оригинальных сочинений, высококвалифицированный практик и многолетний педагог Санкт-Петербургской Медико-хирургической академии, подготовивший целую плеяду отечественных врачей [549].

В 1814 г. из Киево-Могилянской академии уехали изучать медицину в Санкт-Петербургскую Медико-хирургическую академию 2 студента — Василий Валосевич и Даниил Гречулевич. Оба в прошлом ученики Подольской семинарии, после окончания которой учились в Киеве. В 1814 г. Киевская духовная Дикастерия получила сообщение из Подольской Духовной Дикастерии о том, что она не возражает об отправке в медицинскую учебу бывших своих учени-

ков. Биографических сведений о В. Валосевиче и Д. Гречулевиче архивный документ не содержит [550].

В 1815 г. после окончания заграничного похода российской армии из побежденной Франции и возвращения ее на родину, наступило мирное время и возобновился плановый набор студентов Киево-Могилянской академии в медицинскую науку. 19 мая 1815 г. Киевский митрополит Серапион получил из Святейшего Правительствующего Синода копию Указа Самодержца Всероссийского *«Об отпуске на сей 1815 г. из духовных училищ в здешнюю императорскую Медико-хирургическую академию 38 воспитанников... из классов риторики, философии и Богословия возрастом от 16 до 24 лет... Из них уволить из Киевской академии четырех для части медицинской и двоих — для ветеринарной»* [551].

18 августа 1815 г. Правление Киевской академии в лице ректора Архимандрита Иоасафа, Префекта иеромонаха Мелетия, учителя риторики Соборного иеромонаха Авксентия и учителя поэтики Соборного иеромонаха Кирилла рапортовали Киевскому митрополиту Серапиону о том, что после экзамена в гимназии у директора Якова Мышковского отобраны в Санкт-Петербургскую медико-хирургическую академию следующие студенты: Осип Войцеховский из богословского класса, Виктор Волянский из класса философии, Иван Гловацкий из класса философии, Антон Ливановский из того же класса, Сильвестр Новаковский из класса богословского, Андрей Семферович из класса философии. Далее сообщались сведения о них, вписанные в Аттестаты [552].

22-х летний Осип Войцеховский родился в семье священника села Цеbermanовки Липовецкого повета Киевской епархии. В Киевскую академию *«вступил для наук»* 20 октября 1803 г. и обучался от нижних классов, включая, богословский *«с успехом похвальным»*. Далее в Аттестате перечислялись все предметы, которые он усвоил, начиная от грамматики и кончая высшим российским и латинским красноречием. Он изрядно знал греческий и немецкий языки. В конце документа указывалось, что *«поведения он был честного»*.

Проучившись 2 года в классе философии, уезжал в Санкт-Петербургскую Медико-хирургическую академию сын священника села Заячковка Уманского повета Виктор Волянский. В Аттестате, выданном ему из Академии, сообщалось, что он поступил учиться 20 сентября 1805 г. и усвоил всю программу от нижних классов, включая философию. В документе перечислялись все предметы, которые Виктор изучил *«с успехом очень хорошим»*. Он овладел российским и латинским красноречием, *«преизрядно»* знал греческий и немецкий языки. Теперь, имея 21 год от роду, В. Волянский решил получить профессию лекаря.

20-летний Иван Гловацкий поступил изучать науки в Киево-Могилянской академии 20 октября 1806 г. и освоил все предметы от нижних классов, включая философию, которую изучал 2 года. Он родился в семье священника села Волчкова Радомысльского повета. В его Аттестате отмечалось, что Иван *«с успехом очень хорошим»* усвоил латинскую грамматику, поэтику и риторику, а латинское и российское красноречие — *«с успехом преизрядным»*. Он знал хорошо латынь, греческий и немецкий языки. Все учителя отмечали его *«препохвальные успехи»* в учебе *«и поведение очень изрядное»*.

19-летний Антон Левандовский поступил в Киево-Могилянскую академию 20 сентября 1806 г. и обучался в ней от нижних классов до философского, в котором находился 2 года.

Антон Левандовский родился в семье священника села Вернигородка Махновского повета. *«С успехом похвальным»* он изучил латинскую грамматику, поэзию, риторику, знал греческий и немецкий языки. *«С успехом преизрядным»* овладел латинским и российским высшим красноречием. Ректор академии и префект были уверены, что и медицинскую науку он изучит с *«успехом похвальным»*.

Уроженец села Черничок Махновского повета Киевской епархии Сильвестр Новаковский поступил в Киевскую академию 23 октября 1803 г. Сын священника с *«успехом похвальным»* изучил все предметы от нижних классов, включая Богословский.

Помимо латыни он знал греческий, немецкий и французский языки. В Аттестате С. Новаковского перечислены все предметы, которые он отлично усвоил. От роду ему шел в 1815 г. 21 год. В Аттестатах всех, кого Киевская академия посылала изучать медицинскую науку, значилось, что поведения выпускники были честного.

Документы подписали ректор Академии Иоасаф, префект Мелетий и учителя Авксентий и Кирилл.

В 1816 г. Правление Киевской академии получило из Святейшего Синода на основе приказа за № 3670 разрешение послать в Московское отделение Императорской Медико-хирургической академии троих студентов изучать медицину и двоих — ветеринарное дело.

Желающих продолжить свое образование в области медицинских наук оказалось в два раза больше — на каждое отделение по 5 человек. Большинство из желающих изучать медицину были студенты классов Богословия и философии. Архивный документ называет их фамилии: Матвей Габудович, Иосиф Левицкий, Василий Григоренко, Семен Кондрацкий, Николай Коропчевский, Стефан Топачевский, Иосиф Щербацкий, Евфим Добриловский, Петр Верболюзов, Феодосии Жураковский. Последним подал прошение об отправке в ветеринарное отделение Евстафий Садовский [553].

В 1816 г. Аттестаты для отъезда в Москву получают следующие студенты: 23-х летний Матвей Габудович, он поступил в Киево-Могилянскую академию в 1806 г. и в течение десяти лет изучил все предметы, начиная от нижних классов, включая богословский. Матвей родился в семье священника села Пляховки Махновского повета Киевской епархии. В Аттестате перечислены науки, которые он усвоил «с успехом изрядным» и поведением отличался честным [554].

22-х летний студент класса философии Иосиф Левицкий — сын дьячка, уроженец села Цветное Чигиринского повета Киевской епархии. В Киевской академии учился от нижних классов с

успехом «изрядным». В Аттестате перечисляются все предметы, которые им были усвоены [555].

Тогда же получит Аттестат и деньги для поездки в Московское отделение Императорской Медико-хирургической академии учиться на лекаря 22-х летний студент класса Богословия Семен Кондрацкий — сын священника села Петрушок Богуславского повета Киевской епархии. В Киевскую академию он поступил 18 октября 1807 г. и учился от нижних классов, включая Богословский с большим успехом. Экзаменуясь перед отъездом у директора гимназии надворного советника Я. Мышковского в присутствии учителей из Академии, Семен Кондрацкий был признан «способным» [556].

В ветеринарное отделение Правление Академии рекомендовало Стефана Топачевского — 20-летнего студента класса философии, учившегося с нижних классов в 1807 г. Он был сыном священника села Стенка Тарашанского повета Киевской епархии. Копия его Аттестата сохранилась [557]. Подорожные паспорта все получили у гражданского губернатора Киева и, вероятно, отправились в Москву в первых числах сентября.

Последние два студента закрывавшейся в 1817 г. Киевской академии Николай Коропчевский и Власий Скрипчинский с разрешения митрополита Серапиона и по повелению Синода поедут 21 августа 1817 г. в Санкт-Петербургскую Медико-хирургическую академию «за свой кошт». Николай будет учиться на фармацевта, а Власий — на ветеринара.

23-х летний Николай Коропчевский родился в Киеве, в семье священника Старокиевской десятинной церкви Рождества Богородицы, а его 22-х летний товарищ по Киевской академии Власий Скрипчинский был уроженцем села Житние горы Васильковского повета Киевской епархии, в котором отец правил священническую службу в местной церкви. В своем Рапорте митрополиту Серапиону Префект Киевской академии Мелетий и учителя риторики и поэзии Авксентий и Кирилл 31 августа 1817 г. сообщили о том, что оба студента уже уехали в Санкт-Петербургскую Медико-хирургическую

академию. Других биографических сведений о них архивный документ не содержит [558].

Исторические обстоятельства сложатся так, что Иоасаф (Осип Емельянович Мохов (1779—?)) окажется последним ректором Киево-Могилянской академии (1814—1817 гг.), Московский митрополит Платон и правительствующие структуры государства решили реформировать Киево-Могилянскую академию и превратить ее в обычное духовное училище, наподобие Московского. Главная же цель этого реформирования крылась в стремлении уничтожить старинную украинскую высшую школу, веками готовившую национальные кадры и бывшую последним оплотом украинской независимости после длительной борьбы с католицизмом и русификацией Украины, уничтожения гетманства, Запорожской Сечи, казачьего войска.

В 1817 г. ректор Киевской академии будет лишен звания, должности и в возрасте 39 лет отправлен *«на покой»* в Киево-Печерскую лавру [559].

Префект Киево-Могилянской академии Мелетий Носков (1776—1851 гг.) тоже оказался последним в списке главных помощников ректоров Киево-Могилянской академии (1814—1817 гг.). В молодости он после учебы в Киевской академии (1789—1801 гг.) преподавал в ней греческий, немецкий, русский языки, позже — философию. После закрытия Киево-Могилянской академии был архимандритом ряда монастырей [560, 561].

В списке преподавателей Киево-Могилянской академии (1815 г.), которые через два года окажутся свидетелями завершения ее истории, был и Максим Федорович Берлинский (1764—1848 гг.). Бывший студент древнейшего и престижнейшего учебного заведения восточной Европы освоил в Киевской академии с 1776 по 1786 полный курс наук, включая Богословие, но парамию отца-священника наследовать не стал и поступил в учительскую гимназию Санкт-Петербурга для изучения истории и географии. Вернувшись в Киев (1788 г.), Максим Берлинский сначала преподавал в Главном народном училище, потом в 1-й

киевской гимназии на Печерске, куда перебрался со своей семьей после пожара на Подоле (1811 г.). Его жена — Анна Петровна происходила из знаменитой семьи Балабух, основавших в Киеве (1790 г.) фабрику сухого варенья (цукатов) и конфет. В их семье подрастали дети — Екатерина (рождения 1796 г.), Мария (рождения 1807 г.) и Иван (рождения 1809 г.). На Подоле они жили в приходе церкви Николы Доброго [562, 563], а на Печерске — сначала в наемном доме, а потом в собственном по Гимназической улице (ныне — Пилипа Орлика). В 1815 г. надворный советник Максим Федорович Берлинский числился в Киево-Могилянской академии учителем институтского исторического и географического классов с годовым жалованьем 300 р. в год [564]. М.Ф. Берлинский прославился рядом исторических произведений, в том числе «Кратким описанием Киева», изданным в Санкт-Петербурге в 1820 г.

14 августа 1817 г. Святейший Синод осуществил свое давнее стремление закрыть Киево-Могилянскую академию и на ее месте открыть сугубо духовное заведение. Этот Указ подводил черту под 200-летней историей высшего общеобразовательного заведения Украины, сыгравшего важную роль в развитии духовной культуру народа. Съехавшиеся к началу нового учебного года воспитанники старой Киево-Могилянской академии, на основании Нового Устава были проэкзаменованы и, в зависимости от знаний каждого, распределены — кто в семинарию, а кто в Духовное уездное училище или в приходское. Поскольку экзамены 800 учеников старой академии затянулись почти до конца сентября месяца, учебный год начался с большим опозданием. Все преподаватели Духовной семинарии приехали из Санкт-Петербургской духовной Академии. Из Киево-Могилянской в Семинарию перевели лишь двоих — иеромонаха Кирилла, преподававшего российскую и латинскую словесность и Петра Пелехина знатока еврейского языка [565]. Правление нового духовного заведения приняло в свое ведомство от бывшего руководства Киево-Могилянской академии каменный двухэтажный

классический корпус 36 сажень и 2-х аршин в длину, с коридором в нижнем этаже и с галереей в верхнем. В нижнем этаже имелось трое сеней и шесть учебных комнат. В каждом классе на стене была изображена икона, написанная масляной краской или ал-Фреско, печь из зеленых изразцов, кафедра для учителя и по обе стороны по 4–5 рядов парт со скамьями. Далее в документе следует описание каждой комнаты второго этажа, Благовещенской церкви и построек во дворе.

В опись вошли иконы, висевшие в рамах портреты государей и митрополитов. Особым списком шли «Высочайшие грамоты» Великих князей Иоанна и Петра Алексеевичей, императриц Елизаветы I, Екатерины. При каждой грамоте хранилась государственная печать *«в сребровызолоченном круглом футляре с золотыми шнурками и кистями»*. В Киево-Могилянской академии имелось резное кресло на случай приезда императора. Оно было местами вызолочено, с подушками малинового бархата и увенчано орлом. С подробностями этой описи строений и вещей Киево-Могилянской академии, передававшихся в 1817 г. Духовной Семинарии можно познакомиться в Историческом архиве Киева [566, 567].

На духовных ценностях, которые были заложены ученикам Братской школы и Коллегиума еще в XVII веке, воспитывалась будущая элита украинской нации — казачья старшина, которая поведет в 1637–1642 гг. казачье войско на штурм турецкой крепости Азов, гетман и архимандрит Юрий Хмельницкий (1641–1681 гг.), гетман, полководец и дипломат Иван Выговский (1616–1664 гг.), гетман Иван Мазепа (1639–1709 гг.), Павло Полуботок (1660–1724 гг.), Филипп Орлик (1672–1742 гг.) и многие другие участники борьбы за становление независимого Украинского государства, национальной культуры и православной веры [568].

За годы существования Академии для медицинских госпитальных школ Москвы и Санкт-Петербурга были подготовлены сотни хорошо образованных молодых людей. Около 100 из них получили докторскую степень в ведущих университетах Европы, стали основоположниками ряда научных направлений отече-

венной медицины. Это такие наиболее яркие личности нашей медицины, как Данило Самойлович, Нестор Максимович Максимович-Амбодик, Александр Михайлович Шумлянский, Мартын Матвеевич Тереховский, Иван Андреевич Полетика, Фома Иванович Барсук-Моисеев и др. Своими научными достижениями они обогатили отечественную медицинскую науку и прославили ее далеко за пределами России [569].

После закрытия Академии, кадры для Медико-хирургической академии продолжали готовить в духовных училищах Украины, в основном в Чернигове, Переяславе и Харькове [570].

На учебу в Медико-хирургическую академию отправлялись также воспитанники Киевской духовной семинарии — преемницы Киево-Могилянской академии. Нам удалось разыскать в киевских архивах около 250 фамилий учеников Киевской духовной семинарии первой половины XIX века, пожелавших пополнить ряды лекарей [571].

Глава 20

ВОСПИТАННИКИ КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ (ПРАВОПРЕЕМНИЦЫ КИЕВО-МОГИЛЯНСКОЙ АКАДЕМИИ) – БУДУЩИЕ ЛЕКАРИ

Заключительную главу нашей работы мы посвящаем украинским медикам, которые начинали свой путь в науку в классах Киево-Могилянской академии, но после ее закрытия (1817), оказались в Духовной семинарии и уже оттуда поступали в Медико-хирургические академии Санкт-Петербурга или Москвы.

Вероятно с одобрения императора Александра I, посетившего Киев и Академию 2 сентября 1816 г. и осмотревшего классы старого (Мазепинского) корпуса, было принято решение разместить высшее и среднее отделения во втором этаже корпуса, где находился академический зал и Благовещенская церковь, а классы нижнего отделения Семинарии – в первом [572].

Студенты бывшей Киево-Могилянской академии имели возможность изучить в Духовной семинарии курс риторики, потом философии, математики, физики, греческого, французского языков и только с разрешения Киевского митрополита Евгения могли поступать в светское учебное заведение. Не исключено, что определенную роль в агитации бывших студентов Киево-

Могилянської академії поступати в медико-хірургічну науку мог сыграть штаб-лекарь Христиан Бунге — в прошлом лечивший учеников академії и оставленный по рекомендації митрополита Серапіона в Духовній Семинарії в качестве доктора.

В 1820 г. первым покинул Киевскую Духовную семинарию ее 28-летний учитель церковной истории и еврейского языка Петр Павлович Пелехин¹ (1792–1871 гг.). Он поступил в Киево-Могилянскую академию 15 сентября 1800 г. и с успехом прошел весь курс наук от нижних классов, включая Богословие, которое изучал 3 года. Блестящие способности Петра Пелехина позволили назначить его преподавателем в нижние классы Киево-Могилянской академии, еще когда он был ее студентом. С открытием

*Петр Павлович Пелехин
(1792–1871)*

Духовной семинарии (1817) ему предложили в ней место учителя латыни, еврейского языка и церковной истории, а с созданием на территории Братского Богоявленского монастыря Императорской Духовной Академии (1820) — должность преподавателя еврейского, немецкого и французского языков [575, 576].

Однако, прекрасно образованный Петр Пелехин принял решение посвятить себя медико-хирургической науке и начал

¹ Историки українського козацтва вважають, що родословна Петра Пелехіна зв'язана з діяльністю кошового Війська Запорозького — Григорія [573] или от військових товарищів Івана или Семена Пелехов, служивших в Київському и Переяславському полках и заслуживших дворянство [574].

хлопоты о переводе его — сына дьячка Чигиринского повета Киевской епархии в светское звание. Свое решение П.П. Пелехин объяснил Правлению Киевской Духовной Академии болезнью, не позволившей ему преподавательскую деятельность.

Для обследования здоровья Петра Пелехина Правление Духовной семинарии направило его во Врачебную управу к инспектору Эберлейну, который подтвердил 6 апреля 1820 г., что учитель страдает *«удушьем, шумом в ушах и болью головы с обмороками»* [577]. 2 июня 1820 г. ректор Духовной Академии архимандрит Моисей сообщил о том, что *«учитель церковной истории и еврейского языка Петр Пелехин увольняется из училищного ведомства для поступления в светское»* [578].

С аттестатом об учебе в Киево-Могилянской академии и с билетом для беспрепятственного проезда в Санкт-Петербург, Петр Пелехин поехал в Императорскую Медико-хирургическую академию и поступил в нее 26 сентября 1820 г. Через четыре года, окончив учебу с золотой медалью, он был оставлен при Академии с 3 сентября 1824 г. адъюнктом физиологии и патологии.

Всесторонне одаренного выпускника Медико-хирургическая академия направила 8 февраля 1825 г. за рубеж *«для усовершенствования во врачебных науках»*. Спустя четыре года, Петр Павлович Пелехин защитил диссертацию «Общие сведения о неврозе» в Эдинбургском университете на звание доктора медицины (1829 г.). Своими обширными знаниями Петр Пелехин привлек внимание зарубежной медицинской общественности и в Эдинбурге его избрали почетным членом Минералогического общества и корреспондентом Френологического. Лондонские медики избрали его почетным членом двух обществ — Дженмерского и Медико-хирургического. Лондон, Берлин и Бреславль тоже хотели видеть доктора медицины П.П. Пелехина членом своих медицинских обществ.

Вернувшись в Россию (26.04.1830 г.), Петр Павлович получил место адъюнкта при профессоре окулистики в Санкт-Петербургской академии и в том же году был прикомандирован в Артиллерийский госпиталь.

Получив за рубежом хорошее образование по офтальмологии, он стал достойным помощником руководителю кафедры и глазной клиники профессору И.Э. Груби. В 1834 г. после смерти И.Э. Груби руководство кафедрой было поручено П.П. Пелехину. Однако, через год, в 1835 г. кафедра офтальмологии была закрыта, а преподавание глазных болезней разделено на две части: теория излагалась на кафедре хирургии, а практика проходила в госпитальной хирургической клинике. На период реорганизации П.П. Пелехин был оставлен сверхштатным профессором офтальмологии, но уже в 1837 г. он перешел на кафедру «судебной медицины, медицинской помощи и гигиены» [579].

Когда в Астрахани вспыхнула эпидемия холеры (1832 г.), П.П. Пелехин принял участие в ее ликвидации. В 1833 г. его включили в комиссию по приему слушателей в Санкт-Петербургскую медико-хирургическую академию. В 1834 г. Петру Павловичу Пелехину был присвоен чин надворного советника и звание профессора окулистики. Тогда же был опубликован его перевод с английского языка труда Ватсона «Болезненные изменения влаги глаза» [580].

В 1839 г. к его званию доктора медицины было присоединено еще и звание доктора хирургии.

В должности заведующего кафедрой судебной медицины П.П. Пелехин трудился до 1844 г. В 1843 г. ему было присвоено звание заслуженного профессора. Он разработал первую за время существования Академии развернутую учебную программу по судебной медицине. При нем начали проводиться регулярные судебно-медицинские вскрытия с составлением учебных актов и *«критическим разбором в лекционные часы»* [581].

В 1844 г. профессор Пелехин принял решение вернуться на родину, в Украину и по рекомендации Киевского митрополита Филарета его назначили 4 марта 1844 г. доктором в Киевскую Духовную академию и подчинявшуюся ей Духовную семинарию [582].

Кроме врачебных обязанностей П.П. Пелехин с 1846 по 1871 г. читал студентам курс судебной медицины. Введением этого курса руководства Академии и Семинарии пытались

распространять знания основ медицины среди своих выпускников и населения в целом [583].

Время сохранило уникальный документ — собственноручно написанное красивейшим почерком доктором медико-хирургии, заслуженным профессором судебной медицины Статским Советником Петром Павловичем Пелехиным 18 января 1851 г. в адрес Святейшего Синода сообщение о преподавании им медицины в Киевской Духовной семинарии в прошедшем учебном году [584].

Свой отчет П.П. Пелехин начал с того, что сообщил, где он проводил занятия — в лекционном семинарском зале, в домашней аптеке при Духовной Академии, в больнице Семинарии и в больницах низших духовных училищ. При изучении медицины преимущество отдавалось практическим занятиям: *«упражнения учеников в анатомии человеческого тела посредством Анатомических таблиц и разных Анатомических препаратов; исследование пульса, дыхания, состояния кожи, нервной системы, пищевых и мочевых путей и других физиологических и патологических явлений в организме»*. На занятиях ученики учились распознавать домашние и аптечные лекарства, знакомились с врачебными растениями, которые им демонстрировались на лекциях и в домашней аптеке. Ученики упражнялись в приготовлении домашних лекарств. В больницах у кроватей больных П.П. Пелехин учил распознавать внутренние и наружные болезни и лечить их.

В формулярном списке, составленном доктором медицины и хирургии Петром Павловичем Пелехиным 24 декабря 1847 г. в возрасте 55 лет сказано, что он имеет чин статского советника и орден Св. Анны 2-й степени [585]. До своей смерти, наступившей 22 сентября 1871 г., П.П. Пелехин служил в Киевской Духовной академии [586].

В 1898 г. сын Петра Павловича Пелехина — Павел (1842–1917) хотел увековечить память об отце во Львовском университете, открыв там медицинский факультет. Он переслал туда 120 тыс. р.; обещал положить в банк еще дополнительную сум-

му. Однако желание сына — ординарного профессора Санкт-Петербургской Медико-хирургической академии, тайного советника, вице-президента Общества русских врачей осуществить не удалось — медицинский факультет при Львовском университете не открыли, а первая мировая война (1914) и государственный переворот 1917 г. поставили точку на всех хлопотах [587]¹.

В 1821 г. Киевская Духовная семинария получила распоряжение из Духовного ведомства об отправке в Медико-Хирургическую академию двоих воспитанников. Желających оказалось трое, и было решено одного направить в Санкт-Петербург, а двоих в Москву. Все трое были в прошлом учениками Киево-Могилянской академии.

Авксентий Серединский был сыном священника села Дацек Богуславского повета Киевской епархии. Его отец — Тимофей правил службу в местной церкви. Родители определили сына в Киево-Могилянскую академию в 1809 г., в которой он проучился от нижних классов, включая богословский. Однако Авксентий решил задержаться в новом учебном заведении, чтобы совершенствовать свои знания и быть на казенном иждивении: семья была бедной и Авксентий просил перед отъездом в Московскую Медико-хирургическую академию снабдить его сюртуком, *«поскольку он не имеет одеяния»* [588]. Как сложилась его служебная карьера в последующие годы мы сведений не нашли.

Вместе с А. Серединским уехал изучать медицину в Московский университет Иван Сокальский. Он поступал в Киево-Могилянскую академию в 1812 г. и проучился в ней до 1817 г. Из-за тяжелого материального положения семьи его назначили в число *«казенно-коштных студентов»* [589].

¹ В 2011 г. из неофициальных источников нам стало известно, что Петр Павлович Пелехин был женат на англичанке, что потомки этой семьи живут в Москве и просили помочь отыскать в Центральном гос. Историческом архиве Киева сведения о их предке. Мы передали им через приезжавшего научного сотрудника работы М.П. Бойчака и Р.Н. Лякиной «Их путь в медицину начинался с Киевской Духовной семинарии первой половины XIX в.» — К, 2007, в которой собраны сведения о П.П. Пелехине.

В 1821 г. уехал в Санкт-Петербургскую Медико-хирургическую академию Петр Верболов. 23-х летний Петр родился в Киеве в семье дьякона. С 13 сентября 1808 г. он учился в Киево-Могилянской академии от нижних классов, включая риторику. Петр с успехом изучил латынь, российскую грамматику, греческий и французский языки. Поступив в 1817 г. в среднее отделение Духовной семинарии, он освоил курс философии, математики, физики, Пасхалии, Богословия и Церковной истории. Перед отъездом в Санкт-Петербург представители Дирекции училищ с членами Врачебной управы проэкзаменовали Петра Верболова и, убедившись в его основательных знаниях, рекомендовали Правлению Духовной семинарии выдать ему документы для поступления в Санкт-Петербургскую Медико-хирургическую академию [590].

В 1822 г. 9 учеников Киевской Духовной семинарии подали прошения о желании изучать медицинскую науку. Семеро из них были сыновьями священнослужителей, а двое — из светского звания. Первыми направили на экзамены во Врачебную управу подростков из семей духовного звания — Леонтия Левицкого, Аверкия Скрипчинского, Михаила Максимовича, Василия Валицкого. Все они до 1817 г. были воспитанниками Киево-Могилянской академии и знания наук и духовных ценностей закладывались им с детства там.

В результате экзаменов, проведенных в Губернской гимназии в присутствии членов Врачебной управы и профессора Духовной семинарии Я. Саульского, *«способными и достойными»* изучать медицину признали следующих семинаристов: Левицкого Леонтия — сына священника Иакима из Успенской церкви г. Звенигородки Киевской епархии. С 20 сентября 1813 г. по 1817 г. он учился в бывшей Киевской академии, из которой перешел в духовную семинарию. 20 июля 1822 г. Леонтий получил *«Свидетельство»* о его хороших успехах в учебе и честном поведении. К началу учебного года Леонтий Левицкий был уже в Московском отделении Санкт-Петербургской Медико-хирургической академии [591].

В Санкт-Петербург отправили изучать медицину Аверкия Скрипчинского — сына священника Семена из села Житние Горы Васильковского повета Киевской епархии. В Киево-Могилянской академии Аверкий учился с 24 сентября 1814 г. и с успехом освоил все науки от нижних классов, включая поэтику. В 1817 г. его перевели продолжать учебу сначала в Уездное Духовное училище, а оттуда — в семинарию. Как свидетельствовали экзаменаторы, Аверкий Скрипчинский отличался на экзаменах хорошим знанием латыни, греческого и немецкого языков. Оказавшись к тому времени сиротой, обучался «за казенный кошт» [592].

Воспитанник бывшей Киево-Могилянской академии (с 1811 г.), а потом высшего отделения Киевской Духовной семинарии Михаил Максимович, отобранный в Санкт-Петербургскую Медико-хирургическую академию был киевлянином. Он родился в 1804 г. в семье протоиерея Петра Максимовича, правившего службу в Киево-Подольской Успенской церкви (Пирогоше). Мать Михаила происходила из рода киевского войта Софоновича. За большие заслуги предков — представителей старшины, семья была удостоена дворянства [593]. У Михаила Петровича Максимовича было шестеро братьев, все они отличались большими способностями, оставив значительный след в медицине, литературе, педагогике и технике [594].

Получив «Свидетельство» из Киевской Врачебной управы о «*преизрядных знаниях*», Михаил Максимович поступил в 1822 г. в Санкт-Петербургскую Медико-хирургическую академию, которую окончил в 1826 г. [595]. Сначала его служба лекаря проходила в конноегерском Нежинском полку, расквартированном в Украине. Там он получил чин штаб-лекаря (1830). С 1833 г. служба М.П. Максимовича проходила в Каргопольском драгунском полку, а с 1836 — в Кинбургском. С 1838 по 1844 гг. он служил в Харькове. Сначала старшим лекарем Харьковского университета, а потом инспектором Врачебной управы. За свою «*рачительную службу*» медик-хирург М.П. Максимович получил чин статского советника и орден Св. Владимира 2-й степени. В 1843 г. он переехал в Вологду, где и

служил до своей смерти в 1864 г. Ему принадлежит научная работа «Замечательный случай грудной болезни», напечатанная в журнале «Друг здравия» [596, 597].

В 1822 г. уезжал из высшего отделения Духовной семинарии в Санкт-Петербургскую Медико-хирургическую академию и Василий Валицкий. Он родился в семье священника села Приборское Радомысльского повета Киевской епархии в 1801 г. Его отец — Данила правил службу в местной церкви. Рано осиротев, Василий учился «за казенный кошт» в Киево-Могилянской академии с 3 октября 1810 г. и изучил курс наук от нижних классов, включая риторику [598].

В 1822 г. подавали прошение в Правление Киевской Духовной семинарии два ученика, дети из семей светского звания — Федор Белоусов и Данила Кармалей. Оба семинариста были киевлянами и хотели продолжить свое образование в Медико-хирургической академии Санкт-Петербурга.

Данила Кармалей происходил из дворянской семьи. Его предки — нежинские греки. Отец — Иван Антонович служил киевским бургомистром, получившим медаль за помощь армии во время Отечественной войны 1812 г. [599]. Семья жила на Подоле, в приходе Воскресенской церкви. Она имела лавки в гостинном дворе и хутор за городом. Данила Кармалей поступил в Киево-Могилянскую академию в 1813 г. и четыре года проучился в ней до закрытия (1817). В последующие годы он продолжил учебу в семинарии до 1822 г. Учился он приватным образом, поэтому не исключено, что богатые родители могли послать сына в Санкт-Петербург за свой счет.

Сын киевского купца Федор Белоусов с 1815 по 1817 гг. учился в Киево-Могилянской академии, потом его определили в высшее отделение Поветового училища, а оттуда — в Духовную семинарию. Будучи успевающим учеником, Федор Белоусов вполне мог рассчитывать на поступление в медицинскую науку. Дальнейшая судьба его и Д. Кармалея нами не прослеживается [600].

В 1823 г. подал прошение направить учиться в медицинскую науку ученик Киевской Духовной семинарии Фома Франтковский. Он родился в 1799 г. в семье священника Иосифа, служившего в церкви села Сокольчи Сквирского повета Киевской епархии. В бывшую Киево-Могилянскую академию он поступил 26 сентября 1809 г. и обучался в ней латинской и российской грамматике, Катехизису, Священной истории, географии, арифметике, нотному пению, поэзии и риторике. После закрытия Киевской академии его перевели в среднее отделение Киевской Духовной семинарии, в которой в течение четырех лет он изучал философию, математику, физику, греческий и французский языки.

Поскольку Фома Франтковский принадлежал к духовному ведомству, то ему пришлось обращаться к митрополиту Евгению, чтобы он разрешил перейти ему в светское ведомство и поехать изучать медицинскую науку. Разрешение было получено и, имея «Свидетельство» об учебе и паспорт, уехал в Московское отделение Санкт-Петербургской Медико-хирургической академии. 9 октября 1824 г. Киевская Духовная Дикастерия получила сообщение из Москвы, что Фома Иосифович Франтковский уже учится медико-хирургическим наукам, после того как был проверен Конференцией Академии [601].

3 июля 1823 г. Правление Киевской Духовной семинарии получило предписание отобрать на 1823–1824 учебный год в Московское отделение Санкт-Петербургской Медико-хирургической академии 11 лучших учеников. После их проверки во врачебной управе многие кандидатуры отпали, и им было предложено продолжить учебу в семинарии для совершенствования в латинском языке. Из списка отобранных мы упоминаем лишь о троих, поскольку они начинали свой путь в науку еще в Киево-Могилянской академии. Это Иван Фрусевич, Косьма Стоянов и Исидор Севрук — сын священника м. Иваницы Житомирского повета.

Иван Фрусевич родился в 1803 г. в семье священника Игната, правившего службу в селе Фрусовое Васильковского повета Ки-

евской епархии. С 1817 г. способного ученика поместили сначала в высшее отделение Киевского духовного училища, в котором Иван Фрусевич продолжил изучать латынь, российскую грамматику, греческий язык, Священную историю и нотное пение. С 1819 г. в течение четырех лет он совершенствовал свои знания в Духовной семинарии. Сдав с успехом необходимые экзамены, И.И. Фрусевич уехал изучать медицинские науки в Московское отделение Санкт-Петербургской Медико-хирургической академии [602].

В 1823 г. уезжал изучать медицину бывший ученик Киево-Могилянской академии, а потом среднего отделения Киевской Духовной семинарии Косьма Саввич Стоянов. Он родился в 1803 г. в семье Уманского полкового протоиерея. 15 сентября 1815 г. родители поместили сына в лучшее учебное заведение Украины — Могилянскую академию, в которой он начал изучать науки от нижних классов — латынь, греческий язык, российскую грамматику, арифметику и другие науки. После закрытия Киево-Могилянской академии (1817 г.) Косьму Стоянова перевели сначала в высшее отделение Киевского Уездного Духовного училища, в котором он продолжил изучать в течение двух лет латынь, греческий язык и общеобразовательные предметы, а потом 16-летнего юношу перевели в Духовную семинарию. В течение четырех лет он с успехом освоил предметы, изучавшиеся в ее нижнем и среднем отделениях. Во время проверки его знаний во Врачебной управе Киева в присутствии профессора Духовной семинарии Я. Саульского Косьма Стоянов показал отличное знание предметов и был отобран для продолжения учебы в Московской Медико-хирургической академии [603].

После окончания учебы в Москве (1827) лекарь К.С. Стоянов приступил к службе во 2-й армии, готовившейся к войне с Турцией (1828—1829). После переправы русских войск под командованием генерал-лейтенанта Рейтерна через р. Прут в Молдавию и р. Серет — в Валахию, начались бои при селении Болдоганешты, а потом и осада крепости Браилова. Госпитали начали

наполняться ранеными. Лекаря К.С. Стоянова направили сначала ординатором в Кишиневский военный госпиталь, потом перевели в Бельский.

За добросовестную службу в армии пожаловали чином штаб-лекаря (1831) и орденом Св. Анны 3-й степени. В тот же год 21 декабря Медицинское министерство предписало штаб-лекарю К.С. Стоянову служить в Киевском военном госпитале. Так он оказался в городе своей юности и в коллективе врачей — бывших воспитанников Киево-Могилянской академии — Матвея Велланского, Василия Вернадского, Стефана Берлинского, Степана Барановича, Евстафия Рудыковского, Семена Казаковского, Петра Волчанецкого и других [604].

В связи с уходом в отставку штаб-лекаря Х.Бунге, освобождалось место в Киевской Духовной Академии и митрополит Филарет предложил Косьме Саввичу занять его. К.С. Стоянов ушел из военного ведомства и поступил в Духовную семинарию [605]. Он опекал не только Духовную Академию, но и подчиненную ей Духовную семинарию. Добросовестного и авторитетного врача Правление Духовной семинарии направляло обследовать состояние больниц уездных училищ. В своих отчетах К.С. Стоянов предлагал план их реорганизации, поскольку в палатах было тесно и душно, отсутствовали теплые одеяла и халаты [606, 607].

5 мая 1839 г. Правительствующий Сенат утвердил штаб-лекаря доктора медицины Косьму Савича Стоянова в чине коллежского асессора со старшинством [608], а в 1840 г. доктор К.С. Стоянов был награжден Правлением Духовной академии за свой «*рачительный труд*» единовременным пособием в 185 р. 90 коп. серебром [609].

В 1841 г. в Духовной семинарии был введен новый предмет — Основы медицины и естественной истории. Ректор семинарии архимандрит Евсений предложил читать этот курс штаб-лекарю К.С. Стоянову. До января 1843 г. Косьма Савич преподавал, но 23 января почувствовал себя очень плохо и скончался в марте 1843 г. [610].

К этому времени в Киев вернется доктор медицины Петр Павлович Пелехин и по рекомендации Киевского митрополита Филарета займет должность педагога и врача в Киевской Духовной академии и Духовной семинарии.

Об учениках Киевской Духовной семинарии, которые никогда не учились в Киево-Могилянской академии, или посещали ее лишь один год, но потом сменили духовное ведомство на светское и стали лекарями, мы рассказали в своей работе «Их путь в медицину начинался с киевской Духовной семинарии первой половины XIX века» (2007).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Знакомясь с биографиями студентов XVIII — начала XIX вв, вышедших из стен Киево-Могилянской академии и пожелавших стать медиками, еще раз убеждаемся в том, что она подготовила и воспитала блестящую плеяду украинской элиты в области медицины.

Благодаря высокому научному уровню преподавания, очень широкой программе, хорошо поставленному изучению латинского, греческого и других языков, обучению физике, психологии и природоведения, Киевская академия давала основательную подготовку для изучения медицины.

Получив образование в отечественных медицинских школах, училищах и академиях, повысив свою квалификацию в университетах Европы и защитив там свои докторские диссертации, могилянцы стали развивать в государстве многие отрасли медицины — эпидемиологию, физиологию, акушерство, хирургию и др.

Автор интересной работы о воспитанниках Киево-Могилянской академии XVIII — начала XIX вв. Н.А. Оборин опубликовал данные о количестве докторов медицины из числа известных науке могилянцев: «...более половины всех врачей из воспитанников академии стали докторами медицины. Сопоставление фамилий этих врачей с биографиями докторов в трудах Я.А. Чистовича, Л.Ф. Змеева, М.Ю. Ляхтина, Л.М. Российского и В.А. Невского позволило установить имена 44 докторов медицины из числа киевлян» [611].

Начиная со второй половины XVIII в. каждый третий лекарь в Российской империи был выходцем из Киево-Могилянской академии. По подсчетам исследователя В. Плюща, в России в то время служило 740 лекарей-украинцев. Их происхождение в советской литературе пряталось под названием «отечественные ученые», не упоминая при этом, что их отечеством была Украина. А между тем, первым отечественным профессором анатомии, хирургии и флористом-систематиком был могилянец К.И. Щепин. Первыми физиологами в XVIII в. стали Ф.И. Барсук-Моисеев, М.С. Крутень и автор учебника Д.М. Велланский. Известным отечественным травматологом ортопедом стал П.К. Поддубик-Сущевский. Отцом акушерства — первым лекарем царской России, удостоенный звания профессора акушерства стал сын священника из Веприка Гадяцкого полка Н.М. Амбодик-Максимович. Основоположником отечественной эпидемиологии и инициатором создания первого в Украине научного товарищества медиков был Д.С. Самойлович — единственный ученый член 12-ти европейских Академий Наук. Одним из первых ученых-микроскопистов, экспериментально исследовавший микроорганизмы и выполнившим работы по стерилизации был выпускник Киево-Могилянской академии М.М. Тереховский. Из ее стен вышел и один из основоположников отечественной гистологии А.М. Шумлянский. Организатором первой психоневрологической больницы в Украине (в Кирилловском монастыре Киева) был А.Ф. Масловский. Первым отечественным профессором ветеринарии в Российской империи, заложившим основу развития этой науки, стал один из лучших студентов Киево-Могилянской академии XVIII в. И.С. Андриевский.

Украинские лекари первыми активно отстаивали идею замены дорогостоящих иностранных лекарств отечественными аналогами. Блестящее знание латыни и иностранных языков давало им возможность переводить для отечественных медиков лучшие учебники и научные труды европейских ученых. А знание математики, физики, астрономии позволило украинскому штаб-

лекарю И.Г. Кашинскому изобрести воздушный шар, подняться в нем над Москвой и тем самым первым открыть страницу в истории российского воздухоплавания.

Высокообразованные могилянцы стали авторами многочисленных научных трудов и по заслугам возглавляли кафедры в Медико-хирургических академиях Санкт-Петербурга и Москвы.

В 1817 г. Киево-Могилянская академия — общенародный светильник знаний был погашен российским Синодом. На ее территории и в ее стенах была открыта Духовная семинария, а потом и Духовная академия, готовившие духовных пастырей.

После государственного переворота 1917 г. началось организованное атеистическое, граничащее с безумством, варварское уничтожение Братского училищного монастыря с его уникальной библиотекой, произведениями прикладного искусства, дарами украинских гетманов, митрополитов, ректоров, студентов. И только с гибелью этой идеологии Киево-Могилянская академия стала возрождаться в 90-х годах XX столетия как символ Независимой Украины.

Авторы этой книги надеются, что она станет определенным вкладом в историю Киево-Могилянской академии и историю медицины Украины. Однако тема эта неисчерпаемая и будущие исследователи, наверняка, разыщут многих незаслуженно забытых воспитанников Киевской академии XVIII — начала XIX веков, внесших свою лепту в становление государственной медицины как в России, так и в Украине.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

СПИСКИ УЧЕНИКОВ МОСКОВСКОЙ ГОСПИТАЛЬНОЙ ШКОЛЫ, ВОЗГЛАВЛЯЕМОЙ Н. БИДЛОО

(сохранена орфография документа)

Выпуск 1712 г.: Степан Блаженев, Иван Беляев, Егор Жуков. Отправлены на Балтийский флот [112, 113].

Выпуск 1713 г.: Дмитрий Нефедов, Семен Воронов, Яков Щелонииков, Матвей Трубчаткин, Андрей Комаров, Герасим Вислов [114].

Выпуск 1714 г.: Иван Леонтьев, Никифор Марков, Максим Остроумов, Василий Филиппов, Ефим Струков Иван Шанин (умер в 1720 г.), Петр Гороженинов, Егор Зверев, Ефим Савин (умер в 1718 г.), Семен Дмитриев Кудрявцев, Иван Чашин, Афанасий Амосов (умер в 1718 г.).

Выпуск 1715 г.: Генрих ван Слотен (поступил в 1709 г.), Федор Богданов (умер 11 февраля 1742 г.).

Выпуск 1718 г.: Андрей Толмачев (поступил до 1722 г.), Лев Емельянов (поступил до 1722 г.), Данило Васильев, Трофим Хоботов, Гаврило Сухницкий, Михайло Лопатин (поступил до 1722 г.), Петр Андреянов, Федор Тавлеев (поступил до 1722 г.), Василий Уразов, Иван Хорошилов [115].

Учились у Н.Л. Бидлоо в 1718 г.: Мартын Яновский, Роман Иванов, Михаил Петров, Андрей Александров, Иван Петров, Василий Дмитриев, Гаврило Сукин, Антон Мартынов, Алексей Бараев, Алексей Зимнин, Илья Хомутов, Емельян Ментов, Иван Буйнаков, Семен Алексеев, Яков Славинов [116].

Продолжали учиться у Н.Л. Бидлоо в 1718 г.: Максим Сатаров, Андрей Веренинов, Степан Колесов, Максим Петров, Иван Лобанов, Иван Петров, Иван Колыбин, Корнил Савин, Данило Васильев, Алексей Зимнин, Сергей Лукьянов, Алексей Михайлов, Яков Славин, Матвей Сташевский, Лев Емельянов (выпуск

1718 г.), Трофим Хоботов (выпуск 1718 г.), Симеон Алексеев, Петр Андреянов (выпуск 1718 г.), Андрей Толмачев (выпуск 1718 г.), Емельян Петров, Михаил Матвеев, Антон Иванов, Федор Тавлеев (выпуск 1718 г.), Василий Дмитриев, Карнил (Карп?) Андреев, Игнат Тарасов, Тимофей Чичагов, Илья Хомутов [117].

Выпуск 1720 г.: было 22 чел., но известны лишь следующие фамилии: Максим Петрович Сатаров (умер 19 мая 1732 г.), Андрей Павлов, Сергей Евреинов (поступил 23 июля 1713 г.), Иван Петрович Сатаров (умер в 1749 г.), Федор Карпов, Семен (Симеон) Алексеев.

Выпуск 1723 г.: Емельян Монтов (у А.Н. Алелекова в названной работе на стр. 113 написано Ментов), Иван Колыбин, Степан Олесов (у А.Н. Алелекова в названной работе на стр. 113 написано Колесов), Матвей Соловьев, Петр Крылов, Илья Хомутов, Игнат Тарасов, Карп Андреев, Василий Денжаков.

Выпуск 1724 г.: Мартин Яновский (у А.Н. Алелекова в названной работе на стр. 103 написано имя Яновского — Мартын) поступил в 1718 г. [118].

Выпуск 1727 г.: лекари — Федор Журавский, Афанасий Каргин, Никита Сканщикова, Матвей Чалов, Федор Цетнер, Михаил Жировой, Яков Угримов, Даниил Чукаевич; подлекари: Матвей Езифович, Александр Ростовецкий, Илларион Пылаев, Иван Черноградский, Иван Дукорский, Михаил Покутовский, Никита Хлебников, Антон Иванов [119].

Поступил учиться 2 октября 1729 г. из Московской славяно-греко-латинской академии Андрей Аладдин [120].

Выпуск 1730 г.: лекари — Петр Богатырев, Иван Киреев, Данила Чарныш, Севастьян Семенов, Гаврила Краснопольский, Иван Винюков, Дементий Янковский; подлекари — Григорий Беляев, Иван Иконников, Гаврила Мякинин, Дементий Филиппов, Василий Юшманов, Спиридон Калгин, Степан Лопатин, Кирилл Ставровский, Игнатий Понятовский, Дмитрий Колпаков [121].

Выпуск подлекарей 1735 г. (после смерти доктора Н.Л. Бидлоо): Дмитрий Буйнаков, Иван Безсонов, Дмитрий Шабанов, Федор Второв, Константин Медников, Михаил Золотарев, Иван Коротаев [122].

Выпуск 1736 г.: Михаил Михайлович Шидловский (умер 25 ноября 1765 г.).

Выпуск 1737 г.: Алексей Яковлев, Сергей Абрамов, Дмитрий Климентьев, Василий Субачев, Дмитрий Буйнаков, Дмитрий Шабанов, Федор Второв, Михаил Золотарев (по нашим сведениям — Дмитрий Буйнаков, Дмитрий Шабанов, Федор Второв и Михаил Золотарев были наказаны батогами (в 1735 г.) после учиненной ими драки в госпитале с солдатами и направлены служить подлекарями в войска, будучи предварительно проэкзаменованы комиссией [122].

Выпуск 1738 г.: Григорий Егорович Яхонтов (поступил в 1732 г., умер 28 мая 1771 г.), Алексей Рыбников, Дмитрий Иванов, Михайло Пушников, Иван Лебедев, Алексей Козьмин, Сергей Иванов (поступил в 1724 г.).

Дата выпуска неизвестна: Дмитрий Магнитский (поступил в 1727 г., умер 24 мая 1738 г.), Адриан Седов (поступил в 1734 г.), Николай Фомич Чубенский (поступил в 1732 г., умер 1 сентября 1768 г.) [123].

ПРИЛОЖЕНИЕ 2.

СПИСОК СТУДЕНТОВ КИЕВО-МОГИЛЯНСКОЙ АКАДЕМИИ XVIII В., ОБУЧАВШИХСЯ МЕДИЦИНСКИМ НАУКАМ, ВОССТАНОВЛЕННЫЙ ПО АРХИВНЫМ ИСТОЧНИКАМ

1. Августинович Федор
2. Адамовский Яков
3. Адвинабургский Василь
4. Александрович Федор
5. Андреевский Илья
6. Андриевский Моисей
7. Ануфриевский Иван
8. Бажуловский Григорий
9. Балабан Федор
10. Барановский Степан (Стефан)
11. Барщанин Иван
12. Бедрин Лаврентий
13. Белоусов Федор
14. Белошицкий Данила
15. Белявский Павел
16. Березовский Власий
17. Берлинский Степан
18. Бнембовский
19. Богданович Иосиф
20. Болгаревский Михаил Прокопьевич
21. Брояковский Лев
22. Бучинский Афанасий
23. Валицкий Василий
24. Валосевич Василий
25. Васнехнов Андрей
26. Вежицкий Андрей

27. Величковский Иван
28. Велланский Василий
29. Велланский Матвей
30. Верболозов Петр
31. Веснинский Стефан
32. Войцеховский Осип
33. Вироцкий Филипп
34. Волянский Виктор
35. Выпрический Тимофей
36. Выражевич Андрей
37. Высоцкий Семен
38. Вышнековский Михаил
39. Габудович Андрей
40. Гальковский
41. Гальковский Антон
42. Гарщавин Иван
43. Герман Иван
44. Гилевский Иван
45. Гловацкий Василий
46. Гловацкий Иван
47. Гловацкий Леонтий
48. Гловацкий Степан
49. Головащенко Михаил
50. Гребинецкий Павел
51. Гречулевич Даниил
52. Григоренко Василий
53. Григоренко Стефан
54. Григорович Онуфрий
55. Грушинский Семен
56. Грушинский Гаврила
57. Губский Степан
58. Гулькевич Макар
59. Давидович Федор
60. Димаров (Дамаров) Василий

61. Добриловский Евфим
62. Дончевский Леонтий
63. Дорогоневский Семен
64. Дубецкий Онуфрий
65. Духовский Григорий
66. Дьякович Николай
67. Езофович (Юзефович) Матвей
68. Еллинский Михаил
69. Жиравский Михаил
70. Житецкий Александр
71. Журавский Федор
72. Жураковский Феодосий
73. Завидович Федор
74. Иваницкий Федор Васильевич
75. Иванов Матвей
76. Иванченков Кирило
77. Казаковский Семен
78. Калиновский Илья
79. Калифизин Николай
80. Кармалей Данила
81. Карпинский Василий
82. Карпов Кирилл
83. Кирдан Осип
84. Клеопович Максим
85. Княгиницкий Михаил
86. Ковальский Феодосий
87. Когодовский Федор
88. Комарницкий Лукьян
89. Компанейцев Павел
90. Кондрацкий Семен
91. Концевич Николай
92. Копитовский Савва
93. Корниевский Ефим
94. Коропчевский Николай

95. Костич Иван
96. Кохановский Михаил
97. Кошаровский Афанасий
98. Краковецкий Василий
99. Красницкий Венедикт
100. Красновский Стефан
101. Красноленский Александр
102. Кривцовский Владимир
103. Круглик Андрей
104. Кузмич Павел
105. Курдимовский Иван
106. Лазаревский Иван
107. Лаштопов Григорий
108. Левицкий Григорий
109. Левицкий Иван
110. Левицкий Иосиф
111. Левицкий Леонтий
112. Леонтович Дмитрий
113. Лехницкий Григорий
114. Лехницкий Стефан
115. Ливановский Антон
116. Линцевский Василий
117. Лосинский Антон
118. Любинский Иван
119. Макаревский Григорий
120. Макиевский Андрей
121. Максимович Иван (сын Максима Данилевского)
122. Максимович Михаил Петрович
123. Малашевский Петр
124. Малецкий Иосиф
125. Малишевский Стефан
126. Малкович Яков
127. Марцинкевич Петр
128. Мелес Яков

129. Мензиховский Лаврентий
130. Меркурьев Александр
131. Миельжинский Максим
132. Милиевский Павел
133. Михайловский Лев
134. Могилевский Василий
135. Мокиевский Василий
136. Молтянский Иван
137. Морашкин Игнат
138. Мотылевич Иван
139. Мошинский Карп
140. Нежинец Григорий
141. Нестеровский Андрей
142. Нечаев Петр
143. Новаковский Сильвестр
144. Новицкий Павел
145. Олинский Онуфрий
146. Оробьович Григорий
147. Особовский Григорий
148. Павловский Григорий
149. Павловский Дианисий
150. Пархомовский Клим
151. Пашкевич Василий
152. Пашкевич Матвей
153. Пащенко Иван
154. Пащенко Петр
155. Пекалицкий Павел
156. Пелехин Гаврила Павлович – брат Петра
157. Переяславец Василий
158. Петрашевский Иван
159. Петрушевский Григорий
160. Петрушевский Севастьян
161. Пешковский Иван
162. Пискорский Андриян

163. Пискуновский Петр
164. Пленецкий Авксентий
165. Плисковский Александр
166. Подвысоцкий Илья
167. Полонский Василий
168. Полянский Григорий
169. Поступальский Иларион
170. Протанский Стефан
171. Пятковский Моисей
172. Рейницкий Василий
173. Рижевский Максим
174. Ризенко Иван
175. Родецкий Игнат
176. Романовский Николай
177. Ростопоровский Андрей
178. Савицкий Елисей
179. Савицкий Иван
180. Садовский Евстафий
181. Самборский Автоном
182. Самойлович Федор
183. Сварыка Андрей
184. Севрук Исидор
185. Селевский Яков
186. Сементовский Сергей
187. Семигиновский Иван
188. Семигиновский Роман
189. Семферович Андрей
190. Серединский Авксентий
191. Серединский Василий
192. Серединский Федор
193. Сингалевич Яков
194. Синкевич Иван
195. Сиротинский Григорий
196. Скибинский Иван

197. Скрипчинский Аверкий
198. Словицкий Харитон
199. Соболев Василий
200. Сокальский Иван
201. Солухин Андрей
202. Сорокин Павел
203. Сорочинский Иван
204. Стемжицкий Михаил
205. Стефанович-Донцов Михаил
206. Стефановский Федор
207. Стопаковский Григорий
208. Стоцкий Михаил
209. Стоянов Косьма Савич
210. Сулима Георгий
211. Тарасевич Григорий
212. Титович Иван
213. Тихонович Василий
214. Топольский Давид
215. Топольский Стефан
216. Топачевский Стефан
217. Травницкий Кирилл
218. Травулинский Онисим
219. ТрEDIAковский Александр
220. Трипольский Илья
221. Трипольский Семен
222. Трохимовский Василий
223. Турский Прокоп
224. Туча Иван
225. Фаворский Алексей
226. Федорович Владимир
227. Фигуленский Хома
228. Фомицкий Лев
229. Франтковский Фома
230. Фрусевич Иван

231. Хмельницкий Емельян
232. Хмельницкий Иван
233. Хомяков Филипп
234. Чарнуцкий Антон
235. Чедневский Петр
236. Чернявский Иван
237. Черняховский Павел
238. Шарогродский Дмитрий
239. Шафаревский Моисей
240. Шафрановский Андрей
241. Штаба Иван
242. Швабич Андрей
243. Шидловский Василий
244. Шишковский Иван
245. Шматковский Яким
246. Шпаковский Степан (Стефан)
247. Шумановский-Пелешенков Андрей
248. Шумлянский Михаил
249. Щербацкий Иосиф
250. Щуровецкий Алексей
251. Юркевич Алексей
252. Яворский Григорий Иванович
253. Яворский Ефим
254. Якимович Яков
255. Якубинский Иосиф
256. Яловский Иосиф
257. Яновский Андрей
258. Яновский Мартын
259. Яновский Стефан
260. Янчуковский Иван
261. Янчуковский Павел
262. Ярошевский Иван
263. Ясневич Федор

ІСТОЧНИКИ (архивные и литературные)

1. ИР НБУВ. — Ф. 312. — № 15/378. — Л. 53—53-об.
2. Грушевский М.С. История Украины с иллюстрациями и дополнениями. — Донецк, 2010. — С. 196—198.
3. Хижняк З.И. Киево-Могилянская академия. — К., 1988. — С. 42—52.
4. Хижняк З.І. Могила Петро Семенович (1596—1647). Києво-Могилянська академія в іменах. XVII—XVIII ст. — К., 2001. — С. 370—373.
5. Болховітінов Є. Вибрані праці з історії Києва. — К., 1995. — С.160.
6. Хижняк З.І. Ректори Києво-Могилянської академії. 1615—1817. — К., 2002. — С. 49—55, 69.
7. Плющ В. Нариси з історії української медичної науки та освіти. Кн. 1. — Мюнхен, 1970. — С. 45.
8. Рогожина Н.В. Навчання у Києво-Могилянській академії — традиція українських сімей. Наукові записки Києво-Могилянської академії. Том 18. — К., 2000. — С. 35.
9. Апанович О. Козацька енциклопедія для юнацтва. — К., 2009. — С. 32.
10. Євгенія Горбенко. Києво-Могилянська академія. — К., 1995. — С.19—30.
11. Милуков П.Н. История русской нации.— М., 2008. — С. 731.
12. Рыжов К. Все монархи мира. — М., 2000. — С. 477.
13. Сперанский В.С. Рюйш Фредерик. Большая медицинская энциклопедия. Гл. редактор Б.В. Петровский. Том 22. — М., 1984. — С.434—435.
14. Лисицын Ю. П. История медицины. — М., 2004. — С. 126.
15. Богданов К.А. Врачи, пациенты, читатели: Патографические тексты русской культуры XVIII—XIX веков. — М., 2005. — С. 36—64.
16. Там же. — С. 36.

17. Буржаве Герман. <http://www.aditorium.ru/books/696/9.htm>.

18. Страшун И.Д., Поляков Г.А. Буржаве Герман. Большая медицинская энциклопедия. Гл. ред. Б.В. Петровский. — Том 3. — М., 1976. — С. 535.

19. Страшун И. Буржав Герман. Большая медицинская энциклопедия. Изд. второе. Гл. редактор А.Н. Бакулев. Том 4. — М., 1958. — С. 758.

20. Богданов К.А. Врачи, пациенты, читатели: Патографические тексты русской культуры XVIII—XIX веков. — М., 2005. — С. 69.

21. ИРНБУВ. — Ф. 30, 81. — Л. 209.

22. Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. — М., 2005. — С. 632.

23. Анисимов Е. В. Императорская Россия. — СПб., 2008. — С. 35.

24. Рыжов К. Все монархи мира. — М., 2000. — С. 448.

25. ИРНБУВ. — Ф. 30. — Д. 81. — Л. 210-об.

26. Там же. — Л. 213.

27. Там же. — Л. 215.

28. Там же. — Л. 217.

29. Там же. — Л. 221.

30. Там же. — Л. 224-об — 226-об.

31. Там же. — Л. 224-об.

32. Всемирная история. Под ред. Я.Я. Зутиса. Т. 5. — М., 1958. — С. 361—362.

33. Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. — М., 2005. — С. 726.

34. Богданов К.А. Врачи, пациенты, читатели: Патографические тексты русской культуры XVIII—XIX веков. — М., 2005. — С. 70.

35. Там же. — С. 37.

36. Оборин Н.А. Бидлоо Николай Ламбертович. Большая медицинская энциклопедия. Издание 3. Гл. редактор Б.В. Петровский. Том 3. — М., 1976. — С. 363.

37. Богданов К.А. Врачи, пациенты, читатели: Патографические тексты русской культуры XVIII–XIX веков. — М., 2005. — С.36–64.
38. [http:// ru.wikipedia.org/wiki/Гамильтон Мария Даниловна](http://ru.wikipedia.org/wiki/Гамильтон_Мария_Даниловна).
39. Палкин Б.Н. Русские госпитальные школы и их воспитанники. — М., 1959. — С. 34.
40. Богданов К.А. Врачи, пациенты, читатели: Патографические тексты русской культуры XVIII–XIX веков. — М., 2005. — С. 38.
41. Там же. — С.53–54.
42. Нахапетов Б.А. Тайны врачей дома Романовых. — М., 2005. — С. 33.
43. Лисицын Ю.П. История медицины. — М., 2004. — С. 119–120.
44. ПСЗРИ 1830. — № 3159.
45. Ключев В.М., Кнатов П.В., Денисов С.Л. Краткая 300-летняя история Главного военного клинического госпиталя имени академика Н.Н. Бурденко в именах и лицах. В кн.: Родоначальник российской медицины — Главный военный клинический госпиталь имени академика Н.Н. Бурденко (к 300-летию со дня основания). Том 1: Золотые страницы истории Главного госпиталя. — М., 2006. — С. 5–36.
46. Розанов П. Госпиталь военный. Энциклопедический словарь военной медицины. Гл. редактор генерал-полковник медицинской службы Е.И. Смирнов. Том 2. — М., 1947. — С. 154.
47. Самойлов В.О. История российской медицины. — М., 1997. — С. 29–30, 32, 35.
48. Мультановский М.П. История медицины. — М., 1961. — С. 141.
49. История военной медицины России. — Т 2. — Под ред. И.М. Чижа. — СПб., 2002. — С. 220–221.
50. Ключев В.М., Журавлев Г.П., Колупаев Г.П., Лакосина Н.Д. Петр Великий: основание госпиталя и становление государственной медицины России. В кн.: Родоначальник российской ме-

дицины – Главный военный клинический госпиталь имени академика Н.Н. Бурденко (к 300-летию со дня основания). Том 1: Золотые страницы истории Главного госпиталя. – М., 2006. – С. 41–42.

51. Розанов П. Госпиталь военный. Энциклопедический словарь военной медицины. Гл. редактор генерал-полковник медицинской службы Е.И. Смирнов. Том 2. – М., 1947. – С. 154.

52. Лисицын Ю. Блюментрост. Большая медицинская энциклопедия. Том 3. Гл. редактор А.Н. Бакулев. – М., 1957. – С. 1164.

53. Мирский М.Б. Медицина России XVI–XIX веков. – М., 1996. – С. 376.

54. Самойлов В.О. История российской медицины. – М., 1997. – С. 26.

55. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. – М., 2007. – С. 570.

56. Памятные даты военной медицины. 1979 год. Выпуск IV. Под ред. И.М. Чижа. – СПб., 1978. – С. 3.

57. Мультановский М.П. История медицины. – М., 1961. – С. 140.

58. Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. – М., 2009. – С. 297–298.

59. Чистович Я. История первых медицинских школ в России. – СПб, 1883. – С. 6.

60. Сточик А.М., Затравкин С.Н. Научные революции в медицине XVII–XIX веков: опровержение галенизма и возникновение естественно-научных основ медицины. Сообщение 3. Формирование новых представлений о пищеварении, мочеотделении, системе крови и половых процессах. // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – 2011. – № 1. – С. 52.

61. Оборин Н.А. Н.Л. Бидлоо и его «Наставление». Приложение к книге Бидлоо Н. «Наставление для изучающих хирургию в анатомическом театре». – М., 1979. – С. 381–382.

62. Лукашевич Д. Бидлоо Николай. Энциклопедический словарь военной медицины. Гл. редактор генерал-полковник медицинской службы Е.И. Смирнов. Том 1. — М., 1946. — С. 479.

63. Абашин В.Г. Усадьба Бидлоо — первый голландский сад в Москве. В кн.: Родоначалник российской медицины — Главный военный клинический госпиталь им. Академика Н.Н. Бурденко (к 300-летию со дня основания). Том 1: Золотые страницы истории Главного госпиталя. — М., 2006. — С. 57.

64. Алелеков А.Н. История Московского военного госпиталя. — М., 1907. — С. 78–80.

65. Лукашевич Д. Бидлоо Николай. Энциклопедический словарь военной медицины. Гл. редактор генерал-полковник медицинской службы Е.И. Смирнов. — М., 1945. — С. 480.

66. Мультановский М.П. История медицины. — М., 1961. — С. 141–142.

67. Палкин Б.Н. Госпитальные школы. Большая медицинская энциклопедия. Под редакцией академика Б.В. Петровского. Издание 3. Том 6. — М., 1977. — С. 388–389.

68. Оборин Н.А. Бидлоо Готфрид. Большая медицинская энциклопедия. Издание 3. Том 3. Гл. редактор Б.В. Петровский. — М., 1976. — С. 362.

69. Абашин В.Г. Доктор Николай Бидлоо — первый руководитель Московского госпиталя и госпитальной школы. В кн.: Родоначалник русской медицины — Главный военный клинический госпиталь имени академика Н.Н. Бурденко (к 300-летию со дня основания). Том 1. Золотые страницы истории Главного госпиталя. — М., 2006. — С. 47.

70. Оборин Н.А. Н.Л. Бидлоо и его «Наставление». Приложение к книге Бидлоо Н. «Наставление для изучающих хирургию в анатомическом театре». — М., 1979. — С. 400–401.

71. Мирский М.Б. Медицина России XVI–XIX веков. — М., 1996. — С. 376.

72. Самойлов В.О. История российской медицины. — М., 1997. — С. 41, 43.

73. Алелеков А.Н. История Московского военного госпиталя. — М., 1907. — С. 78–83.
74. Титов Ф. Императорская Киевская Духовная академия. 1615–1915. — К., 1915. — Переиздано в 2003. — С. 161–164.
75. Хижняк З.И. Киево-Могилянська академія. — К., 1988. — С. 205–210.
76. Захара І.С., Хижняк З.І. Яворський Семен Іванович. Києво-Могилянська академія в іменах. XVII–XVIII ст. — К., 2001. — С. 609–612.
77. ИРНБУВ. — Ф 33. — № 27. — Л. 1–98. Документи Стефана Яворского 1746 г.
78. ИР НБУВ. — Ф. 11. — Д. 3470. — Л. 1-об., 2-об.
79. Шевчук Мирослава. Сонцесяйний Гелікон при битій дорозі. // Київ, 1993. — № 6. — С. 144.
80. Алелеков А.Н. История Московского военного госпиталя. — М., 1907. — С. 103.
81. Хижняк З.І. Яновський Федір Михайлович. Києво-Могилянська академія в іменах XVII–XVIII століття. — К., 2001. — С. 615–616.
82. ГАКО. — Ф. 782. — Оп. 1. — Д. 13761. — Л. 18-об.–20.
83. Там же. — Л. 27.
84. Там же. — Л. 3.
85. Плющ В. Нариси з історії української медичної науки та освіти. Кн. 1. — Мюнхен, 1970. — С. 243.
86. Алелеков А.Н. История Московского военного госпиталя. — М., 1907. — С. 121–122.
87. Демин А.С. Политическая драматургия театра Московского госпиталя. В кн.: Родоначальник российской медицины — Главный военный клинический госпиталь им. Академика Н.Н. Бурденко (к 300-летию со дня основания). Том 1: Золотые страницы истории Главного госпиталя. — М., 2006. — С. 73–78.
88. Бородин К.А. Врачи, пациенты, читатели: Патографические тексты русской культуры XVIII–XIX веков. — М., 2005. — С. 57.

89. Кривошея В.В. Українська козацька старшина. — Ч. 1. — К., 1997. — С. 80.
90. Кривошея В.В. Національна еліта гетьманщини. — Ч. 2. — К., 1998. — С. 308.
91. Кривошея В.В. Українська козацька старшина. — Ч. 1. — К., 1997. — С. 84.
92. ЦГИАКУ. — Ф. 51. — Оп. 3. — Д. 4266. — Л. 1–2.
93. Лякіна Р.М. Жоравка (Журавка) Григорій Лук'янович. Жоравка (Журавка) Тимофій Лук'янович. Києво-Могилянська академія в іменах. XVII–XVIII ст. — К., 2001. — С. 209.
94. ГАКО. — Ф. 782. — Оп.1. — Д.4080. — Л. 5, 13-об, 34.
95. Хижняк З.І., Маньківський В.К. Історія Києво-Могилянської академії. — К., 2003. — С. 1092.
96. Петров Н.И. Киевская Академия во второй половине XVII в. — К., 1895. — С. 94–97,100.
97. ПСЗРИ. — Т. 7. — № 4728. — Л. 1725.
98. Там же. — № 5048. — Л. 1727.
99. Там же. — № 5167. — Л. 1727.
100. Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. — Том 7 (1727). — СПб., 1885. — Л. 15. (алфавитного указателя собственных имен). — Л. 55, 58.
101. Хижняк З.І. Бужинський Гавриїл. Києво-Могилянська академія в іменах. XVII–XVIII століття. — К., 2001. — С. 90–91.
102. Дзюба О.М. Кондратович Кіріак Андрійович. Києво-Могилянська академія в іменах. XVII–XVIII століття. — К., 2001. — С. 274.
103. Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. — Том 7 (1727). — СПб., 1885. — Л. 58.
104. Там же. — Т. 8 (1728). — СПб., 1891. — Л. 378, 388.
105. Там же. — 1729. — Том 9. — СПб., 1913. — Л. 572.
106. Там же. — 1731. — Том 11. — СПб., 1903. — Л. 58.

107. Андрушко В.О. Юзефович Єрофей; Лисенко І.М. Юзефович Корнелій; Лякіна Р.М. Юзефович Степан. Києво-Могилянська академія в іменах. XVII–XVIII століття. — К., 2001. — С. 605.

108. ЦГИАКУ. — Ф. 51. — Оп. 3. — Д. 311. — Л. 1–2.

109. Андрушко В.О. Краснопольський Рафаїл. Києво-Могилянська академія в іменах. XVII–XVIII століття. — К., 2001. — С. 292.

110. Кривошея В.В. Українська козацька старшина. — Ч. 1. — К., 1997. — С. 15, 41.

111. История военной медицины России. — Т. 2. — Гл. ред. И.М. Чиж. — СПб., 2002. — С. 222.

112. Ключев В.М., Ипатов П.В., Денисов С.Л. Краткая 300-летняя история Главного военного клинического госпиталя имени академика Н.Н. Бурденко в именах и лицах. В кн.: Родоначальник российской медицины — Главный военный клинический госпиталь имени академика Н.Н. Бурденко (к 300-летию со дня основания). Том 1: Золотые страницы истории Главного госпиталя. — М., 2006. — С. 6.

113. Бидлоо Н. Наставление по хирургии. Под ред. М.В. Даниленко. Комментарии Оборина Н.А. — М., 1979. — С. 531.

114. Там же. — С. 531.

115. Там же. — С. 531–532.

116. Алелеков А.Н. История Московского военного госпиталя. — М., 1907. — С. 101, 113

117. Там же. — С. 115.

118. Бидлоо Н. Наставление по хирургии. Под ред. М.В. Даниленко. Оборин Н.А. Комментарии. — М., 1979. — С. 532.

119. Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Том 7. 1727. — СПб., 1885. — Л. 58.

120. Там же. — Том 9. — 1729. — СПб., 1913. — Л. 572.

121. Донесении Н. Бидлоо в Синод 18 января 1730 г. Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Том 11. 1731. — СПб., 1903. — Л. 58.

122. Там же. — Том 15. 1735. — Спб., 1907. — Л. 342—345.
123. Бидлоо Н.Л. Наставление по хирургии. Под ред. М.В. Даниленко. Оборин Н.А. Комментарии. — М., 1979. — С. 533—534.
124. Марчукова С. Медицина в зеркале истории. — СПб., 2003. — С. 226.
125. Груздев В.Ф. Русские рукописные лечебники. — Л., 1946. — С. 4, 8, 15.
126. ИР НБУВ. — Ф. XXXIII. — № 5.
127. Радиш Ярослав. Нариси з історії медицини. — К., 2009. — С. 66—69.
128. ИР НБУВ. — Ф. XXXIII. — № 5. — С.7.
129. Там же. — Ф.1 759. — № 1066. — Л.6-об.
130. Там же. — Ф.30. — № 124.
131. Там же. — Ф.160. — № 99.
132. Там же. — Ф.30. — № 125.
133. Там же. — Л.3.
134. Там же. — Ф.30. — № 141.
135. Там же. — Ф.160. — Д. 2451. — Л. 1—78.
136. Там же. — Ф.30. — № 81. — Л.266.
137. Передієнко В.А. Лікарські та господарчі поради XVIII століття. — К., 1984. — С. 5—7.
138. Палкин Б.Н. Русские госпитальные школы XVIII в. и их воспитанники. — М., 1959. — С. 210—211.
139. Семека С. Медицина военная. Энциклопедия военной медицины. Гл. ред. Е.И. Смирнов. Том 3. — М., 1948. — С. 753, 761.
140. Бойчак М.П. История Киевского военного госпиталя. Кн. 1. — К., 2006. — С. 25—27.
141. Памятные даты военной медицины. 2003 год. Выпуск XIII. Под ред. И.М. Чижа. — СПб., 2002. — С. 3.
142. Яковлев Г. Кондоиди Павел Захарович. Энциклопедический словарь военной медицины. Гл. редактор Е.И. Смирнов. Том 2. — М., 1947. — С. 1408.

143. Бойчак М.П. История Киевского военного госпиталя. Кн.1. — К., 2006. — С. 28–31.

144. Дороніна Т.О., Кагамлик С.Р. Берло Андрій Іванович. Києво-Могилянська академія в іменах XVII–XVIII століття. — К., 2001. — С. 68–70.

145. ЦГИАКУ. — Ф.127. — Оп. 1015. — Д. 4. — Л.5-об.

146. Там же. — Ф.59. — Оп.1. — Д. 1161. — Л. 1.

147. Там же. — Ф.127. — Оп. 1015. — Д. 4. — Л.5-об.

148. Там же. — Ф.127. — Оп. 1015. — Д. 31. — Л. 49.

149. Лисицын Ю.П. История медицины. — М., 2004. — С. 118.

150. Яковлев Г. Кондоиди Павел Захарович. Энциклопедический словарь военной медицины. Гл. редактор Е.И. Смирнов. Том 2. — М., 1947. — С. 1411.

151. Большая медицинская энциклопедия. Под ред. Академика Б.В. Петровского. Том 6. Издание третье. — М., 1977. — С. 388–389.

152. Клюжев В.М., Ипатов П.В., Денисов С.Л. Краткая 300-летняя история Главного военного клинического госпиталя имени академика Н.Н. Бурденко в именах и лицах. В кн.: Родоначалник Российской медицины — главный военный клинический госпиталь имени академика Н.Н. Бурденко (к 300-летию со дня основания). Том 1: Золотые страницы истории Главного госпиталя. — М., 2006. — С. 10.

153. Будко А.А., Шабунин А.В. История медицины Санкт-Петербурга. Спб., 2003. — С. 90–92.

154. Полное собрание законов Российской империи. Том 15. — С. 681.

155. Полное собрание законов Российской империи. Том 14. — П. 10196. (1754).

156. Хмыров М.Д. Русская военно-медицинская старина (1616–1762) Военно-медицинский журнал. — 1869. — Ч. CIV. — С. 142.

157. Чистович Я.А. История первых медицинских школ в России. — СПб., 1883. — С. 228.

158. ЦГИАКУ. – Ф. 1711. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 1–2.
159. Там же. – Л. 3–5.
160. Плющ В. Нариси з історії української медичної науки та освіти. Кн. 1. – Мюнхен, 1970. – С. 243.
161. Там же. – С. 105.
162. Чистович Я.А. История первых медицинских школ в России. – СПб., 1883. – С. 134.
163. Плющ В. Нариси з історії української медичної науки та освіти. – Мюнхен, 1970. – С. 112.
164. Палкин Б.Н. Русские госпитальные школы XVIII века и их воспитанники. – М., 1959. – С. 239.
165. Дяченко М.О. Фіалковський Степан Герасимович. Києво-Могилянська академія в іменах. XVII–XVIII ст. – К., 2001. – С.561.
166. ЦГИАКУ. – Ф. 59. – Оп. 1. – Д. 7280. – Л. 1–2.
167. Задорожна О.Ф. Григоровський Василь Андрійович. Києво-Могилянська академія в іменах. XVII–XVIII ст. – К., 2001. – С. 156.
168. Чистович Я.А. История первых медицинских школ в России. – СПб., 1883. – С. CXLIV.
169. Києво-Могилянська академія в іменах. XVII–XVIII ст. – К., 2001. – С. 367, 533, 535, 612, 348, 429, 501, 299, 317, 458, 482, 175.
170. Змеев Л.Ф. Русские врачи писатели. В 2-х вып. с доп. – СПб., 1886–1892. – (Тетрадь 1) – С. 95, 162, 175; (Тетрадь 2) – 3, 18, 83, 101, 130, 176.
171. Задорожна О.Ф. Соболевський Григорій Федорович. Києво-Могилянська академія в іменах. XVII–XVIII ст. – К., 2001. – С. 501.
172. Плющ В. Нариси з історії української медичної науки та освіти. – Мюнхен, 1970. – С. 157–159.
173. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Том 4. – СПб., 1891. – С.110–111.

174. Чистович Я.А. История первых медицинских школ в России. — СПб., 1883. — С.103—106.

175. Оппель В.А. История русской хирургии. — Вологда, 1923. — С. 57.

176. Чистович Я. История первых медицинских школ в России. — СПб., 1883. — С. 11, 65, 116.

177. Аскоченский В. Киев с древнейшим его училищем Академиею. — К., 1856. — С. 145—146.

178. ЦГИАКУ. — Ф. 127. — Оп. 1024. — Д. 581. — Л. 2.

179. Хижняк З.І. Григорович-Барський Василь Григорович. — Києво-Могилянська академія в іменах. XVII—XVIII ст. — К., 2001. — С. 154—155.

180. ИР НБУВ. — Ф. 30. — Д. 81. — Л.1—200.

181. Хижняк З.И. Киево-Могилянская академия. — К., 1988. — С. 121.

182. Аскоченский В. Киев с древнейшим его училищем Академиею. — К., 1856. — С. 145—148.

183. Чистович Я. История первых медицинских школ в России. — СПб., 1883. — С. 1032.

184. Памятные даты военной медицины. 2003 год. Выпуск XIII. Под ред. И.М. Чижа. — СПб., 2002. — С. 109.

185. Дяченко М.О. Щепін Костянтин Іванович. Києво-Могилянська академія в іменах. XVII—XVIII ст. — К., 2001. — С. 599.

186. Чистович Я. История первых медицинских школ в России. — СПб., 1883. — С. CCCXLIV.

187. История военной медицины России. — Том 2. — Под ред. И.М. Чижа. — СПб., 2002. — С. 85.

188. Чистович Я. История первых медицинских школ в России. — СПб., 1883. — С. 152, 155.

189. Криштопа Б.П. (Полетика, Політика) Іван Андрійович; Горобець В.М., Хижняк З.І. Политика (Полетика, Політика) Григорій Андрійович. Києво-Могилянська академія в іменах. XVII—XVIII ст. — К., 2001. — С. 433—434, 431.

190. Чистович Я. История первых медицинских школ в России. — СПб., 1883. — С. ОСХL VII, 156.
191. Там же. — С. 179.
192. Алелеков А.Н. История Московского военного госпиталя. — М., 1907. — С. 490.
193. Бойчак М.П. История Киевского военного госпиталя. Кн. 1. — К., 2006. — С. 48–49.
194. История военной медицины России. — Том 2. — Под ред. И.М. Чижа. — СПб., 2002. — С. 224.
195. Будко А.А., Шабунин А.В. История медицины Санкт-Петербурга. — СПб., 2003. — С. 97–99.
196. Там же. — С. 97.
197. Титов Ф. Императорская Киевская Духовная Академия. 1615–1915. — К., 1915. Переиздано в 2003. — С. 250–251.
198. Там же — С. 252–253.
199. ЦГИАКУ. — Ф. 269. — Оп.1. — Д. 4519. — Л. 2–3.
200. Кривошея В.В. Українська козацька старшина. Ч.1. — К., 1997. — С. 85.
201. ЦГИАКУ. — Ф. 269. — Оп. 1. — Д. 3811. — Л. 2.
202. Там же. — Д. 3907. — Л.2.
203. Титов Ф. Императорская Киевская духовная академия. 1615–1915. — К., 1915. Переиздано в 2003. — С. 255–256.
204. ЦГИАКУ. — Ф. 59. — Оп. 1. — Д. 4921. — Л. 1.
205. Там же. — Оп. 1. — Д. 4921. — Л. 1–8.
206. Плющ В. Нариси з історії української медичної науки та освіти. Кн. 1. — Мюнхен, 1970. — С 89–90.
207. История военной медицины России. Т. 2. — Под ред. И.М. Чижа. — СПб., 2002. — С. 89.
208. Титов Ф. Императорская Киевская Духовная Академия 1616–1915. — К., 1915. Переиздано в 2003. — С. 260.
209. ЦГИАКУ. — Ф. 59. — Оп. 1. — Д. 6054. — Л. 35.
210. Там же. — Д. 6059. — Л. 1.
211. ЦГИАКУ. — Ф. 59. — Оп. 1. — Д. 5859. — Л. 2–36.

212. Кривошея В.В. Українська козацька старшина. — Ч. 1. — К., 1997. — С. 30, 33, 35.
213. Кривошея В.В. Національна еліта гетьманщини. — Ч. 2. — К., 1998. — С. 190.
214. Модзалевский В.Л. Малороссийский Родословник. — К., 1908. — С.238–239, 266.
215. ЦГИАКУ. — Ф. 51. — Оп. 3. — Д. 3204. — Л. 1.
216. Палкин Б.Н. Русские госпитальные школы XVIII века и их воспитанники. — М., 1959. — С. 210.
217. Медицина в Україні. Видатні лікарі. Кінець XVIII — перша половина XIX ст. Вип.1. — К., 1997. — С. 45.
218. Плющ В. Нариси з історії української медичної науки та освіти. Кн. 1. — Мюнхен, 1970. — С. 157–159.
219. ЦГИАКУ. — Ф.59. — Оп.1. — Д. 5859. — Л.8.
220. Бородій М.К. Дід великого композитора. // Вітчизняна війна. — 1979. — № 10. — С. 217–218.
221. Хижняк З.І. Чайковський /Чайка/ Петро Федорович. Києво-Могилянська академія в іменах XVII–XVIII ст. — К., 2001. — С. 581.
222. Чистович Я.А. История первых медицинских школ в России. — СПб., 1883. — С. 1032.
223. Там же. — С. 1032.
224. Грандо О. Визначні імена в історії української медицини. — К., 1997. — С. 89.
225. Бойчак М.П. История Киевского военного госпиталя. Кн. 1. — К., 2006. — С. 53–54.
226. ЦГИАКУ. — Ф. 127. — Оп. 166. — Д. 145. — Л. 1–5.
227. Там же. — Д. 146. — Л.1.
228. Маркович Н. История Малороссии. Том 2. — М., 1842. — С. 538.
229. ИР НБУВ. — Ф. 160. — Д. 585. — Л. 58.
230. ЦГИАКУ. — Ф. 56. — Оп. 3. — Д. 115, 2338.
231. Там же. — Ф. 127. — Оп. 1020. — Д. 5015. — Л. 36-об. —37.
232. ИР НБУВ. — Ф. 301. — Оп. 751. — Д. 11. — Л. 21–21-об.

233. Бородий Н.К. Зверья Е.Ф. — инспектор Бессарабской врачебной управы (1748—1829). // Сов. здравоохранение. — 1987. — № 4. — С. 72—73.

234. Криштопа Б.П. Звіряка Євстафій Федорович. Києво-Могилянська академія в іменах. XVII—XVIII ст. — К., 2001. — С.222.

235. Лякіна Р.М. Брусковський Лук'ян Іванович. Києво-Могилянська академія в іменах. XVII—XVIII ст. — К., 2001. — С.88—89.

236. Задорожна О.Ф. Стефанович-Донцов Михайло Якович. Києво-Могилянська академія в іменах. XVII—XVIII ст. — К., 2001. — С.513—514.

237. Бородій М.К. Степанович-Донцов Михайло Якович. Українська Радянська Енциклопедія. Гол. ред. М.П. Бажан. Т. 10. — К., 1983. — С. 536.

238. Чистович Я. История первых медицинских школ в России. — СПб., 1883. — С. CCCIX.

239. Бородій М. К. Данило Самійлович Самойлович. — К., 1987. — 150 с.

240. ГАКО. — Ф. 782. — Оп. 1. — Д. 11623. — Л. 1—19.

241. ЦГИАКУ. — Ф. 59. — Оп. 1. — Д. 7277. — Л. 1.

242. Там же. — Д. 7277. — Л. 5—6.

243. Медицина в Україні. Видатні лікарі. Кінець XVIII — перша XIX століть. Вип. 1. — К., 1997. — С. 141—143.

244. Там же. — С. 143—144.

245. Криштопа Б.П. Шумлянський Олександр Михайлович. Шумлянський Павло Михайлович. Києво-Могилянська академія в іменах. XVII—XVIII ст. — К., 2001. — С. 594—595.

246. ЦГИАКУ. — Ф. 59. — Оп. 1. — Д. 7277. — Л. 6.

247. ГАКО. — Ф. 782. — Оп. 1. — Д. 13763. — Л. 1.

248. Там же. — Л. 1—3.

249. Бойчак М.П. История Киевского военного госпиталя. Кн. 1. — К., 2006. — С. 62.

250. ЦГИАКУ. — Ф. 59. — Оп. 1. — Д. 7277. — Л. 1—2.

251. Титов Ф. Императорская Киевская духовная академия. 1615–1915. — К., 1915. Переиздано в 2003. — С. 259.
252. ЦГИАКУ. — Ф. 59. — Оп. 1. — Д. 7277. — Л.9.
253. Там же. — Ф. 59. — Оп. 1. — Д. 7277. — Л.10.
254. Там же. — Д. 7277. — Л.13.
255. Там же. — Д. 7277. — Л.13.
256. Там же. — Д. 7277. — Л.15.
257. Там же. — Д. 7277. — Л.16.
258. Там же. — Д. 7277. — Л.19.
259. Там же. — Д. 7277. — Л.20.
260. Там же. — Д. 7277. — Л.22.
261. Там же. — Д. 7277. — Л.23.
262. Там же. — Д. 7277. — Л.25.
263. ГАКО. — Ф. 782. — Оп. 1. — Д. 512. — Л. 23.
264. ИР НБУВ. — Ф. 301. — Оп. 751л. — Д. 26. — Л. 32.
265. ГАКО. — Ф. 782. — Оп. 1. — Д. 512. — Л. 24.
266. ЦГИАКУ. — Ф. 127. — Оп. 1015. — Д. 690. — Л. 110.
267. Лякіна Р.М. Берлінський Стефан (Степан) Федорович. Києво-Могилянська академія в іменах. XVII–XVIII ст. — К., 2001. — С. 68.
268. ИР НБУВ. — Ф. 301. — Оп. 751л. — Д. 26. — Л. 19.
269. ГАКО. — Ф. 782. — Оп. 1. — Д. 9838 и 9839.
270. ЦГИАКУ. — Ф. 221. — Оп. 1. — Д. 292. — Л. 1.
271. Там же. — Д. 487.
272. Там же. — Ф. 533. — Оп. 5. — Дело 225. — Л. 8.
273. Постановления и распоряжения правительства. // ВМЖ. — 1829. — № 1. — С. 216.
274. ИР НБУВ. — Ф. 301. — Оп. 751 л. — Д. 26. — Л. 1–3, 47.
275. Там же. — Д. 26. — Л.9.
276. Там же. — Л. 11, 31-об.
277. Там же. — Л. 12, 35.
278. Там же. — Л. 21, 35.
279. Там же. — Л. 23.
280. Там же. — Л. 35, 36.

281. Там же. — Л. 27, 36.
282. Там же. — Л. 29, 36-об.
283. Там же. — Л. 31.
284. Там же. — Л. 31,
285. Змеев Л.Ф. Русские врачи—писатели. Вып.1. Тетрадь 2. — СПб., 1886. — С. 132.
286. ИР НБУВ. — Ф. 301. — Оп. 751л. — Д. 26. — Л. 32-об.
287. Титов Ф. Императорская Киевская Духовная академия. 1615—1915. — К., 1915. Переиздано в 2003. — С. 711.
288. Поддубный М.В. Московский госпиталь в XVIII веке. В кн.: Родоначальник российской медицины — Главный военный клинический госпиталь имени академика Н.Н. Бурденко (к 300-летию со дня основания). Том 1: Золотые страницы истории Главного госпиталя. — М., 2006. — С. 92—93.
289. ИР НБУВ. — Ф. 301. — Оп. 751 л. — Д. 26. — Л. 31-об.
290. Там же. — Л. 32.
291. Там же. — Л. 32.
292. Там же. — Л. 32.
293. Там же. — Л. 32-об.
294. Там же. — Л. 33.
295. Кривошея В.В. Украинская казацкая старшина. Ч. 1. — К., 1997. — С. 22.
296. ИР НБУВ. — Ф. 301. — Оп. 751л. — Д. 26. — Л. 33.
297. Там же. — Л. 35-об.
298. Там же.— Л. 33-об.
299. Там же. — Л. 33-об.
300. Медицина в Україні. Видатні лікарі. Кінець XVII — перша половина XIX століть. — К., 1997. — С. 68.
301. ИР НБУВ. — Ф. 301.— Оп. 751л. — Д. 26. — Л. 33-об.
302. Тлумачний словник маловживаних і застарілих слів та деяких подій. Києво-Могилянська академія в іменах. XVII—XVIII ст. — К., 2001. — С. 635.
303. ИР НБУВ. — Ф. 301. — Оп. 751 л. — Д. 26. — Л. 34.
304. ГАКО. — Ф.Р. 862. — Оп.1. Дело 198. — Л.2—6.

305. ЦГИАКУ. — Ф. 1711. — Оп. 1. — Д. 2.
306. ИР НБУВ. — Ф. 301. — Оп. 751 л. — Д. 26. — Л. 47.
307. История военной медицины России. Гл. ред. И.М. Чиж. Том 2. — СПб., 2002. — С. 59.
308. ИР НБУВ. — Ф. 301. — Оп. 751 л. — Д. 26. — Л. 55-об.—56.
309. Медицина в Україні. Видатні лікарі. Ч. 1. — К., 1997. — С. 23–24.
310. История военной медицины России. Гл. ред. И.М. Чиж. Том 2. — СПб., 2002.— С. 92–93.
311. ИР НБУВ. — Ф. 301. — Оп. 751 л. — Д. 26. — Л. 57.
312. Шиденко В.А. Колосовський Дмитро Никифорович. Києво-Могилянська академія в іменах. XVII–XVIII ст. — К., 2001. — С. 268–269.
313. ИР НБУВ. — Ф. 301. — Оп. 751л. — Д. 26. — Л. 59-об. —60.
314. История военной медицины России. Гл. ред. И.М. Чиж. Том 2. — СПб., 2002.— С.58–60.
315. Плющ В. Нариси з історії української медичної науки та освіти. Кн. 1. — Мюнхен, 1970. — С. 119–121.
316. Медицина в Україні. Видатні лікарі. Кінець XVII—перша половина XIX століть. — Вип. 1. — К., 1997. — С. 113–114.
317. ИР НБУВ. — Ф. 301.— Оп. 751 л.— Д. 26. — Л. 49, 55.
318. Там же. — Л. 55, 55-об.
319. Там же. — Л. 55.
320. Там же. — Л. 57.
321. Там же. — Л. 57-об.
322. Там же. — Л. 57-об.
323. Там же. — Л. 58.
324. Там же. — Л. 58-об.
325. Там же. — Л. 58.
326. Там же. — Л. 58-об.
327. Там же. — Л. 58-об.
328. Там же. — Л. 59.
329. Там же. — Л. 59.
330. Там же. — Л. 59.

331. Там же. — Л. 60.
332. Там же. — Л. 61.
333. ЦГИАКУ. — Ф. 990. — Оп. 1. — Д. 1302. — Л. 1, 5.
334. Аскоченский В. Киев с древнейшим его училищем Академиею. — Ч. 2. — К., 1858. — С. 426—428.
335. Хижняк З.І. Ректори Києво-Могилянської академії (1615—1817). — К., 2002. — С. 189.
336. Титов Ф. Императорская Киевская Духовная академия. 1615—1915. — К., 1915. Переиздана в 2003. — С. 262—263.
337. Всемирная история. Том 5. Под ред. Я.Я. Зутиса. — М., 1958. — С. 661—663.
338. Там же. Том 6. Под ред. Н.А. Смирнова. — М., 1959. — С. 80—82.
339. ЦГИАКУ. — Ф. 990. — Оп. 1. — Д. 1442. — Л. 1—2.
340. Плющ В. Нариси з історії української медичної науки та освіти. Кн.1. — Мюнхен, 1970. — 342 с.
341. Задорожна О.Ф. Чернявський Федір Григорович. Києво-Могилянська академія в іменах. XVII—XVIII ст. — К., 2001. — С. 564—585.
342. Пиріг Л.А. Базилевич Григорій Іванович. Києво-Могилянська академія в іменах. XVII—XVIII ст. — К., 2001. — С. 49.
343. Бойчак М.П. История Киевского военного госпиталя. — Кн 1. — К., 2006. — С.175.
344. Медицина в Україні. Видатні лікарі. Вип. 1. XVII—XIX ст. — К., 1997. — С. 130.
345. Громбах С.М. Русская медицинская литература XVIII в. — М., 1953. — С. 135.
346. История военной медицины России. Т. 2. Под ред. И.М. Чижа. — СПб., 2002. — С. 179—184.
347. Змеев Л. Русские врачи писатели. В двух вып. с доп. — СПб., 1886—1892. — Тетрадь 1. — С. 81.
348. Аскоченский В. Киев с древнейшим его училищем Академиею. — Ч. 2. — К., 1856. — С. 319—320.

349. Пиріг Л.А. Барсук-Мойсеев Хома Іванович. Києво-Могилянська академія в іменах. XVII–XVIII ст. — К., 2001. — С. 62.
350. Чистович Я. История первых медицинских школ в России. — СПб., 1883. — С. 240–241.
351. Там же. — С. 230, 235, 237.
352. Будко А.А., Шабунин А.В. История медицины Санкт-Петербурга. — СПб., 2003. — С. 99–101.
353. Хижняк З.І. Ректори Києво-Могилянської академії. 1615–1817. — К., 2002. — С. 149, 151, 155.
354. Аскоченский В. Киев с древнейшим его училищем Академиею. Ч.2. — К., 1856. — С. 183–184.
355. Лисицын Ю.П. История медицины. — М., 2004. — С. 123.
356. Аскоченский В. Киев с древнейшим его училищем Академиею. — Ч. 2. — К., 1856. — С. 183–184, 527.
357. Медицина в Україні. Видатні лікарі. Вип. 1 — К., 1997. — С. 125–127.
358. Будко А.А., Шабунин А.В. История медицины Санкт-Петербурга. — СПб., 2003. — С. 102–103.
359. Там же. — С. 103.
360. Ключев В.М., Ипатов П.В., Денисов С.Л. Краткая 300-летняя история Главного военного клинического госпиталя имени академика Н.Н. Бурденко в именах и лицах. В кн.: Родоначальник российской медицины — Главный военный клинический госпиталь имени академика Н.Н. Бурденко (к 300-летию со дня основания). Том 1: Золотые страницы истории Главного госпиталя. — М., 2006. — С. 13.
361. Бойчак М.П. История Киевского военного госпиталя. — Кн. 1. — К., 2006. — С. 178–182.
362. ИР НБУВ. — Ф. 301. — Оп. 751 л. — Д. 53.
363. Чистович Я. История первых медицинских школ в России. — СПб., 1883. — С. ССХСІХ.
364. ЦГИАКУ. — Ф. 990. — Оп. 3. — Д. 12. — Л. 5-об.
365. Бойчак М.П. История Киевского военного госпиталя. — Кн. 1. — К., 2006. — С. 163–166.

366. Сапельникова Е.В. Іваницький Федір Васильович. Києво-Могилянська академія в іменах. XVII–XVIII ст. — К., 2001. — С. 236.

367. ИР НБУВ. — Ф. 301. — Оп. 751 л. — Д. 49.

368. История военной медицины России. Гл. ред. И.М. Чиж. Т. 2. — СПб., 2002. — С. 224, 225.

369. Поддубный М.В. Московский госпиталь в XVIII веке. В кн.: Родоначалник Российской медицины — главный военный клинический госпиталь им. акад. Н.Н. Бурденко. Том 1: Золотые страницы истории Главного госпиталя. — М., 2006. — С. 93.

370. Чухліб Т.В. Данилевський Олексій Іванович. — Києво-Могилянська академія в іменах XVII–XVIII ст. — К., 2001. — С. 176.

371. ИР НБУВ. — Ф. 160. — Д. 160.

372. ИР НБУВ. — Ф. 160. — Д. 101. — Л. 6, 63-об, 85.

373. ИР НБУВ. — Ф. 30. — № 109, 114, 115.

374. ИР НБУВ. — Ф. 30. — № 178.

375. ИР НБУВ. — Ф. 160. — Д. 101. — Л. 630-об.

376. ИР НБУВ. — Ф. 5. — Д. 836. — Л. 76-об, 80.

377. Бойчак М.П. История Киевского военного госпиталя. — Кн. 1. — К., 2006. — С. 182–184.

378. ЦГИАКУ. — Ф. 533. — Оп. 5. — Д. 21.

379. Постановления и распоряжения правительства. // ВМЖ. — 1832. — № 2. — С. 308.

380. Медицина в Україні. XVIII—перша половина XIX ст. Додатковий випуск. — К., 2002. — С. 54.

381. ЦГИАКУ. — Ф. 533. — Оп. 4. — Д. 188.

382. ЦГИАКУ. — Ф. 533. — Оп. 5. — Д. 21.

383. ИР НБУВ. — Ф. 160. — Д. 101. — Л. 85.

384. Бойчак М.П. История Киевского военного госпиталя. — Кн. 1. — К., 2006. — С. 273.

385. ЦГИАКУ. — Ф. 127. — Оп. 187. — Д. 9. — Л. 1.

386. ЦГИАКУ. — Ф. 127. — Оп. 187. — Д. 9. — Л. 5.

387. Титов Ф. Императорская Киевская духовная академия. 1615–1915. — К., 1915. Переиздано в 2003. — С.270.

388. Хижняк З.І. Ректори Києво-Могилянської академії. 1616–1817. — К., 2002. — С. 167–173.

389. ЦГИАКУ. — Ф. 127. — Оп. 187. — Д. 9. — Л. 1–1-об.

390. ИР НБУВ. — Ф. 160. — Оп. 101. — Л. 6.

391. ЦГИАКУ. — Ф. 127. — Оп. 187. — Дело. 9. — Л. 23.

392. Задорожна О.Ф. Кашинський Іван Григорович. Києво-Могилянська академія в іменах XVII–XVIII ст. — К., 2001. — С. 255–256.

393. Гольдин И.И Штаб-лекарь Московского госпиталя. Иван Кашинский — первый воздухоплаватель. В кн.: Родоначальник Российской медицины — Главный военный клинический госпиталь имени Н.Н. Бурденко (К 300-летию со дня основания). — Том 1: Золотые страницы Главного госпиталя. — М., 2006. — С. 156–163.

394. Плющ В. Нариси з історії української медичної науки та освіти. — Том. 1. — Мюнхен, 1970. — С. 257, 260.

395. Кашинский Иван Григорьевич. — [http:// sbortrav.narod.ru](http://sbortrav.narod.ru).

396. ЦГИАКУ. — Ф. 127. — Оп. 187. — Дело 9. — Л. 14, 29–30, 61.

397. ЦГИАКУ. — Ф. 127. — Оп. 187. — Дело 9.

398. ЦГИАКУ. — Ф. 127. — Оп. 187. — Дело. 9. — Л. 32-об.

399. Там же. — Л. 33.

400. Там же. — Л. 28–28-об.

401. Там же. — Л. 31–31-об.

402. Там же. — Л. 15–15-об.

403. Там же. — Л. 17.

404. Там же. — Л. 32, 40.

405. Там же. — Л. 44, 44-об., 47.

406. ЦГИАКУ. — Ф. 127. — Оп. 187. — Дело 9.

407. ГАКО. — Ф. 782. — Оп. 1. — Дело 1390.

408. Бойчак М.П. История Киевского военного госпиталя. — Кн. 1. — К., 2006. — С. 265–266.

409. Постановления и распоряжения правительства. // ВМЖ.
— 1824. — № 1. — С. 155.
410. Постановления и распоряжения правительства. // ВМЖ.
— 1826. — № 3. — С. 387.
411. ЦГИАКУ. — Ф. 533. — Оп. 4. — Дело 188. — Л. 5.
412. Постановления и распоряжения правительства. // ВМЖ.
— 1827. — № 2. — С. 321.
413. Постановления и распоряжения правительства. // ВМЖ.
— 1837. — № 2. — С. 338.
414. Аскоченский В. Киев с древнейшим его училищем Академиею. — Ч. 2. — К., 1886. — С. 396–406.
415. Памятные даты военной медицины. 1999 год. Выпуск IX.
Гл. редактор И.М. Чиж. — СПб., 1998. — С. 73.
416. Богданов К.А. Врачи, пациенты, читатели: Патографические тексты русской культуры XVIII–XIX веков. — М., 2005. — С. 173.
417. Змеев Л.Ф. Русские врачи писатели (в двух вып. с доп.).
— СПб., 1886. — Тетрадь 1. — С. 45.
418. Бородай М.К. Данило Велланський. — К., 1992. — 125 с.
419. ЦГИАКУ. — Ф. 1711. — Оп. 1. — Д. 83. — Л. 5.
420. Аскоченский В. Киев с древнейшим его училищем Академиею. Ч. 2. — К., 1856. — С. 396.
421. Бойчак М.П. История Киевского военного госпиталя.
Кн. 1. — К., 2006. — С. 212.
422. Змеев Л.Ф. Русские врачи писатели Вып. 1, тетр. 2. —
Санкт-Петербург, 1886. — С. 175.
423. Будко А.А., Шабунин А.В. История медицины Санкт-Петербурга. — СПб., 2003. — С. 106–108.
424. Громбах В.С. Русская медицинская литература XVIII в. —
М., 1953. — С. 26.
425. Лисицын Ю.П. История медицины. — М., 2004. —
С. 123–124.
426. Левинштейн И.И. История фармации и организация
фармацевтического дела. — Москва-Ленинград, 1939. — С. 106.

427. Будко А.А., Шабунин А.В. История медицины Санкт-Петербурга. — СПб., 2003. — С. 123–124, 128.

428. Бойчак М.П. История Киевского военного госпиталя. Кн. 1. — К., 2006. — С. 60.

429. Богданов К.А. Врачи, пациенты, читатели: патологические тексты русской культуры XVIII–XIX веков. — М., 2005. — С. 308–309.

430. ИР НБУВ. — Ф.30. — Д.125. — Л. 16.

431. История военной медицины России. Т.2. Под ред. И.М. Чижа. — СПб., 2002. — С. 47.

432. Палкин Б.Н. Русские госпитальные школы XVIII в. — М., 1959. — С. 3.

433. Хижняк З.И. Киево-Могилянская академия. — К., 1988. — С. 125.

434. Лякіна Р.М., Хижняк З.І. Іванішів Дмитро Олександрович. Києво-Могилянська академія в іменах. XVII–XVIII ст. — К., 2001. — С. 236–237.

435. Кривошея В.В. Козацька старшина Гетьманщини. Енциклопедія. — К., 2010. — С. 379.

436. Романович-Славатинский А.А. Жизнь и деятельность Н.Д. Иванишева. — СПб., 1876.

437. ЦГИАКУ. — Ф. 1711. — Оп. 1. — Д. 120. — Л. 12.

438. Верхратський С.А., Заблудовський П.Ю. Історія медицини. — К., 1901. — С. 200.

439. Верхратський С.А. Сторінки історії медицини на Україні. В кн.. Матеріали до історії розвитку охорони здоров'я на Україні. — К., 1957. — С. 18.

440. Кривошия В.В. Козацька старшина Гетьманщини. Енциклопедія. — К., 2010. — С. 505.

441. ЦГИАКУ. — Ф. 1711. — Оп. 1. — Д. 120. — Л. 10.

442. ЦГИАКУ. — Ф. 486. — Оп. 5. — Д. 5. — Л. 28.

443. Змеев Л.Ф. Русские врачи писатели (в двух вып. с дополн.) — СПб., 1886–1892. — Тетрадь 2. — С. 176.

444. ЦГИАКУ. — Ф. 127. — Оп. 1015. — Д. 83. — Л. 4-об.

445. Акты и документы, относящиеся к истории Киевской академии с «Введением» и «Примечаниями» Н.И. Петрова. — Отд. III. — Том. I. — К., 1910. — С. 386.

446. ЦГИАКУ. — Ф. 127. — Оп. 357. — Д. 48.

447. ЦГИАКУ. — Ф. 127. — Оп. 359. — Д. 95.

448. ЦГИАКУ. — Ф. 193. — Оп. 1. — Д. 1656.

449. ЦГИАКУ. — Ф. 1711. — Оп. 1. — Д. 120. — Л. 5-об.

450. ЦГИАКУ. — Ф. 486. — Оп. 5. — Д. 5. — Л. 28-об.

451. ЦГИАКУ. — Ф. 484. — Оп. 3. — Д. 34. — Л. 11-об.

452. ЦГИАКУ. — Ф. 1711. — Оп. 1. — Д. 120.

453. Лякіна Р.М. Гординський Петро Андрійович. Києво-Могилянська академія в іменах. XVII—XVIII ст. — К., 2001. — С. 145.

454. Змеев Л.Ф. Русские врачи писатели (в двух вып. с дополн.) — СПб., 1886—1892. — Тетрадь 1. — С. 72.

455. Кривошея В.В. Козацька старшина Гетьманщини. — Енциклопедія. — К., 2010. — С. 289.

456. ЦГИАКУ. — Ф. 484. — Оп. 3. — Д. 34. — Л. 13.

457. ЦГИАКУ. — Ф. 127. — Оп. 359. — Д. 95.

458. Аскоченский В. Киев с древнейшим его училищем академиею. — Ч. 2. — К., 1856. — С. 396.

459. Жук В.Н. Петров Артемій. Києво-Могилянська академія в іменах. XVII—XVIII ст. — К., 2000. — С. 422—423.

460. Змеев Л.Ф. Русские врачи писатели. (в двух вып. с дополн.). — СПб., 1886—1892. — Тетрадь 1. — С. 131.

461. Памятные даты военной медицины. 1999 год. Выпуск IX. Под ред. И.М. Чиж. — СПб., 1998. — С. 4.

462. Гладких П.Ф., Локтев А.Е. Военно-госпитальное дело в России (1608—1917). — Екатеринбург, 2000. — С. 26.

463. История военной медицины в России. Гл. ред. И.М. Чиж. Т. 2. — СПб., 2002. — С. 225.

464. Памятные даты военной медицины. 1799 год. Выпуск IX. Гл. редактор И.М. Чиж. — СПб., 1998. — С. 3—4.

465. Будко А.А., Шабунин А.В. История медицины Санкт-Петербурга. — СПб., 2003. — С. 114–115.

466. Гладких П.Ф., Локтев А.Е. Военно-госпитальное дело в России (1608–1917). — Екатеринбург, 2000. — С. 26, 29–30.

467. Шабунин А. В. Яков Васильевич Виллие. — СПб., 1998. — С. 5–23.

468. Российская военно-медицинская академия (1798–1998). Под ред. проф. Ю. Шевченко. — СПб., 1998. — С.11–12, 15.

469. Медицина в Україні. Видатні лікарі. Вип. 1. — К., 1997. — С. 56–57.

470. Иваницкий М. Загорский Петр Андреевич. Большая медицинская энциклопедия. Том 10. Гл. редактор А.Н. Бакулев. — М., 1959. — С. 556.

471. Российская военно-медицинская академия (1798–1998). Под ред. Проф. Ю. Шевченко. — СПб., 1998. — С.663.

472. Там же. — С. 667, 669.

473. Медицина в Україні. Видатні лікарі. Вип.1. — К., 1997. — С.143, 13, 23.

474. Змеев Л.Ф. Русские врачи... — Вып. 1. — Тетр. 2. — СПб., 1886. — С. 175.

475. Бородий Н.К. М.Я. Трохимовский. // 1977. — № 8. — С. 3.

476. Российская Военно-медицинская академия (1798–1998). Под ред. проф. Ю. Шевченко. — СПб., 1998. — С. 680, 681, 682.

477. Медицина в Україні. Видатні лікарі. Кінець XVII — перша половина XIX століття. — Вип. 1. — К., 1997. — С. 65–66.

478. Памятные даты военной медицины. 2002 год Выпуск XII. Под ред. И.М. Чижа. — СПб., 2001. — С. 37.

479. Медицина в Україні. Видатні лікарі. — Вип. I. — К., 1997. — С. 36.

480. Плющ В. Нариси з історії української медичної науки та освіти. — Кн. 1. — Мюнхен, 1970. — С. 123–126, 335.

481. Ильин Л.Ф. Краткий исторический очерк кафедры фармации и фармацевтического отделения Императорской военно-медицинской академии. — СПб., 1899. — С. 8–11.

482. Змеев Л.Ф. Русские врачи писатели. Вып. 1. — СПб., 1886. — Тетр. 2. — С. 105.

483. Памятные даты военной медицины. 2001 год. Выпуск XI. Под ред. И.М. Чижа. — СПб., 2000. — С. 64.

484. Медицина в Україні. Видатні лікарі. Кінець XVII — перша половина XIX століття. — Вип. 1. — К., 1997. — С. 125.

485. Российская Военно-медицинская академия. 1798—1998. Под ред. проф. Ю. Шевченко. — СПб., 1998. — С. 188, 209, 240—241, 253, 157, 174.

486. Памятные даты военной медицины. 2000 г. — Выпуск 10. Гл. ред. И.М. Чиж. — СПб., 1999. — С. 3.

487. Семека С. Медицина военная. Энциклопедический словарь военной медицины. Том 3. Под ред. Е.И. Смирнова. — М., 1948. — С. 772.

488. Всемирная история. Под. ред. Н.А. Смирнова. — Т. VI. — М., 1959. — С. 113.

489. ГАКО. — Ф. 782. — Оп. 1. — Д. 9839.

490. ЦГИАКУ. — Ф. 127. — Оп. 1012. — Д. 191. — Л. 20.

491. Жук В.Н. Петров Артемій. Києво-Могилянська академія в іменах XVII—XVIII ст. — К., 2001. — С. 422—423.

492. ИР НБУВ. — Ф. 225. — Д. 569. — Л. 1.

493. Там же. — Л. 1, 13-об.

494. ЦГИАКУ. — Ф. 1711. — Оп. 1. — Д. 83. — Л. 6.

495. Там же. — Л. 5.

496. ИР НБУВ. — Ф. 225. — Д. 569. — Л. 8.

497. ЦГИАКУ. — Ф. 127. — Оп. 357. — Д. 95. — Л. 1, 3, 6-об.

498. ИР НБУВ. — Ф. 225. — Д. 569. — Л. 37.

499. ИР НБУВ. — Ф. 225. — Д. 569. — Л. 37—37-об.

500. ИР НБУВ. — Ф. 225. — Д. 569. — Л. 37-об.

501. ИР НБУВ. — Ф. 225. — Д. 569. — Л. 37-об.

502. Рогожина Н.В. Баранович Іван Прокопович. Києво-Могилянська академія в іменах. XVII—XVIII ст. — К., 2001. — С. 58—59.

503. Рогожина Н.В. Навчання у Києво-Могилянській академії — традиція українських сімей. Наукові записки Києво-Могилянської академії. — Т.18. — К., 2000. — С. 35–37.

504. ЦГИАКУ. — Ф. 127. — Оп. 359. — Д. 104. — Л. 1, 11–12.

505. ИР НБУВ. — Ф. 160. — Д. 108. — Муз. 994. — Л. 1–3. (Воспоминания младшего брата Е.П. Рудыковского Андрея о бурсадской жизни).

506. ИР НБУВ. — Ф. 160. — Д. 108. — Муз. 994. — Л. 69.

507. ИР НБУВ. — Ф. 28. — Д. 776. — Л. 62.

508. Бойчак М.П. История Киевского военного госпиталя. Кн. 1. — К., 2006. — С. 285–289.

509. ЦГИАКУ. — Ф. 127. — Оп. 360. — Д. 155. — Л. 1-об, 6, 9, 12.

510. ЦГИАКУ. — Ф. 1711. — Оп. 1. — Д. 193. — Л. 2.

511. ЦГИАКУ. — Ф. 127. — Оп. 360. — Д. 155. — Л. 11.

512. ЦГИАКУ. — Ф. 127. — Оп. 360. — Д. 155. — Л. 11.

513. ЦГИАКУ. — Ф. 127. — Оп. 361. — Д. 95. — Л. 5–6, 8.

514. ЦГИАКУ. — Ф. 127. — Оп. 361. — Д. 95. — Л. 9–11, 17–18.

515. ГАК. — Ф. 388. — Оп. 7. — Д. 25. — Л. 492, 501.

516. ЦГИАКУ. — Ф. 1711. — Оп. 1. — Д. 120. — Л. 36-об.

517. ЦГИАКУ. — Ф. 127. — Оп. 1015. — Л. 975.

518. ЦГИАКУ. — Ф. 127. — Оп. 361. — Д. 95. — Л. 9, 24.

519. Задорожна О.Ф. Андріївський Євфим (Юхим) Іванович. Києво-Могилянська академія в іменах. XVII–XVIII ст. — К., 2001. — С. 35.

520. ЦГИАКУ. — Ф. 127. — Оп. 362. — Д. 76. — Л. 1–4, 7–7-об.

521. Хижняк З.І., Маньківський В.К. Історія Києво-Могилянської академії. — К., 2003. — С.170.

522. ГАКО. — Ф.2. — Оп.3. — Д. 2134. — Л.18, 106.

523. ЦГИАКУ. — Ф.127. — Оп. 203. — Д. 196. — Л. 3, 7.

524. ЦГИАКУ. — Ф.127. — Оп. 364. — Д. 63. — Л.6.

525. ЦГИАКУ. — Ф.127. — Оп. 364. — Д. 63. — Л.16–16-об.

526. ЦГИАКУ. — Ф.127. — Оп.364. — Д. 63. — Л.17.

527. Бойчак М.П. История Киевского военного госпиталя. Кн. 1. — К., 2006. — С. 170–171.

528. ЦГИАКУ. — Ф. 168. — Оп. 1. — Д. 6. — Л. 1—4-об.
529. Аскоченский В. Киев с древнейшим его училищем Академиею. — Ч. 2. — К., 1856. — С. 465—466.
530. ИР НБУВ. — Ф. 301. — Оп. 751 л. — Д. 172. — Л. 6.
531. ЦГИАКУ. — Ф. 1711. — Оп. 1. — Д. 309. — Л. 3—3-об.
532. ЦГИАКУ. — Ф. 1711. — Оп. 1. — Д. 305. — Л. 18.
533. ЦГИАКУ. — Ф. 1711. — Оп. 1. — Д. 305. — Л. 3.
534. ЦГИАКУ. — Ф. 1711. — Оп. 1. — Д. 305. — Л. 1, 18.
535. ЦГИАКУ. — Ф. 1711. — Оп. 1. — Д. 305. — Л. 3-об., 18.
536. ЦГИАКУ. — Ф. 1711. — Оп. 1. — Д. 305. — Л. 2, 18.
537. ЦГИАКУ. — Ф. 1711. — Оп. 1. — Д. 305. — Л. 18.
538. ЦГИАКУ. — Ф. 1711. — Оп. 1. — Д. 305. — Л. 18.
539. ЦГИАКУ. — Ф. 1711. — Оп. 1. — Д. 305. — Л. 18.
540. ЦГИАКУ. — Ф. 1711. — Оп. 1. — Д. 305. — Л. 14, 18, 24.
541. ЦГИАКУ. — Ф. 127. — Оп. 365. — Д. 99. — Л. 1, 4.
542. ГАК. — Ф. 1. — Оп. 4. — Д. 15. — Л. 64.
543. ЦГИАКУ. — Ф. 1711. — Оп. 1. — Д. 213.
544. ЦГИАКУ. — Ф. 127. — Оп. 1015. — Д. 87. — Л. 15-об.
545. ГАК. — Ф. 1. — Оп. 2. — Д. 290. — Л. 40, 42, 60 и др.
546. ИР НБУВ. — Ф. 301. — Оп. 221 п. — Т. 4. — Л. 521—528.
547. Российская Военно-Медицинская Академия (1798—1998).
Тод. ред. Ю. Шевченко. — СПб., 1998. — С. 692.
548. Там же. — С. 241.
549. Змеев Л.Ф. Русские врачи писатели. Вып. 1. Тетрадь 1. —
СПб., 1886. — С. 132—133.
550. ЦГИАКУ. — Ф. 127. — Оп. 368. — Д. 13.
551. ЦГИАКУ. — Ф. 127. — Оп. 368. — Д. 72. — Л. 1.
552. ЦГИАКУ. — Ф. 127. — Оп. 368. — Д. 72. — Л. 4—6.
553. ИР НБУВ. — Ф. 301. — Оп. 221 п. — Д. 53. — Л. 806—807, 942.
554. ИР НБУВ. — Ф. 301. — Оп. 221 п. — Д. 53. — Л. 909.
555. ИР НБУВ. — Ф. 301. — Оп. 221 п. — Д. 53. — Л. 910.
556. ИР НБУВ. — Ф. 301. — Оп. 221 п. — Д. 53. — Л. 909-об.
557. ИР НБУВ. — Ф. 301. — Оп. 221 п. — Д. 53. — Л. 910-об.
558. ЦГИАКУ. — Ф. 127. — Оп. 370. — Д. 139. — Л. 10, 12, 13, 19.

559. Андрющенко М.В., Хижняк З.І., Мохов Осип Омелянович. Києво-Могилянська академія в іменах. XVII–XVIII ст. — К., 2001. — С. 380.

560. ЦГИАКУ. — Ф. 1711. — Оп. 1. — Д. 120. — Л. 10-об.

561. Дороніна Т.О. Носков Іван (Мелетій). Києво-Могилянська академія в іменах. XVII–XVIII ст. — К., 2001. — С. 396.

562. ЦГИАКУ. — Ф. 127. — Оп. 1012. — Д. 1282. — Л. 713.

563. ЦГИАКУ. — Ф. 127. — Оп. 1012. — Д. 555. — Л. 387.

564. ИР НБУВ. — Ф. 301. — Оп. 221 п. — Т. 4. — Д. 53. — Л. 684.

565. Троцкий С.П. По поводу 75-летнего юбилея Киевской Духовной Семинарии. — К., 1892. — С. 2–3.

566. ЦГИАКУ. — Ф. 1711. — Оп. 1. — Д. 489. — Л. 1–4, черновик.

567. Плотнікова І. Прогулянки старим Подолом. — К., 2003. — С. 140–148.

568. Апанович О. Козацька енциклопедія для юнацтва. — К., 2009. — С. 20–32.

569. Грандо А.А. Медицина в зеркале истории. — К., 1990. — С. 93–94.

570. Верхратський С.А., Заблудовський П.Ю. Історія медицини. — К., 1991. — С. 200.

571. Бойчак М.П., Лякина Р.Н. Их путь в медицину начинался с Киевской Духовной семинарии первой половины XIX века. — К., 2007. — С. 79.

572. Аскоченский В. Киев с древнейшим его училищем академиею. — Ч. 2. — К., 1856. — С. 480–481.

573. Оборин Н.А. Профессор П.П. Пелехин — поборник высшего медицинского образования во Львове // Вестник хирургии. — 1961. — № 4. — С. 132.

574. Кривошия В.В. Козацька старшина Гетьманщини. Енциклопедія. — К., 2010. — С. 572.

575. ЦГИАКУ. — Ф. 712. — Оп. 6. — Д. 20. — Л. 8–8-об, 13.

576. ИР НБУВ. — Ф. 160. — Д. 371. — Л. 70–71, 75.

577. ЦГИАКУ. — Ф. 712. — Оп. 6. — Д. 20. — Л. 1, 2, 3.

578. Там же. — Л. 7.

579. Балашевич Л.И., Шиляев В.Г. Очерки по истории офтальмологии в Санкт-Петербурге. — СПб., 2000. — С. 64—65.

580. Змеев Л.Ф. Русские врачи писатели. (В двух вып. с дополн.). — СПб., 1886. — С.32.

581. Российская военно-медицинская академия (1798—1998). Под редакцией Ю. Шевченко. — СПб., 1998. — С. 228.

582. Бойчак М.П., Лякина Р.Н. Их путь в медицину начинался с Киевской духовной семинарии первой половины XIX века. — К., 2007. — С. 13.

583. Верхратський С.А., Заблудовський П.Н. Історія медицини. — К., 1991. — С. 201.

584. ЦГИАКУ. — Ф. 712. — Оп. 1. — Д. 9. — Л. 1—3.

585. Там же. — Ф. 711. — Оп. 1. — Д. 10943. — Л. 2-об.

586. Медицинский вестник. — 1871. — № 40. — С. 319—320.

587. Оборин Н.А. Профессор П.П. Пелехин — поборник высшего медицинского образования во Львове. // Вестник хирургии. — 1961. — № 4. — С. 132—135.

588. ЦГИАКУ. — Ф. 712. — Оп. 6. — Д. 209. — Л. 1.

589. Там же. — Ф. 711. — Оп. 4. — Д. 187. — Л. 1—5-об, 10.

590. Там же. — Оп. 6. — Д. 179. — Л. 7-об—8.

591. Там же. — Ф. 712. — Оп. 6. — Д. 302. — Л. 12, 14-об.

592. Там же. — Л. 11, 14-об.

593. Кривошия В.В. Козацька старшина Гетьманщини. — К., 2010. — С. 489—492.

594. Лякіна Р.М. Максимович Петро Михайлович. Києво-Могилянська академія в іменах. XVII—XVIII ст. — К., 2001. — С. 349—350.

595. ЦГИАКУ. — Ф. 712. — Оп. 6. — Д. 302. — Л. 9.

596. Змеев Л.Ф. Русские врачи писатели. В 2-х вып. с дополнениями. Тетрадь 2. — СПб., 1886. — С. 3.

597. Максимович М.П. Замечательный случай грудной болезни. // Друг здравия. — 1836. — № 28.

598. ЦГИАКУ. — Ф. 712. — Оп. 6. — Д. 302. — Л. 3, 10.

599. ГАКО. — Ф. 782. — Оп. 2. — Д. 354.

600. ЦГИАКУ. — Ф. 712. — Оп. 6. — Д. 302. — Л. 1-1-об.
601. Там же. — Оп. 376. — Д. 165. — Л. 1, 2, 9, 12-12-об.
602. Там же. — Оп. 6. — Д. 380. — Л. 10.
603. Там же. — Л. 7-7-об, 8.
604. Бойчак М.П. История Киевского военного госпиталя.
Кн. 1. — К., 2005. — С. 276, 283, 284, 285.
605. ЦГИАКУ. — Ф. 712. — Оп. 2. — Д. 580. — Л. 1, 3, 5.
606. Там же. — Оп. 5. — Д. 48. — Л. 1-об-5.
607. Там же. — Оп. 2. — Д. 1052. — Л. 5-7.
608. Там же. — Д. 894. — Л. 1.
609. Там же. — Д. 1002. — Л. 2.
610. Там же. — Д. 1151. — Л. 1-7.
611. Оборин Н.А. Вклад воспитанников Киевской Братско-Могилянской академии в развитие отечественной медицины. В кн.: Очерки истории высшего медицинского образования и научных школ на Украине. — К., 1956. — С. 110.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ФАМИЛИЙ

А

Абрамов Сергей — 276
Августинович Федор — 201, 277
Адамовский Яков — 99, 277
Адвинабургский Василь — 99, 277
Алладин Андрей — 56, 275
Александр I — 187, 206, 209, 219, 227, 242, 246, 258
Александров Андрей — 274
Александрович Дмитрий — 127
Александрович Федор — 231–233, 277
Александровский С. — 198
Алексеев (Симеон) Семен — 274–275
Алелеков А.Н. — 42, 44, 47, 50, 52, 120, 275
Амбодик-Максимович Н.М. — 113, 160–162, 272
Амосов Афанасий — 274
Андреев Карнил (Карп) — 274–275
Андреевский Илья — 76, 277
Андреянов Петр — 274
Андриевский Ефим Иванович — 235
Андриевский Иван Васильевич — 116
Андриевский Иван Ефимович — 236
Андриевский И.С. — 272
Андриевский Стефан (Степан) Семенович — 123, 135–139, 151, 205, 209
Андриевский Моисей — 132, 277
Анисимов Е.В. — 25
Ануфриевский Иван — 99, 277
Аристотель — 9
Аскончевский В. — 120, 160, 201
Ашарати И.А. — 68
Аш Георгий — 92, 115

Б

Бажуловский Григорий — 201, 277
Базилевич Григорий Иванович — 152–153, 205, 213–214
Балабан Федор Константинович — 119, 277
Бараев Алексей — 274
Баран Гавриил — 118
Баранович Варлаам — 242
Баранович Иван — 225
Баранович Лазарь — 12

Баранович Степан — 226, 269
Баранович Иван Прокопович — 225–226
Барановский Степан (Стефан) — 118, 277
Барсук-Моисеев (Мойза) Фома Иванович — 156–157, 257, 272
Баршанин Иван — 99, 277
Барышевский Петр — 116
Бахерахт Андрей Гаврилович — 155–156, 189, 214
Бедрин Лаврентий — 221, 277
Безсонов Иван — 275
Белоусов Федор — 266–267, 277
Белошицкий Данила — 221, 277
Белявский Павел — 202, 277
Беляев Иван — 274
Беляев Григорий — 57, 275
Березовский Власий (Василий) — 221–222, 277
Берла Андрей Иванович (Арсений) — 71–72, 168
Берлинский Максим Федорович — 122, 228, 254–255
Берлинский Степан (Штефан) Федорович — 121–122, 124–125, 183, 228, 269, 277
Бернулли Даниил — 39
Бидлоо Готфрид — 22, 41–42, 47
Бидлоо Ламберт — 41–42
Бидлоо Николай — 21, 29, 30, 34, 39, 41–48, 50–52, 54, 56–58, 68, 69, 77, 81, 116, 154, 157, 192, 213, 275
Блажнев Степан — 274
Бланк — 115
Блок И. — 92
Блонский Иероним — 148, 174
Блюментрост — 21
Блюментрост Иван Лаврентьевич — 38
Блюментрост Лаврентий Алферович — 38
Блюментрост Лаврентий Лаврентьевич — 38, 39, 81–82
Бнембовский Иван — 231, 277
Богашкий Георгий — 244–245
Богатырев Петр — 56, 275
Богданов Федор — 274
Богданович Иосиф — 99, 277
Богородский С.О. — 229
Бок — 95

Болгаревский Михаил Прокопьевич — 277
 Бородин Николай Каленикович — 4, 111, 120
 Борецкий Иван — 8, 9, 11
 Бронкевич Леонтий — 12
 Брояковский Лев — 231, 277
 Брусовский Лукьян Иванович — 108
 Будников Прохор — 246
 Бужинский Гавриил Федорович — 55, 56
 Буйнаков Иван — 274
 Буйнаков Дмитрий — 275–276
 Бунге Х. — 269
 Бургаве Герман — 20–21, 38, 42, 81
 Бургаве-Каау А. — 21
 Бурденко Н.Н. — 5, 41
 Бучинский Афанасий Тимофеевич — 126, 277
 Буш Иван Федорович — 209, 213

В

Валицкий Василий — 264, 266, 277
 Валосевич Василий — 249–250, 277
 Васильев А.И. — 97, 140, 153, 205, 228
 Васильев Данило — 274
 Васнехнов Андрей Максимович — 145–146, 277
 Васнехнов Максим — 146
 Вежицкий Андрей — 75, 277
 Вейтбрехт — 39
 Величковский Иван — 181, 277
 Велланский Василий — 181–182, 186, 221–222, 277
 Велланский Данила Михайлович — 181–182, 185–186, 228, 240, 272
 Велланский Матвей Михайлович — 181–186, 228, 269, 277
 Вербицкий Тарасий — 98
 Верболюзов Петр — 253, 264, 278
 Вергилий — 9
 Веренинов Андрей — 274
 Вернадский Василий — 269
 Вернадский В.И. — 5, 22, 60, 62–65, 170, 183, 190, 228
 Верхрадский М. — 120
 Веснинский Стефан Иванович — 144, 278
 Веснинский Иван — 144
 Виллие Яков Васильевич — 187, 206–207, 209, 249

Винюков Иван — 57, 275
 Вирожевич Адам — 238
 Вироцкий Филипп — 231, 278
 Вислов Герасим — 274
 Вишневецкий Михаил Корибут — 15
 Вишневецкий Михаил Саввич — 128
 Воейков Федор Матвеевич — 112, 115, 117, 119
 Войцеховский Осип — 250
 Возницын П. — 17
 Волчанецкий Петр — 269
 Волчанецкий Д.В. — 221
 Волчанецкий Иван — 232
 Вольф И. — 92
 Волянский Виктор — 250–251, 278
 Воронов Семен — 274
 Второв Федор — 275, 276
 Вульф Франц — 98
 Выговский Иван — 15, 256
 Выприцкий Тимофей Степанович — 112, 115, 278
 Выразевич Андрей — 224, 278
 Высоцкий Семен — 225, 278
 Вышневецкий Михаил — 278

Г

Габудович Андрей — 253, 278
 Гаевский Семен Федорович — 214, 240
 Гайстер — 160
 Галлер — 21
 Гальковский — 278
 Гальковский Антон — 186, 278
 Гамалея Василий — 100, 238
 Гамалея Григорий — 100
 Гамалея Михаил Леонтьевич — 99–101
 Гамбергер — 157
 Гамильтон Мария — 30
 Гамильтон Томас — 30
 Гарнерен — 177
 Гартман — 167
 Гаршавин Иван — 99, 278
 Гвоздиевский Иоанн — 242
 Гейстер — 160
 Герман Иван — 186, 278
 Гизель Иннокентий — 12
 Гилевский Иван — 119, 278
 Глебов — 96
 Гловацкий Василий — 243, 278
 Гловацкий Иван — 250–251, 278

Гловацкий Леонтий — 186, 278
 Гловацкий Степан — 231, 278
 Голиков И.И. — 32
 Голицына Екатерина Дмитриевна — 161
 Головащенко Михаил — 202, 278
 Головин Ф. — 17
 Гольдин И.И. — 177
 Горголи Савва Дементьевич — 79–80
 Горголи Иван Дементьевич — 80
 Гординский Петр Андреевич — 199–200, 210
 Гороженинов Петр — 274
 Гороховский Марк Иванович — 154–156
 Готтон П. — 42
 Гофман Петер Фридрих — 163
 Гошкевич Григорий — 50
 Гребинецкий Павел — 231, 278
 Грегори — 167
 Гречулевич Даниил — 249–250, 278
 Грибоедов А.С. — 229
 Григорович Онуфрий — 99
 Григорович-Барский Василий — 83–84
 Григоренко Василий — 253, 278
 Григоровский Василий Андреевич — 79
 Григоренко Стефан Федорович — 142, 278
 Григоренко Федор — 142
 Григорович Онуфрий — 99, 278
 Громов С.А. — 217
 Груби И.Э. — 261
 Грушинский Семен — 181, 278
 Грушинский Гавриил Федорович — 170, 172, 183, 278
 Губский Степан — 230–231, 278
 Гугулевичевна Галшка — 5–8
 Гулькевич Макар — 244, 278

Д

Давидович Федор — 99, 278
 Дамаров Василий — 181
 Данилевский Алексей Иванович — 169
 Данилевский Иван Лукьянович — 80–81, 99, 101–102
 Данилевский Лукьян — 101
 Даниленко М.В. — 47

Дараган Ефим Федорович — 132
 Дегтярев Петр — 246
 Демин А.С. — 52
 Денжаков Василий — 275
 Де-Тейльс А. — 81
 Димаров (Дамаров) Василий — 278
 Динничевский Иван — 238
 Дмитриев Василий — 274
 Добриловский Евфим — 253, 278
 Доброчевский Александр — 119
 Домонтович Федор — 168
 Дончевский Леонтий — 231, 238, 278
 Дорогонеvский Семен — 231, 278
 Дорошевский Артем Иосифович — 112, 115
 Дубецкий Онуфрий — 223, 278
 Дуковский Иван — 54, 275
 Духовский Григорий — 231, 236, 279
 Дьяков Н.Я. — 217
 Дьякович Николай — 224, 279
 Дювернуа — 39
 Дювернэ Ж.Г. — 29
 Дюпюитрен — 228

Е

Евреинов Сергей — 275, 69
 Езифович Матвей — 54, 275, 279
 Екатерина II — 91–92, 94, 96, 98, 120, 150, 169, 205
 Еллизен (Елезин) Иоганн Георг (Егор) — 189–190
 Елинский Михаил Михайлович — 179, 279
 Емельянов Лев — 274
 Ермоленко Полит — 89

Ж

Жадзик — 15
 Жираvский Михаил — 143, 279
 Жировой Михаил — 54, 55, 275
 Житецкий Александр Семенович — 128–129, 279
 Жуков Егор — 274
 Жуковский Василий Григорьевич — 150–151
 Журавский Иван — 53
 Журавский Лукьян Иванович — 53
 Журавский Михаил — 53
 Журавский Тимофей Алексеевич — 53

Журавский Федор — 50, 52–56, 275
Журавский Яков — 53
Жураковский Феодосий — 253, 279

З

Заблудовский П. — 120
Заборовский Рафаил — 13
Завидович Федор — 99, 279
Загорский П.А. — 209, 213
Заев Василий — 130
Замойский Хома — 15
Захарченков Афанасий — 238
Зверев Егор — 274
Зверяка Евстафий Федорович — 107–108
Зеленский Петр — 168
Земка Тарасий — 12
Зимнин Алексей — 274
Змеев Л.Ф. — 4, 119, 187, 271
Золотарев Михаил — 275, 276

И

Иваницкий Федор Васильевич — 167
Иванишев (Иваниш) Дмитрий Александрович — 195
Иванов Матвей — 201
Иванченков Кирило — 230, 231
Иконников Иван — 7, 275

К

Казаковский Семен Федорович — 170–172, 183, 269, 279
Кайданов Яков Кузьмич — 202–203, 240
Калгин Спиридон — 57, 275
Калиновский Илья — 180, 279
Калинский-Гелита Осип Федорович — 248–249
Калифизин Николай Иванович — 132–133, 279
Канашевич-Сагайдачный (Сагайдачный) Петр — 7, 8
Каннский Мелетий — 50
Кантемир Д.К. — 70
Капля Илья — 130
Капля Захарий — 130
Каргин Афанасий — 54, 275
Кармалей Данила Иванович — 266–267, 279

Карпинский Емельян — 117
Карпинский Василий — 222, 279
Карпинский Никон Карпович — 162–163, 212–213
Карпов Кирилл — 96, 279
Карпов Федор — 275
Кашинский Григорий — 174
Кашинский Иван Григорьевич — 170, 172, 174–179, 211, 273
Квятковский Никита Григорьевич — 133–134
Кирдан Осип — 96, 279
Киреев Иван — 56, 275
Клеопович Максим — 181, 279
Климентьев Дмитрий — 276
Книгин И. — 114
Княгиницкий Михаил — 132, 279
Ковальский Феодосий — 231, 279
Когодовский Федор Васильевич — 142, 279
Козловский Михаил — 238–239
Козьмин Алексей — 276
Колесов Степан — 274
Колосовский Дмитрий Никифорович — 138–139
Колосовский Н.Ф. — 135
Колпаков Дмитрий — 57, 275
Колыбин Иван — 274, 275
Комарницкий Лукьян — 231–233, 279
Комаров Андрей — 274
Компанейцев Павел — 230–231, 279
Кондоиди Афанасий — 70
Кондоиди Павел (Панаиота) Захарович — 59, 68, 69–75, 79–81, 87–88, 207
Кондратович Кириан — 56
Кондрацкий Лука — 239
Кондрацкий Семен — 253–253, 279
(Кониский) Георгий — 75
Концевич Николай — 221, 279
Коперник — 12
Копитовский Савва — 99–100, 279
Копыстинский Захарий — 8
Корвизар Жан Николас — 228
Корб Иоганн Георг — 30
Корниевский Ефим Андреевич — 179, 279
Коропчевский Николай — 253–253, 279
Кортаев Иван — 275
Косов Сильвестр — 10

Костич Иван Иванович — 144–145, 279
 Костич Иван — 145
 Костомаров Н.И. — 22, 29
 Кохановский Михаил — 221, 279
 Кочубей Виктор Павлович — 230
 Кошаровский Афанасий — 185, 279
 Краковецкий Василий — 221, 279
 Красницкий Венедикт — 231, 279
 Красновский Стефан — 99, 280
 Красноленский Александр — 223, 280
 Краснопольский Иван — 57
 Краснопольский Гаврила — 57, 275
 Краснопольский Рафаил — 50, 57
 Кременецкий Гавриил — 98, 117
 Кривцовский Владимир Филиппович — 224, 280
 Круглик Андрей — 133, 280
 Крутень Матвей Самсонович — 80, 272
 Крылов Петр — 275
 Крюков В. — 17
 Кудрявцев С. — 274
 Кузмич Павел — 76, 280
 Купинский Исайя — 6
 Куракин А.Б. — 209
 Курдимовский Иван — 99, 280

Л

Лазаревский Иван — 99, 280
 Ламетри — 21
 Ласси П. — 68, 69
 Лахтин М.Ю. — 271
 Лаштопов Григорий — 181, 280
 Лебедев Иван — 276
 Левандовский Антон — 251
 Левенгук Антони — 22
 Левицкий Григорий — 231, 280
 Левицкий Иван — 202, 280
 Левицкий Иосиф — 253–253, 280
 Левицкий Леонтий — 264, 280
 Леонтович Дмитрий — 223, 280
 Леонтович Савва Алексеевич — 80–81
 Леонтьев Иван — 274
 Лерхе Йоганн-Якоб — 69, 106
 Лесток — 70
 Лефорт Ф. — 17
 Лехницкий Григорий — 131, 280
 Лехницкий Кассиян — 148
 Лехницкий Стефан — 280

Ливандовский Антон — 250, 280
 Линденманн А. — 92, 217
 Линней — 85
 Линцевский Василий Моисеевич — 135, 280
 Лобанов Иван — 274
 Ломан Владимир — 89–90
 Ломоносов М. — 149
 Лопатин Михайло — 274
 Лопатин Степан — 57, 275
 Лорер Н. — 229
 Лосинский Антон — 76, 280
 Лукьянов Сергей — 274
 Луцак В. — 6
 Любинский Иван — 231–232, 280
 Лящевский Варлаам — 134

М

Магнитский Дмитрий — 276
 Мазепа Иван — 13, 49, 53, 57, 256
 Мазюкевич Михаил — 245
 Макарьевский Григорий — 75, 76, 280
 Макиевский Андрей Ефимович — 142, 280
 Максимович Иван (сын Максима Данилевского) — 80, 146–147, 280
 Максимович Иван Петрович — 80
 Максимович М.А. — 229
 Максимович Манасий — 160
 Максимович Михаил Петрович — 264–266, 280
 Максимович Петр — 265
 Максимович Семен — 134
 Максимович Федор — 128
 Максимович-Амбодик Нестор Максимович — 257
 Малашевский Петр Федорович — 127, 280
 Малашевский Федор — 127
 Малецкий Иосиф — 222, 280
 Малинка А.Н. — 52
 Малишевский Стефан — 99, 280
 Малкович Яков — 221, 280
 Марков Никифор — 274
 Маркович Иван — 128
 Маркович Иосиф — 242
 Маркович Н. — 106
 Мартынов Антон — 274
 Марцинкевич Петр Михайлович — 119, 280

Маслов Сергей Иванович — 60
 Масловский Антон Федорович — 198, 272
 Масловский Афанасий Федорович — 196—198, 200, 221
 Матвеев Михаил — 274
 Матеи Любим — 86
 Матковский Федор — 125, 135, 140
 Медников Константин — 275
 Мелен Яков фон — 90
 Меленский А. — 247
 Меленский Андрей — 241—242
 Мелес Яков — 96, 280
 Мензиковский Лаврентий — 99, 280
 Ментов Емельян — 274
 Меншиков — 249
 Меркурьев Александр — 224—225, 280
 Мигура И. — 13
 Миельжичский Максим — 96, 280
 Милюевский Павел — 99, 280
 Милюков П.Н. — 17
 Миних Б. — 68—70
 Миславский Варлаам — 148, 174
 Миславский Самуил — 96, 98, 148—149, 160, 166, 181, 186
 Митрофанов Сила Митрофанович — 80, 88, 105
 Михайлов Алексей — 274
 Михайловский Гаврило — 115
 Михайловский Лев — 141, 280
 Михнович Михаил — 245
 Могила Петр — 10—12, 14—15, 130
 Могилевский Василий — 181, 281
 Могилянский Арсений — 94, 98
 Модель И. — 92
 Мокиевский Василий — 146—147, 281
 Мокошинский Аким — 238
 Молтянский Иван — 141, 281
 Молтянский Фома — 141
 Монтов Емельян — 275
 Морашкин Игнат — 186, 281
 Морт Я. — 42
 Мотылевич Иван — 231, 237, 281
 Мохов Осип Емельянович — 254
 Мошинский Карп — 181, 281
 Мухин Ефрем Осипович — 163
 Мышковский Яков — 250, 253
 Мышкин Гаврило — 57, 275

Н

Нашинский Иерофей — 242
 Невский В.А. — 271
 Нежинец Григорий — 99, 281
 Нек Ян ван — 18
 Нестеровский Андрей — 181, 281
 Нефедов Дмитрий — 274
 Нечаев Петр — 231, 281
 Нешинский Давид — 160
 Николай I — 187
 Ника Анастасий — 82
 Новаковский Сильвестр — 250—253, 281
 Новицкий Павел — 225, 281
 Носков Иван — 195
 Носков Мелетий — 254

О

Оборин Н.А. — 29, 42, 47, 271
 Обошинский Авксентий — 237
 Овидий — 9
 Олесов Степан — 275
 Олинский Онуфрий — 223, 281
 Ольховский Тимофей — 239
 Ом Г. — 221
 Опель В.А. — 82
 Орлик Филипп — 256
 Орреус Густав Максимович — 93
 Оробьович Григорий — 221, 281
 Особовский Григорий — 76, 281
 Остроумов Максим — 274

П

Павел I — 169, 187, 205, 219, 240
 Павлов Андрей — 274
 Павловский Григорий Иосифович — 131, 281
 Павловский Иосиф — 131
 Павловский Дианисий — 76, 281
 Павловский Дмитрий — 76, 79
 Палкин Б.Н. — 4, 195, 196
 Панкратьев — 238
 Панкратьев Петр Прокофьевич — 229
 Панкратьев Никодим — 117
 Пархомовский Клим — 99, 281
 Паульсон Павел — 89
 Пашкевич Василий — 234
 Пашкевич Матвей — 181, 281

Пашенко Иван — 145, 281
 Пашенков Прокоп — 146
 Пашенков Петр — 234
 Пекалицкий Павел — 185, 281
 Пеккен Христиан — 89, 92
 Пекен Матвей Христофорович — 163
 Пелехин Гаврила Павлович — 281
 Пелехин Петр Павлович — 256, 259—263, 270
 Переяславец Василий Иванович — 144—145, 281
 Переяславец Иван — 145
 Периг Л.А. — 160
 Пернер — 156
 Петр I — 13, 15—17, 20, 22, 25—27, 29—34, 38—39, 41—43, 45—49, 52, 81—82, 94, 135, 158, 157—161, 207
 Петрашевский Иван — 221, 281
 Петров Артемий — 202, 220—221
 Петров Василий Владимирович — 221
 Петров Емельян — 274
 Петров Иван — 274
 Петров Н.И. — 4
 Петров Максим — 274
 Петров Михаил — 274
 Петров Ясон Яковлевич — 216
 Петровский Иван — 238
 Петрушевский Григорий — 246, 281
 Петрушевский Севастьян — 246, 281
 Пешковский Иван — 76, 281
 Пивоваров Григорий — 126, 127
 Пирогов Н.И. — 82
 Писковский Адриан Федорович — 180, 281
 Пискуновский Петр Федорович — 112, 115, 160, 281
 Платнер — 160
 Платон — 9
 Пленецкий Авксентий — 231, 238, 281
 Пленк — 160
 Плетенецкий Елисей — 8
 Пликовский Александр Филиппович — 168, 281
 Плющ В. — 4, 80, 120, 272
 Погорецкий Петр Иванович — 80, 103—104
 Под Петр Иванович — 116
 Подвысоцкий Илья — 231, 234, 281
 Поддубик-Сушевский П.К. — 272
 Поджо А. — 229
 Покутовский Михаил — 54, 275

Полетика Иван Андреевич — 88—89, 257
 Полонский Василий — 224, 281
 Полоцкий Д. — 124
 Полуботок Павло — 256
 Полянский Григорий Павлович — 126, 281
 Полянский Павел — 126
 Понятовский Игнатий — 57, 275
 Посников Петр Васильевич — 29
 Поступальский Иларион — 133—134, 281
 Поступальский Алексей Илларионович — 134
 Потемкин-Таврический Г.А. — 153, 165, 170
 Поторжнский Григорий — 236
 Почаский Сафроний — 12
 Прингль — 21
 Прокопович Ф. — 39, 49, 71
 Протанский Стефан Павлович — 144, 282
 Пундий П. — 4
 Пушкин А.С. — 229
 Пушников Михайло — 276
 Пылаев Илларион — 54, 275
 Пятковский Моисей — 99, 282

Р

Радченко Семен — 245
 Радыш Ярослав — 61
 Раевский Н.Н. — 227, 229
 Разумовский Кирилл — 95
 Рейницкий Василий Трофимович — 144, 282
 Рембрандт — 19
 Ридерер — 161
 Рижевский Максим — 282
 Ризенко Василий Павлович — 220
 Ризенко Иван Федорович — 121, 124—125, 183, 282
 Ризенко Федор Васильевич — 124
 Риндер Я.А. — 163
 Ринтебройг Карл (Иоганн-Христиан) — 209, 215
 Рихтер В.М. — 42
 Робертсон — 177
 Рогожина Наталья Васильевна — 225—226
 Родецкий Иван — 232, 236

Родешский Игнат – 201, 282
 Родзянка Иван – 131
 Рожалин Кузьма Федорович – 80
 Розенштейн Розен фон – 79
 Романовский Николай Иванович – 126, 282
 Романовский Иван Семенович – 127
 Российский Д. – 196
 Российский Л.М. – 271
 Ростовецкий Александр – 54, 275
 Ростопоповский Андрей – 231, 238, 282
 Рубан В.Г. – 83
 Рудольф Иоганн Генрихович – 216
 Рудыковский Евстафий – 183, 227–229, 269, 282
 Румянцев П.А. – 94
 Румянцев-Задунайский П.А. – 153, 189
 Рыбальский Георгий – 246
 Рыбников Алексей – 276
 Рыжов К. – 25
 Рюйш Фредерик – 18–20, 26, 30, 33, 43, 47, 82, 209

С

Савин Ефим – 274
 Савин Корнил – 274
 Савицкий Елисей – 133, 282
 Савицкий Иван Петрович – 112, 115, 282
 Садовский Евстафий – 253, 282
 Сакович Кассиан – 9, 10
 Самборский Автоном – 231, 238, 282
 Самойлович Д. – 104
 Самойлович Данила – 110, 257, 272
 Самойлович Федор – 86, 110, 282
 Сандул-Стурдза – 181
 Саполович Яков Иосифович – 135, 139–140, 205, 210
 Сатаров Иван Петрович – 275
 Сатаров Максим Петрович – 274, 275
 Саульский Я. – 264, 268
 Сварыка Андрей – 140, 282
 Свитен Ван – 21
 Себа Альберт – 30
 Севергин Василий Михайлович – 216
 Севрук Исидор – 282
 Седов Адриан – 276
 Селевский Яков – 231, 282

Сенаторский Дорофей – 231–234
 Семенов Себастьян – 57, 275
 Семеновский Сергей – 181, 282
 Семигиновский Иван – 224, 282
 Семигиновский Роман – 224, 282
 Семикин Иван – 246
 Семферович Андрей – 250, 282
 Серединский Авксентий – 263, 282
 Серединский Василий – 231, 233, 282
 Серединский Федор – 231, 282
 Сидорович Алексей – 80
 Сикорский М.И. – 72
 Симонтовский Петр Семенович – 96–98
 Сингалевич Яков – 222, 282
 Синкевич Иван – 245, 282
 Сиротинский Григорий – 202, 282
 Скамницкий Варлаам – 83
 Сканщицков Никита – 54, 275
 Скибинский Василий – 232
 Скибинский Иван – 231–232, 282
 Скоропадский Иван – 53
 Скрипчинский Аверкий – 264–265, 282
 Скрипчинский Власий – 253
 Славинов Яков – 274
 Словицкий Харитон – 201, 282
 Слодкевич Роман – 232
 Слонецкий Теофилакт – 148, 174, 202
 Слотен Генрих Ван – 274
 Смеловский Иван Андреевич – 214
 Смеловский Тимофей Андреевич – 215
 Смиловецкий (Смиловский) Иван Андреевич – 166–167
 Смотрицкий Мелетий (Максим) – 9
 Снегирев Д.И. – 149
 Соболевский Григорий Федорович – 80–81, 215
 Сობоль Василий – 99, 282
 Созонович Тимофей – 181
 Сокальский Иван – 263, 282
 Соколов К.Я. – 206
 Соколов М.И. – 53
 Соколовский Афанасий – 51
 Соколовский Никита – 240
 Соловьев Матвей – 275
 Солухин Андрей – 244, 282
 Сорокин Павел – 244, 282
 Сорочинский Иван – 221, 283
 Соссерот – 160

Спешницкий Семен — 242
 Ставинский Анастасий — 168
 Ставровский Кирилл — 57, 275
 Старцев И. — 13
 Сташевский Матвей — 274
 Стемжицкий Михаил — 231–232, 283
 Стефан Фридрих Христофорович — 163, 216
 Стефанович-Донцов Михаил Яковлевич — 109, 283
 Стефановский (Стопановский) Федор Андреевич — 180–181, 283
 Стопаковский Григорий — 95, 283
 Стоцкий Михаил Васильевич — 180, 283
 Стоянов Косма Саввич — 268–270, 283
 Строганов А.С. — 210
 Строшовский Антоний — 50
 Струков Ефим — 274
 Субачев Василий — 276
 Суворов А.В. — 153, 170–171
 Сукин Гаврило — 274, 99
 Сулима Георгий — 283
 Сухарев Григорий Иванович — 217
 Сухницкий Гаврило — 274
 Сушковский Василий Самойлович — 111
 Сушковский Иван Васильевич — 111
 Сушковский Олекса — 111
 Сушковский Самуил — 110

Т

Тавлеев Федор — 274
 Тарасевич Григорий — 118, 283
 Тарасов Игнат — 274, 275
 Тейльс Иван де — 112, 115, 116–117
 Тереховский М.М. — 86, 112–113, 139, 162, 257, 272
 Тимковский Иосиф Тимофеевич — 80, 88
 Тимченко Григорий Павлович — 109
 Титов Ф.И. — 48, 94
 Титович Иван — 118, 283
 Тихонович Иван Романович — 127
 Тихонович Василий — 76, 283
 Тихорский Фома Трофимович — 80, 88, 136
 Толмачев Андрей — 274
 Топольский Давид — 231–232, 283
 Топольский Стефан — 181, 253, 283
 Топачевский Стефан — 253, 283

Травницкий Кирилл — 231, 283
 Травулинский (Травлинский) Антон Яковлевич — 129
 Травулинский (Травлинский) Онисим Яковлевич — 129, 283
 Травулинский Яков — 129
 Тредиаковский Александр Иосифович — 127, 283
 Тредиаковский Иосиф — 127
 Трезини Доменико — 3, 93
 Трипольский Илья — 150, 283
 Трипольский Семен — 283
 Трофимович-Козловский Исайя — 10, 12
 Трохимовский Василий — 99, 283
 Трохимовский Михаил Яковлевич — 211
 Трубецкой С. — 229
 Трубчаткин Матвей — 274
 Турнавиот Иван — 134
 Туробойский Иосиф — 50
 Турский Прокоп — 231, 283
 Туча Иван — 142, 283
 Тышевский Иван Григорьевич — 152–154
 Тюльп (Тюльпиус) Николас — 18

У

Угримов Яков — 54, 55, 275
 Уден Конрад Фридрих — 214
 Узнанский — 98
 Уразов Василий — 274
 Усович Михаил Кузьмич — 246
 Усович Кузьма — 246
 Усовский Павел — 181

Ф

Фаворский Алексей Иванович — 180, 283
 Фальковский И.Я. — 4–5, 7, 14, 148–149, 193–194, 220, 222, 242
 Фатер Абрахам — 42
 Федорович Владимир — 144, 283
 Федорович Демьян — 76
 Федосеев Иван — 98–99
 Феофан — 6
 Фигуленский Хома — 99, 283
 Филиппов Василий — 274
 Филиппов Дементий — 57, 275

Фитингоф И.П. — 205
 Фиялковский Иван — 79
 Фиялковский Степан — 76, 78–79
 Фомицкий Лев — 181, 283
 Франк Петер Иоганн — 102, 209, 217, 220
 Франтковский Фома Иосифович — 267, 283
 Фрелинкур К. — 42
 Фрусевич Иван — 268, 283

Х

Хижняк З. — 120
 Хлебников Никита — 54, 275
 Хмельницкий Емельян — 99, 283
 Хмельницкий Иван — 201, 283
 Хмельницкий Богдан — 61, 100
 Хмельницкий Юрий — 256
 Хоботов Трофим — 274
 Хомутов Илья — 274, 275
 Хомяков Филипп — 95, 283
 Хорошилов Иван — 274

Ц

Центнер Федор — 54, 275
 Цицерон — 9

Ч

Чайковский Петр Федорович — 99, 102–103
 Чайковский Петр Ильич — 103
 Чалов Матвей — 54, 275
 Чарнуцкий Антон — 130, 283
 Чарныш Иван — 57
 Чарныш Иван Никифорович — 57
 Чарныш Данила — 56, 57, 275
 Чашин Иван — 274
 Чедневский Петр — 143, 283
 Черкасов А.И. — 92
 Черноградский Иван — 54, 275
 Чернявский Иван Макарович — 118, 283
 Чернявский Макар — 118
 Чернявский Федор Григорьевич — 151–152
 Черняховский Павел — 221, 284
 Чистович Я.А. — 4, 75, 80, 90, 120, 157, 185, 211, 271
 Чичагов Тимофей — 274

Чубенский Николай Фомич — 276
 Чукеевич Даниил — 54, 275

Ш

Шабанов Дмитрий — 275, 276
 Шанин Иван — 274
 Шароградский Дмитрий — 231, 284
 Шафаревский Моисей — 181, 284
 Шафонский Афанасий Филимонович — 104, 197
 Шафрановский Андрей — 99, 284
 Штаба Иван — 99, 284
 Швабич Андрей — 222, 284
 Шпаковский Стефан — 223
 Шевчук Мирослава — 50
 Шедель И.Г. — 14, 134
 Шеин М.И. — 160
 Шелин Иван — 79
 Шеллинг Фридрих Вильгельм — 185
 Шенкбехер Иоганн Георг — 92
 Шере Александр Иванович — 216
 Шеремицинский Николай — 232
 Шидловский Василий — 99, 284
 Шидловский Михаил Михайлович — 275
 Шишковский Иван — 125, 284
 Шлерет — 157
 Шлефонт — 78
 Шматковский Яким Тимофеевич — 180, 284
 Шпаковский Степан (Стефан) — 284
 Шрайбер И. — 68, 88, 104, 160
 Штерн — 156
 Шувалов А.И. — 89
 Шувалов И. — 89
 Шульгин В.Я. — 229
 Шумановский-Пелешенков Андрей — 223, 284
 Шумлянский Михаил — 112, 284
 Шумлянский Александр Михайлович — 112–113, 163, 257, 272
 Шумлянский Павел Михайлович — 112–114, 210

Щ

Щербакский Иосиф — 253, 284
 Щербакский Тимофей — 134
 Щелонников Яков — 274
 Щепин Константин Иванович — 82–87, 103, 272

Ширский И. — 13
Щуровецкий Алексей — 99, 284

Э

Эйлер Леонард — 39
Эразмус И. — 217
Эрскин (Арескин) Р. — 32–33, 37–39

Ю

Юзефович Андрей — 57
Юзефович — Корнелий — 57
Юзефович Стефан — 57
Юркевич Алексей — 94, 284
Юркевич Григорий Трофимович — 95
Юшманов Василий — 57, 275

Я

Яворский Григорий Иванович — 186–
187, 210
Яворский Ефим — 221, 223, 284
Яворский Семен (Стефан) Иванович
— 49, 55
Ягельский К.К. — 104
Ягельский Касьян Иосифович — 80,
88, 196

Якимович Яков Яковлевич — 179, 284
Яковлев Алексей — 276
Якубинский Иосиф — 221, 284
Яловский Иосиф — 225, 284
Янковский Дементий — 57, 275
Яновский Андрей — 99, 284
Яновский Антон Васильевич — 51
Яновский Евстафий (Остап) Яковле-
вич — 51, 115
Яновский Зеновий — 116
Яновский Иван — 51
Яновский Мартын — 275
Яновский Стефан Яковлевич — 132, 284
Яновский Яков — 132
Яновский Федор Михайлович (Фео-
досий) — 50, 51, 116
Яновский Яков — 116
Янчоковский Афанасий — 238
Янчуковский Григорий — 245
Янчуковский Иван — 284
Янчуковский Павел — 231, 284
Яроцкий Яков — 239
Ярошевский Иван — 99, 284
Ясинский Варлаам — 49
Ясневич Федор — 201, 284
Яхонтов Григорий Егорович — 58

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вместо предисловия — «Краткое историческое известие о Киевской Академии»	4
<i>Глава 1.</i> Петровские реформы в медицине. Становление государственного здравоохранения в России	16
<i>Глава 2.</i> Московская госпитальная школа Н.Л. Бидлоо (1707—1735) и ее первые ученики — воспитанники Киевской академии	41
<i>Глава 3.</i> Народные лечебники — первые учебники науки о лекарствах для учеников госпитальных школ	59
<i>Глава 4.</i> Реорганизация медицинской службы в Российской армии генерал-штаб-доктором П.З. Кондоиди в ходе войны с Турцией (1735—1739)	68
<i>Глава 5.</i> Дальнейшее реформирование медицинского образования. Воспитанники Киево-Могилянской академии в числе учеников и преподавателей столичных медицинских школ в 50-е годы XVIII в.	73
<i>Глава 6.</i> Образование Медицинской коллегии. Подготовка к Русско-турецкой войне (1768—1774) и положение Киево-Могилянской академии — основного источника пополнения учащимися госпитальных школ в 60-е годы XVIII в.	91
<i>Глава 7.</i> Студенты Киево-Могилянской академии, пополнившие ряды военных лекарей в первой половине 70-х годов XVIII в. Академия во время чумы в Киеве (1770—1772)	105
<i>Глава 8.</i> Студенты Киево-Могилянской академии, поступившие в медико-хирургические школы во второй половине 70-х годов XVIII в.	121
<i>Глава 9.</i> Служба в армии и на флоте выпускников Киево-Могилянской академии в 80-е годы XVIII столетия	148
<i>Глава 10.</i> Открытие медико-хирургических училищ в России (1786) и их первые профессора	159

<i>Глава 11. Первые ученики медико-хирургических училищ — выпускники Киевской академии</i>	165
<i>Глава 12. Набор в медицинскую науку студентов Киево-Могилянской академии в начале 90-х годов XVIII в.</i>	173
<i>Глава 13. Реформирование учебного курса в Киево-Могилянской академии на рубеже XVIII—XIX в.</i>	193
<i>Глава 14. Студенты Киево-Могилянской академии, пополнившие ряды медиков в 1798—1799 гг.</i>	201
<i>Глава 15. Медицинское обеспечение российской армии в начале XIX в. и необходимость создания Медико-хирургической академии в Санкт-Петербурге</i>	204
<i>Глава 16. Старейшие кафедры Санкт-Петербургской Медико-хирургической академии, их руководители и преподаватели</i>	212
<i>Глава 17. Воспитанники Киево-Могилянской академии — студенты Санкт-Петербургской Медико-хирургической академии (первое десятилетие XIX в.)</i>	219
<i>Глава 18. Киев и Киевская академия в 1811—1812 гг.</i>	241
<i>Глава 19. Пополнение рядов лекарей из числа студентов Киево-Могилянской академии после окончания Отечественной войны 1812 г. Закрытие академии</i>	248
<i>Глава 20. Воспитанники Киевской духовной семинарии (правопреемницы Киево-Могилянской академии) — будущие лекари</i>	258
<i>Заключение</i>	271
<i>Приложение 1 — Список учеников Московской госпитальной школы, возглавляемой Н. Бидлоо</i>	274
<i>Приложение 2 — Список студентов Киево-Могилянской Академии XVIII в., обучавшихся медицинским наукам, восстановленный по архивным источникам ...</i>	277
<i>Источники (литературные, архивные)</i>	285
<i>Алфавитный указатель фамилий</i>	317

Научное издание

М.П. БОЙЧАК, Р.Н. ЛЯКИНА

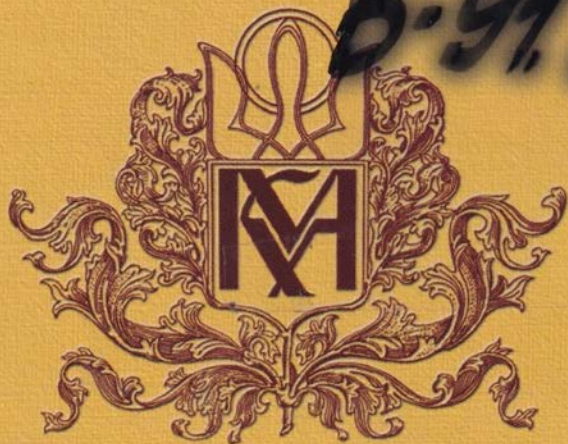
ИХ ПУТЬ В МЕДИЦИНУ НАЧИНАЛСЯ С КИЕВО-МОГИЛЯНСКОЙ АКАДЕМИИ

Подп. в печать 4.11.2011 г. Формат 60х84/16
Бумага офсет. № 1. Гарнитура "Таймс". Офсет. печать
Физ. печ. л. 20,75. Усл.-печ. л. 19,3.
Уч.-изд. л. 19,74. Заказ № 379. Тираж 500.

МИЦ «Мединформ»
03179, г. Киев, ул. Котельникова, 95
Тел./факс (044) 501-35-69
Свидетельство о внесении субъекта издательской деятельности
в Государственный реестр издателей, изготовителей
и распространителей издательской продукции
ДК № 1194 от 15.01.2003 г.

«СПД ФЛ «Коломицин В.Ю.»
Свидетельство о государственной регистрации
В02 № 257914 от 09.12.2002 г.

80²

ISBN 978-966-409-096-1